

БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ

Пермский Губернский Комитет РКП(б). Бюро Истпарта.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОРЬБА за ВЛАСТЬ

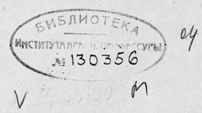
Том I-й.

Дни неоконченной борьбы.

„Он (рабочий класс России) в эти дни был великаном, рвущим большие и маленькие оковы и расправляющим свои онемевшие от долгого рабства члены“.

(Из листовки Р. С.-Д Р. П. Пермского Комитета состава 1907 года).

Гублит. № 250 Пермь. 2-я тип. ГСНХ. Аренд. Издат. Т-во „Звезда“. 1923—718. Тир. 2600 экз.

Памяти дорогих товарищей—борцов за освобождение рабочего класса от самодержавного гнета, грудью своей пролагавших пути к торжеству пролетарской революции и погибших в неравной борьбе: повешенных, растрелянных, замученных на каторге, в тюрьме и далекой ссылке — посвящается эта книга.

От Истпарта.

Основой содержания статей первой части сборника „Борьба за власть“ послужили: материалы „Вечеров воспоминаний“ в зав. Мотовилиха, где участвовало от двадцати пяти до тридцати и более товарищей, активных участников событий, документы бывшего архива охранки и жандармского управления, бывшего архива канцелярии губернатора и также, отчасти, окружного суда; целый ряд показаний, воспоминаний, фактических справок, поступавших в истпарт в письменном виде.

Главнейшие воспоминания помещены полностью. Редакция относилась к ним с крайней бережливостью, так как слова участников событий иногда кажущиеся лишними, могут послужить толчком к тем или иным выводам в дальнейшем. Скелетом к изложению, главным образом, послужили документы, непосредственно принадлежащие партийной организации в подполье и коллективные воспоминания товарищей.

Охранка лишь помогла установить точные даты, многие фамилии иногда и обстоятельства.

Фабула рассказов „Ученики“ и „Тоже отпраздновал“ взята из документов орханки, помещены также местные и некоторые характерные стихотворения, распространявшиеся в подполье.

Отделы сборника связаны между собою примечаниями редакции и дополняют друг друга.

Самым ценным материалом послужили данные, представленные истпарту непосредственными участниками событий, которым истпарт приносит горячую благодарность. Просьба к товарищам, в дальнейшей работе Бюро Истпарта исправлять неточности и дополнять далеко еще несовершенную картину местной борьбы.

Памяти борцов.

(Вместо введения).

Если погибнуть придется
В тюрьмах и шахтах сырых—
Дело всегда отзовется
На поколеньях живых!

(Из революционных песен).

Шестой год существует и борется за свое дальнейшее существование и развитие первая в мире республика трудящихся.

Шесть лет прошло с того дня, в который исполнилось предсказание русского ткача Петра Алексеевича Алексеева, смело заявившего суду царских опричников, что настанет момент, когда „поднимется мускулистая рука рабочего и ярмо деспотизма, огражденного солдатскими штыками, разлетится в прах“...

Пало царское самодержавие, на свержение которого были направлены усилия рабочего класса в течение десятков лет.

Не устояла под дружным напором организованного, руководимого коммунистической партией, рабочего класса буржуазная власть. Пролетарская революция 1917 г. смела и этот хлам с дороги, по которой двинулись трудящиеся России вперед, к коммунизму.

25 лет существует коммунистическая партия, борющаяся за освобождение рабочего класса. Ни в одной стране движение рабочего класса, а вместе с ним и руководящая этим движением партия, не переживала за такой короткий период так много различных этапов борьбы, ни в одной стране историческое „вчера“ и „сегодня“ так резко не отличались друг от друга.

Бесправный, забитый и угнетенный при царизме рабочий класс России вырос в могучую силу. Слово пролетарской правды, произносимое одиночками революционерами 25 лет тому назад, открыто звучит теперь на весь мир, призывая рабочих всех стран к борьбе с своими угнетателями-капиталистами. От руки писанные листовки превратились в нашу современную коммунистическую печать. Из боевых дружин 1905 года выросла непобедимая в мире Красная армия.

Не мало трагедий пережил рабочий класс в борьбе за свое освобождение.

Расстрел 9-го января 1905 года безоружных рабочих, их жен и детей навсегда останется в памяти грядущих поколений. Неравная борьба на баррикадах во многих городах России в 1905 году, кончавшаяся, обычно, жестоким подавлением плохо вооруженных рабочих, тоже будет памятна, как героический пример борьбы пробуждающегося рабочего класса против нищеты, гнета и бесправия.

Дикая расправа с бастующими рабочими Ленских приисков в 1912 году—яркий пример готовности царского правительства не останавливается ни перед чем ради защиты интересов капиталистов. Последней трагедией русского ракочего класса и трагедией мирового пролетариата была мировая война 1914—1918 г.г., эта последняя страница в истории русского самодержавия.

Неисчислимы жертвы русского рабочего класса, принесенные им на алтарь своего освобождения. То в жестоких схватках с врагом, то в повседневной будничной борьбе, то на улицах городов, фабрично-заводских предместий и поселков, то в тиши казематов, в глухих и отдаленных местах ссылки, гибли, сгорали лучшие силы, двигая вперед дело рабочего класса.

Памяти этих неисчисленных, не всегда всем известных жертв революции посвящается этот сборник.

История рабочего движения на Урале и, в частности, Пермской губернии, будет содержать в себе не одну славную страницу, и не мало славных имен сохранилось в нашей памяти, имен скромных борцов, беззаветно отдавших свою жизнь за дорогое для них дело рабочего класса!

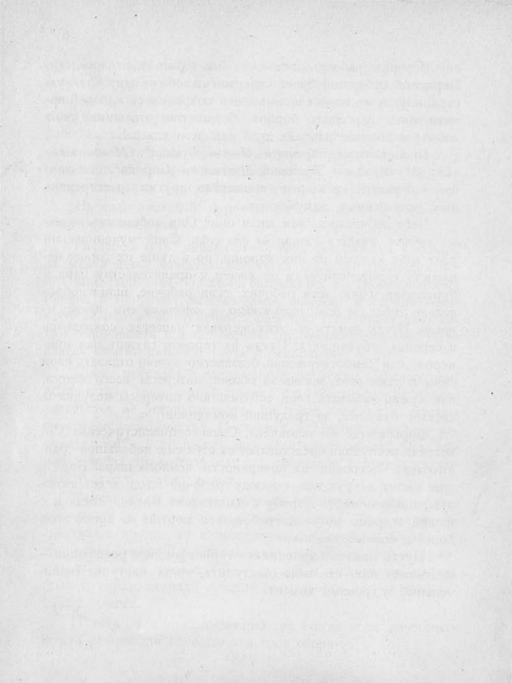
Вася Копылов, *Кузнецов Яков*—„Атаман“, *Меньшиков*—„Герой“, *Обросимов Терентий*, *Максимов*—„Сорока“, *Александров*—„Уралец“ и многое множество других расстрелянных, повешенных, замученных...

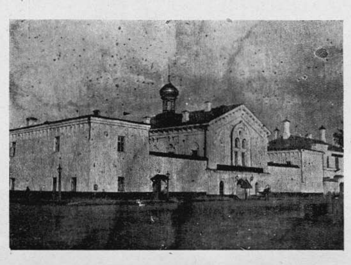
Чего добивались, чем жили они? Они добивались *не своего личного* счастья, жили *не для себя*. Свой мученический удел знал каждый из них хорошо, но в душе их горела ненависть к поработителям *их класса*, к правительству царя, к буржуазии, и они, дети рабочих, сами рабочие, шли и добровольно гибли *за дело того класса, к которому они принадлежали*. Пусть память об этих жертвах навсегда сохранится в сердцах трудящихся! Пусть их героизм служит нам примером, как самоотверженно, беззаветно нужно отдавать свои силы и даже свою жизнь за общие интересы всего класса, как нужно забывать свои сегодняшние интересы желудка за светлое будущее, за грядущий коммунизм.

Борьба еще не закончена! Союз социалистических Советских республик представляет из себя еще небольшой сравнительно, островок на поверхности земного шара. Борьба еще кипит вокруг нас, повсюду рабочий класс ведет тяжелую, полную жертв борьбу с капиталом. Время, когда и с нашей стороны могут потребоваться жертвы на арене этой борьбы, еще не миновало.

Пусть память о мучениках—героях русской революции—подскажет нам, как надо поступить, когда наступит решительный и грозный момент.

М. Т.

Пермская губернская тюрьма (фасад).

Отдел первый.

К. Ольховская.

Первые шаги.

(К процессу Пермских декабристов).

Первыми ласточками революционного дела и мысли в Пермской губернии были, так называемые, „Пермские декабристы". Пермская губерния была одним из мест административной высылки и ссылки на поселение, особенно же ее северные углы: Чердынь и Печерский край. Начиная с восьмидесятых годов, около отдельных выдающихся „политиков", как называли ссыльных в период подпольной работы, начинают создаваться небольшие группы. Мало-по-малу начинает организовываться кружковая работа.

Политическая пропаганда росла, повидимому, под влиянием местных ссыльных.

Сосланные селились в самом городе Перми и уездах. В конце концов они „оседали", т. е. занимались каким-нибудь ремеслом, или поступали на службу, но все же под шумок продолжали „свою работу".

В восьмидесятых годах в Пермь приехало несколько ссыльных и поселились около станции Пермь II, на Заимке. Многие из них стали служить на железной дороге и работать среди железнодорожников.

Из скудных сведений можно было только установить имена наиболее выдающихся из них. Большим вниманием пользовались Попов Г. В., Казаков В. Ф. и Остроумов. Они начали работать с восьмидесятых годов. За три года своей работы бывали не раз арестованы, сидели в тюрьмах, выпускались и вновь арестовывались. Много было одиноких личностей, которые вели работу

самостоятельно, без всякой иногда связи с какой-либо организацией в центре—работали так—сами по себе. Уже в 1883 году под влиянием пропаганды этих отдельных личностей вырастают „кружки". На смену личной пропаганде идет пропаганда в кружках. К концу 83 года создается целая сеть этих кружков, которая затрагивает и уезды. Кружки появляются среди рабочих в г. Перми, в з. Мотовилихе и на заводах в уездах и среди учащейся интеллигенции. По составу своему кружки носили самый разнообразный характер, так-же, как и сами ссыльные. Среди них были политические и гонимые за религиозные убеждения разных толков: раскольники, толстовцы, Одним из выдающихся ссыльных, прибывших в Пермь в 80-х годах, был Николай Иванович Сергеев из Петрограда. В организации кружков особенно выдающуюся роль играл Николай Иванович. Вскоре после его приезда квартира его превратилась в так называемую „штаб-квартиру". Приходили „к Николаю Ивановичу" политические ссыльные из Москвы и петроградские. Совместно начали вести политическую пропаганду. Собирались обыкновенно человек до двадцати пяти на окраинах города, где обсуждали политическое положение России, делились различными новинками, получаемыми из-за границы; обдумывали вопросы о постановке пропаганды среди рабочих и крестьян. Для этой цели вербовали с большой осторожностью местных „сочувствующих".

Одной из первых работ Сергеева была организация помощи политическим ссыльным. Помогали не только своим, но и проезжавшим через Пермь в Сибирь, а также и возвращавшимся из Сибири. Была организована касса. Помощь оказывалась платьем, обувью и деньгами. Сергеев пользовался большим влиянием. „Беседы у Николая Ивановича затягивались далеко за полночь". Вскоре около него создался один из сильных кружков.

Наряду с Сергеевым работал высланный в Пермь, также в 80-х годах, Маликов. Пропаганда имела религиозную подкладку. Маликову удалось очень сильно развить пропаганду

в своем направлении, он приобрел себе последователей. Но вскоре „Маликовцы“ со своим вождем должны были эмигрировать в Америку.

Появляются кружки организованные по подготовке „к свержению существующего монархического строя“.

Движение быстро распространилось, особенно среди молодежи как в Перми, так и на заводах. Подпольные кружки уже создают свою кассу. Деньги шли обыкновенно на литературу. Организуется покупка газет и журналов из-за границы и из Петрограда. Ходовыми книгами были „История французской революции“, „Колокол“, „Земля и Воля“ и др. В большом количестве читался Ренан. Надо отметить, что излюбленным поэтом был Некрасов. В кружках зачитывались им и изучали наизусть. В задачи растущих кружков входила также помощь политическим ссыльным и пострадавшим от арестов товарищам.

Кружки работали под флагом „социализма“ и участники их называли себя „социалистами“. По существу своему это были народники.

Кружок в з. Мотовилихе работал несколько практичнее. Здесь была основана школа для взрослых при читальне. Читальня носила общественный характер. Сюда шла и нелегальная литература, нецензурные книги ходили „из-под полы“. Из завода Мотовилихи выросла связь с заводами в уездах и с деревней через учителей и волостных писарей.

Такая работа продолжалась до конца 1883 года.

К этому времени в Пермь приехал губернатор Анастасьев. Он являлся большой угрозой для нелегальных кружков.

Одним из основных кружков для Перми и Мотовилихи был кружок Александра Николаевича Бахарева.

Однажды обратил на себя внимание Бахарева некто Мироносицкий. Он показался Бахареву очень уже обиженным судьбой. В результате Бахарев устроил его у себя на квартире и занялся

его образованием. В то время Бахарев служил на железной дороге и неожиданно для себя был уволен. Видимых причин к увольнению не было. Бахарев при помощи Мироносицкого устроился в городской управе и стал работать вместе с ним.

Основные кружки к концу 1883 года работали и собирались под руководством Николая Бахарева в доме Маркова, в Перми, у Казакова Василия Филипповича (студент Петроградского Университета)—в Мотовилихе. Панневиц, Евгений Гвидович, работал среди учащихся, Серебренниковы сестры Анна и Вера вели работу среди учащихся интеллигенток, главным образом, в женских гимназиях; известен еще Остроумов, Иван Григорьевич, по работе в г. Перми.

3-го декабря 1883 года в заводе Мотовилиха были назначены сходки: одна в библиотеке, другая в квартире Вязикова. У Казакова собрались Панневиц, Остроумов, Першин, Безукладников Андрей, сестры Серебренниковы и многие другие работники. В числе собравшихся был и Мироносицкий. На сходке был поставлен и обсужден вопрос о развитии пропаганды среди рабочих при помощи создания новых кружков. В конце собрания присутствующим были розданы вновь полученные газеты и книги.

Возвращались домой среди ночи (с 3-го на 4-е декабря), видели, как мимо них прокатили на нескольких тройках жандармы и полиция. Как вскоре выяснилось, ездили в з. Мотовилиху для ареста сходок.

Возвратившиеся в Пермь со сходки думали ночевать в доме Маркова на Петропавловской, но по пути же были арестованы. Во главе с Бахаревым Александром Ивановичем были арестованы Безукладников Андрей, Деменев и др., всего двенадцать человек. Тотчас же все были отправлены в тюрьму. Одновременно были арестованы Остроумов, Иван Григорьевич (умер), Панневиц, Евгений Гвидович (умер), и сестры Серебренниковы Анна и Вера, Попов, Евгений Васильевич (умер), Про-

кудин—Горский, Грибель, Кузовников Александр Иванович (умер), Высотин Иван Иванович (умер).

Из Мотовилихи кроме Александра Бахарева, одного из главных работников, были выхвачены: брат Бахарева—Николай, Першин (умер), Гневашев Александр Михайлович, работавший в библиотеке и школе в з. Мотовилиха (умер), Пустозеров Петр Васильевич (умер) и др. В уездах и на заводах также были выхвачены активные работники, например: в заводе Очер был арестован Пашихин Козьма Алексеевич (бывш. волостной писарь).

Был взят в Перми и Николай Иванович Сергеев. Его квартире полиция уделила особенное внимание. Квартира его была положительно разгромлена.

Главным образом полиция искала переписку с Сибирскими организациями и с другими городами России. Был арестован и живший у него на квартире Безукладников Андрей. В одну ночь с 3-го на 4-е декабря 1883 года были, таким образом, произведены массовые аресты в г. Перми, в з. Мотовилиха и уездах. Были арестованы положительно все руководители кружков и активные участники их, всего до 70-ти человек. Всех же арестованных насчитывали до двух сот человек рабочих, служащих Пермской ж. д. и з. Мотовилихи, часть учеников и учениц мужских и женских гимназий. В уездах были арестованы учителя и несколько волостных писарей. Из участников кружков вспоминают еще целый ряд лиц, из которых выделяются Лоскутов Петр Александрович (умер), Белавин Григорий, Шустов, Баишев Александр (умер), Евдокимов Николай (умер), Марков Яков (умер), Кузнецов Вячеслав Григорьевич, Норин Николай Михайлович, Базаркин Яков Никитич и еще целый ряд интеллигентов, менее заметных и вскоре освобожденных по различным ходатайствам (например, три инженера были освобождены по ходатайству дочерей губернатора).

Всех арестованных в ночь с 3-го на 4-е декабря отправили в тюрьму и рассадили по одиночкам в холодные подвалы-кар-

цера. Обыкновенно сюда не сажали политических, сажали убийц-каторжан.

В тюрьме „декабристы“ узнали через караульных солдат Мотовилихинского гарнизона, что выдал их Мироносицкий.

Оказалось, что губернатору Анастасьеву было известно кое-что о существовании в Перми нелегальных организаций. Он привез с собою из Петрограда агента Петроградской сыскной полиции Мироносицкого и Шиляева. С первых же дней Мироносицкий стал „работать“. Помогали ему какой-то Марков и в Мотовилихе Галаков и Сюранц. Он втерся в доверие к мотовилихинским рабочим, узнал о Бахареве, как об одном из главных организаторов кружков, и, под видом угнетенной и обиженной невинности, обратил на себя внимание Бахарева. В результате Мироносицкий поселился на квартире у Бахарева. Здесь он узнал о всех участниках в кружках Бахарева и стал вхож в другие кружки. Вскоре у него как на ладони была вся сеть кружков и знакомство со всеми руководителями кружков и их работой. Мироносицкий был произведен за свою работу в пристава первого участка.

„Декабристы“ сидели разные сроки, от 3-х месяцев и более года.

Дело их было отослано в департамент полиции и представлено через министра внутренних дел императору.

В начале 1885 года дело „декабристов“ было рассмотрено. По высочайшему повелению все активные участники процесса были приговорены к ссылке в Сибирь в административном порядке.

Бахарев Александр и Казаков были сосланы в Тобольск; Бахарев Николай—в город Иргиз, Тургайской области; Попов Е. В., Панневиц—в Томскую губернию, Безукладников—в крепость Уил, Уральской области, и т. д. Остальные были отданы под надзор полиции.

Таким образом, губернатору Анастасьеву удалось выследить и выхватить лучшие силы из среды рабочих и интеллигентов и тем самым разгромить нарождавшуюся впервые революционную организацию.

Многие из упомянутых ссыльных, вернувшись, впоследствии принимали активное участие в революции 1905 года. Многие из них руководили забастовочными комитетами и вообще принимали активное участие в движении с 1905 по 1907 год.

Процесс декабристов, благодаря своему массовому характеру, произвел большое впечатление и имел значение агитации среди широких рабочих масс. Арест и ссылка сразу 73-х человек, как раз тех, кто наиболее пользовался популярностью, дал результат. Несмотря на то, что были выхвачены все выдающиеся рабочие и интеллигенты, это был первый сильный толчек к организации рабочих в заводских центрах.

В. Южаков.

На заре

(Отрывочный очерк за период с 1893—1901 г.г.).

Составить последовательный очерк зарождения и развития марксизма в Перми, пользуясь теми источниками, какие имеются, довольно затруднительно. В политическом архиве бывшего жандармского управления сохранились лишь отрывочные материалы, большею частью протоколы обысков, на основании которых можно установить некоторые моменты социал-демократической работы с 1902 г.,—с момента первых крупных арестов социал-демократов и социалистов-революционеров.

Пропаганда марксизма началась в Перми, Кунгуре и Красноуфимске много раньше. Кого именно можно считать первым марксистом в Перми—сказать трудно, но, несомненно, марксисты появились в Перми уже в 1893 году.

В этом году Николай Васильевич Арефьев организовал в Перми кружок молодежи (из гимназистов и семинаристов), „с целью преступной пропаганды среди молодежи" (по выражению жандармского летописца).

Каков характер пропаганды был в действительности в кружке Арефьева - сказать трудно за отсутствием материала. На моих руках в 1897—99 г.г. преемственно сохранилась лишь библиотека этого кружка. Там были сочинения Чернышевского, Михайловского, „Исторические письма" Лаврова (в рукописном виде), но тут же сохранялось популярное изложение I тома „Капитала" К. Маркса, в редакции К. Каутского (в рукописном виде). В очень потрепанном виде досталась мне от кружка Арефьева „Политическая экономия" Милля, с примечаниями Чернышев-

ского. Но эти примечания как раз развивали мысли, высказанные Марксом уже в целой научной системе.

Из первых кружков Пермской молодежи 90-х годов вышли потом убежденные социал-демократы, сыгравшие немалую роль в уральском рабочем движении: И. П. Ладыжников*), Трапезников В. Н.

В 1894 году появились в печати отдельной легальной книгой (за невозможностью напечатать в каком-либо журнале с теоретиками народничества) „Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России“ Петра Струве (тогда легального марксиста, не ведавшего тех революционных выводов, какие сделал из марксизма русский рабочий класс).

„Критические заметки“ Струве доходят до Перми и здесь вызывают живой обмен мнений между участниками „вечеров“ земской интеллигенции в квартире женщины-врача Серебренниковой и на заседаниях экономического о-ва.

Пермское губернское земство открывает свой кустарно промышленный банк—для помощи кустарному производству губернии, а в кружке Серебренниковой уже находятся оппоненты, которые, согласно выводам Струве, заявляют, что кустарное производство—это мертвое дело, остаток натурального производства,—Россия вступила на путь капитализма и „капитализм не только зло, но и могущественный фактор культурного прогресса, фактор не только разрушающий, но и созидающий... „Нет, признаем нашу некультурность и пойдем на выучку к капитализму“.

Такие речи первых марксистов в Перми были для представителей господствовавшего здесь народничества столь неожиданными и неперевариможными для их мозга и сердца, усвоившего „истину - справедливость“ Михайловского, — что скоро слово „марксист“ становится чуть ли не ругательным, аналогичным слову „капиталист“, „защитник капитала“.

*) См. в конце список упоминаемых в книге фамилий.

Народническая интеллигенция Перми в это время чувствовала себя еще довольно прочно. Она еще мечтала путем субсидий земского кустарного банка поднять экономическое благосостояние кустарей, объединить их в артели и, если не победать, то „задержать" развитие капитализма на Урале.

В 1895 году вышла книга Плеханова—под псевдонимом Бельтова—„К вопросу о развитии монистического взгляда на историю" (ответ Михайловскому, Карееву и К°). Написанная в резко-полемической форме, со свойственным Плеханову сарказмом, книга стала евангелием русского марксизма, как излагающая теорию исторического материализма.

В Перми книга переходит из рук в руки; на обысках жандармы уже начинают отбирать ее по приказу из центра (псевдоним скоро разгадали). Но Плеханов уже сделал свое дело. В 1898 году в подпольную ученическую библиотеку книга Бельтова попадает ко мне в таком виде, что на ней видны следы не только интеллигентских, но и рабочих рук. Марксизм перешел от обороны к нападению. Книга Плеханова сыграла в Перми огромную роль и читалась нами так, как не читают самый увлекательный роман.

Вскоре за легальной марксистской литературой, студент Петроградского университета Пузырев и студент Казанского университета Трапезников привозят в Пермь и нелегальную социал-демократическую литературу: издания группы „Освобождение труда", сборник „Социал-демократ" (1890—92 г.). „Стачка лжи", блестящее сочинение Плеханова о Чернышевском и др. Мы вырываем у народников их опору—Чернышевского и заявляем, что он ближе к марксизму, чем к народничеству.

Студенты и административно-высланные из центра социал-демократы организуют в 1897—98 г.г. кружки молодежи в Кунгуре и Красноуфимске.

Жандармы зашевелились. В 1898 году возбудилось дело об учениках Кунгурского технического училища: Поморцеве,

Кухумском, Воскресенском и др. Одна из участниц кружка кунгурских техников, слушательница фельдшерских курсов, Р. П. Поморцева становится энергичным пропагандистом марксизма среди учащихся г. Перми, получая наименование — „золотая женщина“ за свое умение подойти к психологии молодежи, не задевая самолюбия и тех, кто высказывал порой весьма вздорные мнения.

В этот же период жандармское управление возбуждает дело о „противоправительственном сообществе“ в Красноуфимске. Там тоже появились марксисты. Рядом с ними вели аналогичную работу и народники. Красноуфимский кружок привлек в свои ряды народных учителей. Жандармерия доносит губернатору, что брошюры издания группы „Освобождение труда“ (на легкой папиросной бумаге) пересылаются по почте.

Широкое стихийное рабочее движение, начавшееся в 90-х годах в столичных и крупных заводских центрах—в Перми пока отсутствует.

В 1898 г. в Перми организуется новый кружок учащейся молодежи под руководством уже глубоко убежденных марксистов Ивана Павловича Ладыжникова, железнодорожного фельдшера, и Владимира Николаевича Трапезникова, помощника присяжного поверенного („рабочего адвоката“). С отъездом из Перми Ладыжникова, которому грозил арест, его место—руководителя кружка—занял поднадзорный студент Евгений Пузырев, который был выслан из Петрограда в 1896 - 7 г., как участник первых социал-демократических кружков, под руководством В. И. Ленина. Но дни Пузырева уже были сочтены; через год он умер в Перми от чахотки (могила на Новом кладбище).

В этом же 1898 году, после 25-летнего перерыва, был переиздан в лучшем русском переводе Даниельсона (Николая—она) первый том „Капитала“ Маркса, и мы начали свое „самообразование“ с этой толстой книги.

Вскоре многие убедились, что много понятнее и доступнее учение Маркса в переработке Каутского. Но книга Каутского была до 1905 года нелегальной и нам пришлось запастись гек-

тографом и переписывать эту книгу от руки полностью с гектографированного петроградского издания. Переписка и попутно поправка по немецкому подлиннику шла по очереди, и мы это сделали в течение месяца. Занятия пошли успешнее. Скоро нам на помощь был издан Краткий курс политической экономии Богданова.

В кружок вошли учащиеся всех средних учебных заведений, мужских и женских гимназий, семинарии и горнозаводского отделения при реальном училище. Для хранения библиотеки и для чтений была снята небольшая квартира в доме Камчатова: в ней поселился один из членов кружка Николай Гаврилович Лучинин. Входить в квартиру можно было с трех сторон — с бывшей Монастырской улицы, с Красноуфимской и от пожарного депо — со двора. Так с трех сторон члены кружка и собирались для ознакомления с учением Маркса.

Из фамилий членов этого кружка память сохранила немногие. сын рабочего Исетского зав. Ив. Секачев, сын крестьянина — учителя Ирбитского уезда — Михаил Ассанов, Иван Иванович Липин (два первых умерли от чахотки, последний убит в 1916 г. во время империалистической войны). Большинство участников кружка свои фамилии скрывало и восстановить их довольно трудно.

В Новой слободке по Оханской улице был снят обширный новый дом, в котором было устроено несколько общих собраний молодежи с докладами нашего марксистского кружка для борьбы с народническим влиянием. Присутствовали на вечеринках в Слободке и рабочие Мотовилихи и железнодорожного депо. Фамилии рабочих точно также не были известны участникам собраний, они, вероятно, сохранились лишь в памяти организаторов собраний.

Народничество уже начало уступать свои позиции. Появились легальные марксистские журналы: „Новое слово" (с марта 1897 года), „Начало" и „Жизнь" с 1899 г.; к нам стала регу-

лярно поступать (хотя и в небольшом количестве) заграничная социал-демократическая литература.

Число марксистов в Перми стало быстро расти. Под моим руководством открылся кружок по изучению марксизма в Мотовилихе: вошла молодежь, которая в 1917 году сыграла роль руководителей рабочего движения.

Желая удержать свои позиции хотя в деревне, социалисты-революоионеры при содействии земских народников (Малиновский, Сиговы) устраивают в 1901 г. курсы для народных учителей и приглашают для пропаганды на них свою „бабушку"— Брешко-Брешковскую и террориста боевика Гершуни. Обоих революционеров размещает в своем доме купец-пароходчик Мешков. Курсы проходят при значительном съезде народных учителей.

Соорганизовавшаяся группа пермских марксистов бросает столпам народничества свой смелый вызов и на вечерних собраниях учителей в доме Мешкова, и, в частности, на ускользнувшем от взора охранки многолюдном собрании в квартире зубного врача Эмдина Борис Вологдин, В. Н. Трапезников, студент Брюссельского у-та Л. Каменев, приехавший из Америки Лунолов*), указывают народному учителю истинного двигателя русской революции—рабочий класс, рисуя, по персонажам Глеба Успенского, классовое расслоение в русской деревне.

На этих собраниях присутствовала небольшая группа мотовилихинских рабочих (А. О. Новиков и др.). Часть учительства явно отошла от народничества, идеи марксизма нашли путь своего распространения в деревне: книга Ленина (Ильина) „Развитие капитализма в России" появилась на столе народного учителя (издание 1900 г.); туда же пошла книга Гурвич „Экономическое положение русской деревни" (издание Водовозовой 1896 г.).

Но жандармы и охранка еще не чуяли врага, и многолюдные собрания, на которых произносились речи „возмутитель-

*) Вновь уехал в Америку, ускользнув от ареста. *Авт.*

ного содержания", проходили без внешних осложнений. Свое следствие и дознание об учительских курсах жандармы начали лишь шесть месяцев спустя, и многие речи для них остались бы неизвестными, но на помощь жандарму Широкову пришел народный учитель Черепанов. Будучи арестован, Черепанов выдал „чистосердечно" все, что видел и слышал, даже то, что говорилось на прогулках в Курье.

Начались аресты. Но эти аресты среди социал-демократов и социалистов-революционеров уже не могли остановить развития марксизма в Перми, так как вообще на Урале началось не только стихийное, но и явно социал-демократическое рабочее движение.

В 1901 г. рабочие Надеждинского завода устроили широкую маевку. В Нижнем-Тагиле были разбросаны социал-демократические прокламации. Произошла забастовка в Нижне Исетском заводе. Появились и среди крестьянства протесты против платежа податей.

Организовавшийся в 1903 г. Пермский Комитет социал-демократической рабочей партии (м. и б.) взял руководство рабочим движением Прикамья в свои руки. В 1901—3 г.г. приобретает широкую известность на заводах и первая в Перми легальная марксистская газета „Пермский Край" *) (редакция Трапезникова, Вологдина, Южакова). На сторону марксистов скоро перешел даже вождь эс-эров агроном, умный и искренний, Всеволод Владимирский, переработавший свое мировоззрение в башне Пермской губернской тюрьмы (умер в Москве, не дождавшись революции).

Так кончилась предутренняя заря марксистского движения в Перми и начался светлый день борьбы за коммунизм под знаменем научного социализма Маркса и Энгельса.

История борьбы за рабоче-крестьянскую власть этого второго периода сохранила много живых участников и на основа-

*) Существовала полтора года под редакцией социал-демократов. Впоследствии перешла в руки либеральной буржуазии (Вармунд и компания). *От авт*

нии их разрозненных, но живых, непосредственных воспоминаний и записей возможно составить более полный обзор работы предшественников Российской Коммунистической партии, имеющих тесную связь в своем прошлом с ортодоксальным марксистским движением в Перми с 1893 г. И тот, кто пережил идейную и тяжелую практическую работу в рабочих низах и русских тюрьмах, где тоже шла марксистская пропаганда, тот не может сказать, что победа революционного марксизма есть нечто внешнее, „случайное“ в жизни экономического и политического развития России. Эта победа продиктована всей 25-тилетней предыдущей борьбой и пророческими словами основоположника русского марксизма Плеханова, сказавшего, еще 40 лет тому назад, что революционное движение в России победит, как рабочее движение,—или оно не победит никогда! Октябрьская революция блестяще оправдала эту истину.

К Ольховская.

РАБОТА ПАРТИИ И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ.

Кружки (с 1899—1903 г).

В четырех верстах от Перми, вверх по берегу реки Камы расположен завод Мотовилиха. Это государственный орудийный завод, где всегда находили работу шесть—восемь тысяч рабочих—полупролетариев и, отчасти, пролетариев.

К числу небольших событий, которые затронули впервые рабочих Мотовилихи, можно отнести Англо-бурскую войну. С большим интересом следили небольшие группы за героической борьбой маленького народа с империалистами Англии.

Тогда же в завод попадает первая прокламация.

Иные с захватывающим интересом читали, неожиданно попавший в руки листок, призывающий к протесту под лозунгами: „долой английских империалистов - да здравствуют буры".

Этот листок заставил все же очень немногих задуматься над словами: „империалисты", „самодержавие", „пролетариат" и т. д

Над широкими массами рабочих встают: Аристов, Витте с сыном, Колчин, Борисов И. И., Пахомов, Бабинцев, Саботинский и др.

Приблизительно с 1901 года в завод проникают идеи социал-демократической рабочей партии, которые начинают связывать рабочих по два, по три, по пяти человек в кружки.

В народившихся кружках начинает происходить вербовка новых членов кружкового собрания. К 1902 году маленькая группа в пять человек выростает и насчитывает уже до двадцати стойких, способных к упорной борьбе рабочих Посещающих кружковые собрания можно было насчитать до пятидесяти человек.

На всех „увалах" завода (заводский поселок раскинут на высоких холмах) были сформированы кружки. Во главе пропагандистской работы в кружках становятся: Аристов А., Пахомов, Колчин, Витте с сыном, Борисов И. И., Бабинцев, Саботинский и другие.

В каждом кружке был свой руководитель, выдвигаемый как представитель кружка.

Для сбора членов кружка обычно практиковался метод явки на станцию Мотовилиха, откуда руководитель кружка уходил куда-либо в лес, чтобы провести лекцию, реферат и т. п.

Эта систематическая, почти кротовая, работа в подполье продолжалась в таком духе весь 1903—4 годы, вплоть до 1905 г.

В 1904 году подпольная работа настолько ширится, что является возможным собирать т. н. „массовки"—собрания рабочих вместе с членами кружкового собрания.

Иногда такие собрания насчитывали уже до двух сот человек, например, собрания „на запашке" по речке Толожанке.

Работа развивалась. Обсуждали положение рабочих на заводе, говорили о восьмичасовом рабочем дне, о свободе слова, стачек, знакомились с программой социал-демократической рабочей партии.

Первая связь „интеллигентов" с рабочими происходила через рабочего снарядного цеха Ивана Михайловича Колчина, который предоставлял „интеллигентам" свою квартиру.

В эти годы всеми кружковыми работами руководил В. Н. Трапезников—„голова" Пермской группы, а затем уже комитета Пермской социал-демократической организации. Руководил он также распределением нелегальной литературы. По рукам членов организации ходили номера „Искры", „Зари", встречалась „Революционная Россия", из местной литературы ходил по рукам „Уральский Рабочий".

Одним из кружков руководил также „интеллигент" Владимирский Всеволод. В этот кружок входили Сошин, Новиков, Борисов И. и др. Много работал Борисов И. И. Он брал на себя

самые ответственные мелкие работы, разноску литературы. Вербовал все новых энергичных пытливых рабочих в члены. Сошин скоро отстал, заявив:

— Тяжело работать—нас не жалеют.

Живо интересовались рабочие местной хроникой в „Уральском Рабочем", где задевалась администрация завода, Назаров и др., „Рабочем Бюллетене", издаваемом Пермским комитетом ежемесячно с начала 1903 года (гектографированное издание). Часто выпускались также приложения к Рабочему бюллетеню в виде листков.

Все чаще рабочие находили поутру и с жадностью хватали свежие листки, разложенные невидимой рукою по станкам.

Те же листки читались на стенах, на заборах.

На-ряду с этими явлениями в завод стала заглядывать и полиция. Но, на первых порах, работа ее, видимо, забавляла рабочих и доставляла мучительно-приятное чувство надвигающейся борьбы и сознания своей растущей силы.

— Разложишь каждому в станок, расклеишь на заборах и сам от удовольствия улыбаешься, когда жандармы, полиция и администрация мечутся, как угорелые,—рассказывают участники. Вербовка в кружки все росла.

В 1903 году во всех частях Мотовилихи можно было найти кружок (впоследствии такой кружок стал носить название десятка, как боевой единицы): „на Вышке" занимался Пахомов, „на Лугах"—Кайгородов, „за Прудом"—Плюснин и „за Ивой" собирались Борисов И. И. и другие.

Необходимо отметить, что в кружках объединялись рабочие различных взглядов—работали вместе социал-демократы и социалисты-революционеры.

Но формально эсеровская организация уже существовала отдельно.

Результаты кружковой работы вскоре сказались на общем настроении кружкового собрания, а также и беспартийных рабочих завода.

Теперь уже явно замечалось настроение, во что бы то ни стало, попробовать свои силы, испытать свою стойкость в схватке, хотя бы с администрацией завода или полицией. Рабочие порывались на улицу, появлялось желание громко заявить о своем существовании.

Бунт

Было начало 1903 года. Рабочие, в количестве 50-ти человек, не стесняясь своей малочисленностью, решили устроить 19-го февраля манифестацию, пройтись по Большой улице и по всему заводу.

— Слишком уж много энергии накопилось,—говорили некоторые.

Но после переговоров с „интеллигентами" решено было отложить первое выступление до 1-го мая и выступить организованно. Манифестация была формально отложена, но вскоре обстоятельства продиктовали рабочим другой образ действий.

К концу 1902 г. в снарядном цехе завода создалась крупная ячейка, которая пользовалась малейшей искрой недовольства рабочих, чтобы раздуть ее и вызвать волнение на всем заводе. Необходимо сказать, что в те дни рабочие сравнительно были очень не обеспечены экономически. Но вот это то положение, повидимому, и дало возможность рабочему Мотовилихи осознать свое политическое бесправие. Создалась почва для работы партии.

17 января 1903 года появляется в заводе листовка Мотовилихинского комитета*), которая указывает рабочим на их бесправное положение, на положение рабов. Не раз знаменитый Назаров оскорблял и унижал по своей прихоти рабочих. Листок призывал рабочих потребовать удаления инженера Назарова. Листовка попала не в бровь, а в глаз.

Рабочие искали повода столкнуться с администрацией, а может быть и с полицией, который вскоре им представился.

*) См. отд. IV, копия листовки № 5.

В те дни рабочие являлись на работу в 6 часов утра и уходили в 6 часов вечера, при чем пользовались перерывом на обед.

В последний день работ перед масляной неделей в феврале 1903 года, рабочие просились отпустить их в 12 часов, а не в шесть, как это бывало обыкновенно. Они обратились к горному инженеру Мякотину с просьбой после обеда, в 12 часов, прекратить работы.

Администрация не согласилась,—а рабочие взяли да не вышли на работу всей сменой, за исключением двадцати человек.

Таким образом, впервые, рабочие поступили „вопреки распоряжению администрации", ответили настоящим „бунтом" „демонстрацией", как выражалась в беспокойстве „власть".

В результате этого единодушного выступления было уволено из завода сорок девять человек рабочих разных цехов. Взбунтовались также и подручные. Они стали просто бить стекла на заводе, за что и были уволены в большом количестве.

„Из-за копейки".

(От „бунта" к забастовке).

С ростом движения среди рабочих начинает быстро развиваться работа партийных групп Перми и Мотовилихи; и обратно—работа партии все более и более находит отклик среди рабочих.

Успех первого бунта заставил передовиков-рабочих, а также „интеллигентов" Перми горячо взяться за работу. На заводе то-и-дело стали появляться прокламации на различные темы.

Завод находился на особом положении. Самодержавная власть непрерывно давала спешные заказы, и в начале 1903 года рабочие должны были выполнить очень спешный заказ морского ведомства. По этому поводу в последнее время ввели усовершенствованные станки и инструменты по обточке снарядов, что увеличивало выработку снарядов на 50%.

Таким образом, при сдельной оплате труда, для стоящих на этой работе получалась возможность зарабатывать почти в полтора раза более.

Это показалось очень невыгодным для администрации завода, которая решила рабочим, пользующимся усовершенствованными инструментами, *сбавить по одной копейке* с обточки головки трехдюймовой шрапнели.

С 1-го марта ставка должна была понизиться—„получился конфликт" с администрацией завода „из-за копейки". Совпало же так, что уменьшили заработок тридцати человекам рабочих снарядного цеха, в числе которых находились и рабочие—передовики, составлявшие крепкое ядро партийной организации, „вполне готовые к бою",—как говорит один из участников события.

Рабочие—Мокеев, Пахомов и Борисов стали громко протестовать после объявления решения администрации.

Не долго думая, администрация распорядилась их рассчитать и вывести из завода. Рассчитанные рабочие вернулись к окну, где обычно подают номера рабочим, идущим на работы, и агитировали товарищей остановить работы на заводе. Не долго думая, горстка, впервые, революционно-настроенных рабочих взяла на себя смелость устроить забастовку. Снарядный цех, как наиболее революционный, положил начало. Завод встал.

Тысячи рабочих вышли на улицу. Появились заповедные листки. Эти листки—прокламации быстро расхватывались рабочими.

21 февраля рабочие не вышли на работу, кроме двадцати человек. 22-го февраля рабочие пришли к заводу, снимая оставшихся на работе. Не приступая к работам, вся смена ушла. На другой же день рабочие читали объявление губернатора Цехановского, говорящее: „рабочие, неявившиеся к назначенному для работ времени, будут уволены" и тут же разъяснял рабочим, что „стачки и забастовки запрещены и преследуются законом".

Кроме этого в завод были введены две роты солдат, которые с барабанным боем проходили по Большой улице...

Ночью вновь были расклеены воззвания Мотовилихинского Комитета под заглавием „к мотовилихинским рабочим" с призывом не сдаваться и „объявить войну властям".

23-го февраля в подтверждение к объявлению губернатора горный начальник Строльман объявил о неосновательности забастовки и угрожал не вышедшим в срок на работу увольнением. Выходившему к рабочим Строльману рабочие кричали, что на работу не пойдут и другим не дадут работать.

Ботвинов призывал не сдаваться, пока не удовлетворят требования. Добряков, Ильиных, Пирожков, Казаков, Кротков а также Бубенников, Старцев, Корнилов принимали самое активное участие в забастовке, разбрасывая прокламации. Качин, Коняев с ненавистью угрожали „свернуть шею Назарову", „убить его".

Группа рабочих, вооруженная стягами, била стекла, рубила рамы. Назаров, Безсонов, Хребтов, Гущин, Бояркин, Кононов также открыто протестовали.

Рабочие—штрейкбрехеры в количестве двадцати человек были избиты.

23-го февраля начались аресты, была арестована руководящая головка – сразу „сели" 6 человек: Борисов И., Пахомов П., Витте Ф., Мокеев А., Качин и Коняев.

24-го февраля снова было арестовано одиннадцать человек рабочих. Полиция старалась схватить всех активных участников забастовки.

К назначенному для явки на работы сроку явилось в завод два—три человека.

24-же февраля рабочие частично стали на работу.

Забастовка пошла на убыль и двадцать пятого февраля окончилась.

В результате было арестовано двадцать один человек рабочих, в том числе Кайгородов, Оглезнев, Пермяков, Чеурин, Швецов, Холкин, Гущин, Симочев. Пронин, Мишанов, Баженов, Бубенников, Ильиных, Пирожковы, Старов, Безсонов, Ермилов и другие.

Кроме того начались увольнения с работ. Всего было уволено 48 человек, считая арестованных. Таким образом, рабочие смогли продержаться с 21 го по 25-е февраля.

Несмотря на неудачный исход забастовки, рабочие-передовики были удовлетворены, т. к. называли свое выступление первым „боевым крещением". Рабочие заранее объясняли друг другу: „Если и неудача будет, то все равно толчек даст для всех рабочих".

И, действительно, не только сама забастовка, но и аресты рабочих произвели громадное впечатление во всем заводе.

Еще ранее были арестованные из завода. Первым попал в ссылку Алексей Аристов.

Арестованные после забастовки Борисов, Колчин и Качин были увезены в темной повозке.

В широких кругах рабочих заговорили о них шопотом; рабочие узнали о политической партии, о существовании организации в самом заводе.

Месяц спустя, брошенные в тюрьму семнадцать человек объявили голодовку, после чего их выпустили и в административном порядке сослали в Архангельскую губернию сроком на три года.

Несмотря на видимую экономическую причину, забастовка „из-за копейки" носила чисто политический характер, копейка послужила лишь поводом к выходу революционной энергии передовой части рабочих завода, как членов организации, так и беспартийных, за которыми пошли остальные.

Праздник 1-го мая 1903 года.

Первые слабые попытки рабочих Пермской губернии проявить свою организованность в день 1-го мая и заявить свою солидарность с остальными рабочими массами России относятся к 1903 году.

Начиная с 1898 года по 1902 год, работа велась исключительно в подпольи и 1-го мая праздновалось втихомолку отдельными группами, кружками, единично. Широкие массы рабочих были еще не тронуты.

В 1903 году, к 1-му мая, была произведена огромная агитационная работа Пермской подпольной организацией РСДРП, во главе которой работали Трапезниковы, Вологдин, Шнееров, Янкевич, Ткаченко. К этому же времени Пермской охранке было дано департаментом полиции определенное задание—ликвидировать во что бы то ни стало Пермский Комитет РСДРП, как наиболее сильную провинциальную организацию.

Все силы охранки были поставлены на ноги. Производились аресты.

Задолго до 1-го мая были высланы Трапезников, Вологдин и Скворцов, вскоре были арестованы—Иосиф Янкевич, Николай Скворцов, Вера Попова.

После ареста Трапезникова вся работа по подготовке к маю была возложена на Ткаченко и Янкевич. Они одни „вели куликовскую битву“ с охранниками и выиграли ее.

Несмотря на слежку филеров, они передавали майские прокламации, листовки, воззвания на заводы к рабочим, совершая передачу отдельными пачками в 60, 20 и 300 штук.

Но все же полиции удалось, отчасти, выполнить задания департамента, и Пермский комитет был значительно ослаблен.

Надо было, во что бы то ни стало, встать на ноги и продолжать начатую работу.

Через несколько дней после ареста комитета охранка в ужасе находит гектографированные листки, написанные новым почерком и отпечатанные другим способом.

„Севшие“ были заменены, и подготовка к празднику продолжалась.

Продолжали работу Раиса Трапезникова и Шнееров. Для организации забастовки в Мотовилихе были собраны кое-какие средства, которые передавались через Александра Новикова. Праздничные листовки были заготовлены ранее.

Кроме того, впервые была доставлена в Пермь центральная первомайская листовка, отпечатанная в типографии „Искры“, под заглавием: „Ко всем рабочим и работницам России.—Готовьтесь к 1-му мая!“

Листовка призывала не работать, и, если возможно, устроить демонстрацию.

„Заставьте прислушаться к вашим требованиям. Рабочие всех стран—одна великая армия. Рабочие во всем мире трудятся друг для друга,—трудятся для всего человечества: китаец и негр для француза и русского. Русский и американец для англичанина и индуса. Весь мир – одна огромная мастерская, где труд разделен не между отдельными рабочими и цехами, как в мастерской, а между странами. Америка готовит машины для Германии, Германия заготовляет сталь для Франции, а Россия готовит хлеб для обоих. И как в мастерской над тысячами рабочих стоят десятки надсмотрщиков и один управляющий и хозяин, так над миллионами всего земного шара стоят десятки капиталистов—хозяев, класс капиталистов“... говорила листовка и заканчивалась следующими лозунгами:

„Да здравствует свобода, долой самодержавие царя, да здравствуют рабочие депутаты будущего Российского Парламента“.

Кроме этой листовки была и вторая—от Организационного Комитета—агитационного характера с теми же лозунгами в конце, под заглавием „Первое мая“, „Ко всем работницам и рабочим России“.

Листовки были получены в количестве полуторых тысяч экземпляров и распространялись по заводам.

Была заготовлена листовка Пермским Комитетом Уральского Союза социал-демократов и социалистов-революционеров*).

Вторая листовка этого же союза предлагает рабочим выставить требования: восьмичасовой рабочий день, свобода собраний, союзов и стачек, свобода слова и печати, неприкосновенность личности и уничтожение власти царя.

В огромном количестве экземпляров были распространены листовки Пермского Комитета**): „Рабочий праздник — 1-го мая" и друг. В ней разъяснялся смысл праздника, его значение для борьбы рабочих. В листовке приводится в качестве примера борьба сормовских рабочих (Нижн.-Новгор.), открыто выступавших в день 1-го мая:

«Пермские рабочие должны примкнуть к товарищам и оставить работу. Всякий, кто оставит работу, этим покажет, что он честный товарищ, готовый итти на борьбу за рабочее дело».

Вторая листовка Пермского Комитета почти того же содержания и третья—под заглавием „Первое Мая". Она говорит рабочим о том, что в день 1-го мая для темных сил есть постоянное напоминание о том, что и их бессмысленной, грубой власти придет конец.

Наряду с агитацией и пропагандой «интеллигентов» в 1903 г. можно было наблюдать уже самостоятельную работу самих рабочих. Одиночки, группы, так или иначе, уже проявляют себя, готовятся к празднику.

В Мотовилихе рабочий снарядного цеха Глушков, работавший ранее на Воткинском заводе, все время «подстрекал» рабочих не работать в день 1-го мая. Он говорил о том, что «зря они гнут спины перед мастерами, снимают шапки, будто так и надо». И указывал на воткинских рабочих, продолжая: «а вот де воткинские рабочие показали себя: устроили стачку общую. Начальство хотя и произвело обыски, но ничего не выиграло».

*) См. отд. IV, копии листовок к истории 1-го мая №№ 3, 4, 5.

**) Там же.

Глушков убеждал рабочих проделать то же в день 1-го мая, обещая, что к этому дню придет группа рабочих из Воткинска.

Прокламации по заводу распространялись самими рабочими. Так, Александр Худонин вместе с подростком из заводских, Мишей Туркиным, занимались раскидыванием листовок, которые хранил у себя Худонин. Как у Худонина, так и у Миши были обыски, но ничего не нашли, кроме „лубного короба“, в котором хранились листовки.

Подготовка к 1-му мая в Мотовилихе началась еще с 20-х чисел апреля.

В лесу, на лужайке недалеко от завода, состоялась сходка. Собрались рабочие, не считая „интеллигенции“, около 80 человек. Рабочим были прочитаны первомайские листовки, обсуждался вопрос о праздновании своего дня.

Предложение «пройти в день 1-го мая через завод, а затем всем демонстративно выйти» рабочие не приняли,—знали, что это сопряжено с большими жертвами, в виду малочисленности демонстрантов. Решили собрать голоса на заводе, кто не выйдет на работу. Но при подсчете не набралось желаемого количества (200). Решили невыход на работу предоставить каждому на личное усмотрение.

В городе Перми 27-го апреля также была сходка. Пришли 14 человек железно-дорожных рабочих и «интеллигенты» Павел Скворцов и Николай Казаринов. Рабочие решили утром выйти на работу, а вечером после обеда в мастерские не являться. Рабочие главных железно-дорожных мастерских обсуждали вопрос о стачке. Большинство также оказалось против, указывая на отсутствие средств и, кроме того, не верили в успех.

На колеблющееся настроение рабочих очень сильно влияли, повидимому, социалисты-революционеры:

— Стачку сделать хорошо, но невыгодно; лучше если бы написать бумагу во Всероссийский Синод, напр. на мастера, показать, в чем он виноват и подписаться, тогда его пошлют к чорту.

Рабочие обращались в таких случаях к более близким товарищам за советами.

29-го апреля, как рабочие, так и руководители полагали, что никакой забастовки и демонстрации провести не удастся.

Рабочие знали, что со стороны жандармов и полиции приняты все меры к недопущению каких бы то ни было выступлений. Охранка работала «в три смены» сразу. Войска были наготове.

В одиночку, озлобленные рабочие готовили на всякий случай револьверы, среди них Евдоким Огородников, А. Кабанов, Пьянков Иван и др.

К 1-му мая были распространены в огромном количестве центральные и местные листовки, воззвания, стихотворения.

Полиция находила их повсюду. Она хватала их на вокзалах от Перми до Мотовилихи, по линии железной дороги, в городском саду. Находила их на улицах заткнутыми в щели заборов и даже в вагонах поездов, идущих от станции Пермь II до Мотовилихи. Кондуктора и пассажиры подбирали их кучками. Огромное количество листовок было распространено и по другим заводам.

В Заивенской церкви, в проходах, так же были листовки. По линии железной дороги к Перми II и на шпалах были сделаны „гадкие надписи" красной краской: «долой царя», «долой самодержавие».

Впервые появилась в г. Перми и Мотовилихе центральная листовка. Испуганные ответственностью, многие рабочие сами хватали листовки и несли в полицию. Горный инженер завода Мотовилихи Назаров также собирал листовки и нес в полицию. Он же обвинял в распространении прослеженного им рабочего Лялечкина.

Последней вышла листовка, объясняющая неудачу демонстрации и забастовки.

В ночь под 1-е мая рабочие Мотовилихи уезжали группами в 10—15 человек за Каму, в пределы Оханского уезда.

В Перми, на заводе Любимова листовки были расклеены по всему заводу, в станках и в рамках, вместо инспекторских инструкций.

Интересно отметить, что на этом заводе сама администрация старалась скрыть этот факт от полиции. На заводе Любимова и в Мотовилихе листовки распространяли рабочие Шведов Николай и Казаков Иван.

Еще ранее, 26 апреля, на глазах у священника были разбросаны прокламации во время крестного хода на паперти собора.

1-е мая ознаменовалось лишь невыходом на работу небольших групп. Рабочий слесарного сборного цеха Александр Фефелов пришел в завод и заявил:

— Сегодня 18-е апреля (стар. ст.)—и ушел с завода.

На заводе Каменских не вышли 42 человека. В главные мастерские железной дороги не явилось двести восемь человек.

Иван Каменских, рабочий снарядного цеха, умер 2-го мая от ран, нанесенных ему мещанами Горки-Разгуляй, когда он возвращался в завод Мотовилиху. В сундуке у него были найдены полицией майские прокламации.

Так закончился праздник в 1903 году.

Еще задолго до 1 го мая был получен Пермской охранкой циркуляр из департамента полиции—представить все сведения о подготовленных забастовках как и других противоправительственных действиях, которыми неблагонадежные элементы намерены ознаменовать в настоящем году „рабочий праздник". В ответ на это последовало донесение по начальству:

„Слава богу, первые два дня мая прошли спокойно и никаких изменений в обычной жизни не последовало. Работу, как это хотели, не прекращали и трудятся по прежнему".

И, заканчивая отчет по Перми, охранка оговаривается: „В городе пять, шесть сознательных рабочих, не было массовой осведомленности о значении 1-го мая, чтобы устроить демонстрацию. Никаких сходок, также как и в других заводах, не

происходило. Вообще настроение рабочих, как имели честь донести и ранее, желательное".

От демонстрации к стачке.

Наступил 1905 год. „9-е января" внесло перелом в настроение широких рабочих слоев. Массовки в лесах участились. В конце января, феврале, марте и дальше обсуждаются горячо все обстоятельства выступления Петербургских рабочих.

Рабочие знакомятся с зубатовщиной. На массовках в Мотовилихе выступают: Карякин Ф., Ратаев П., Борчанинов, Кузнецов Яков, Мелехов Устин, Юрш и др., которые начинают организовывать рабочие массы. Листовки, письма Гапона ходят по рукам. Каждая следующая массовка впитывает в себя все большее количество рабочих, которое к весне достигает уже двухсот и более человек. Весть о „кровавом воскресении" распространилась не только по Перми и в Мотовилихе, почти на всех заводах распространялись прокламации центрального комитета партий, письма Гапона, листки Пермского комитета.

Но протесты по поводу 9-го января не выходили из подполья, несмотря на крайне возбужденное настроение рабочих.

По приказанию департамента полиции, полицейские, жандармы утроили свою бдительность.

Создавалось обоюдо-острое положение. Но все же, вскоре, рабочие нашли возможность продемонстрировать свои силы с большим успехом

14 мая, в царский день, состоялась первая открытая демонстрация под руководством Пермского комитета Р. С. Д. Р. П., который сумел воспользоваться обстоятельствами*).

Главной опорой, как всегда, послужил завод Мотовилиха.

В состав Мотовилихинского Комитета входили: Борчанинов А., Гомзиков, Кузнецов Яков, „Коля", которые и руководили демонстрацией. Помогали им: Пташинский, Овладеев П. и др.

*) См. отд. II, восп. „14 мая".

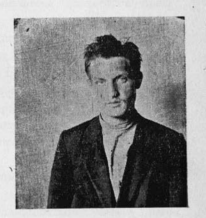
М. Туркин („Трататон“).

Т. Мясников („Гражданин“).

Атавин („Владимир“).

А. Соколов („Степан“).

Удачный исход демонстрации положил начало быстрому наростанию революционных сил и организованности рабочих.

Настроение поднялось еще более после арестов прямых участников демонстрации Борчанинова, Овладеева и др.—рабочие требовали освобождения арестованных. Комитет решил воспользоваться все наростающим революционным настроением среди рабочих, придав ему определенную форму. Решено было вызвать на ближайших заводах стачку.

22-го мая в Мотовилихе состоялась сходка членов организации и некоторых рабочих под руководством Скворцова А.

Присутствовало около 85 человек. Постановили вызвать в заводе организованную стачку мирного характера.

В требованиях выразили протест по поводу арестов руководителей демонстрации 14-го мая, требуя их освобождения, требовали свободы собраний и т. д.

Пермским Комитетом были выпущены соответствующие листовочки*).

Впервые тогда же была выпущена листовочка с призывом готовиться к вооруженному восстанию...

Между тем аресты продолжались. Были арестованы: М. Туркин, ведавший печатанием и распространением прокламаций, Ольга Мухина; предстоял арест Скворцова.

Одновременно листовки, требования и прокламации распространялись в Главных железно-дорожных мастерских и в депо Пермь II.

25-го мая завод Мотовилиха встал, вслед за ним забастовали мастерские и депо.

Вместе с распространением прокламаций заметалась и полиция. Еще накануне стачки по просьбе Строльмана в завод была введена рота солдат под командой капитана Саркисова.

25-го мая утром рабочие приступили, как обычно, к станкам. Но вскоре передовики «самовольно» дали тревожный гудок —сигнал и завод встал.

*) См. отд. IV, копии листовок №№ 18, 19.

Толпа рабочих Орудийного цеха, совсем не приступавшая к работам, пошла по цехам, снимая с работ колеблющихся товарищей.

Все возрастающей толпой прошли по Механическому, Сборочному, Пудлингово-Прокатному и далее.

В нежелавших оставить работу стачечники бросали кусками железа, гайками.

Огромной толпой хлынули на улицу и подошли к заводоуправлению.

Горный начальник Строльман предложил толпе выбрать депутатов для переговоров, на что рабочие согласились.

Двинулись на площадь, устроили сходку и выбрали десять человек для предъявления требований*) администрации завода.

Просмотрев и выслушав требования, Строльман изъявил на словах согласие удовлетворить их, что было передано депутатами тревожной толпе. Лишь к вечеру разошлись.

26-го мая рабочие вновь стали стекаться на площадь; здесь открылся митинг при огромном количестве народа.

Сюда пришли и заводские женщины и подростки.

Выступал Борчанинов (только что выпущенный) и мн. др., говорили о бесцельности войны, о том, что „не правительство рабочими, а рабочие правительством должны командовать“ и затрагивали целый ряд политических тем.

Некоторые рабочие с опаской отходили к стороне, выражая свое неудовольствие по поводу таких «смелых» речей.

Но товарищи тут же их вразумляли.

— Деревня вы, не понимаете, что все это для вас делается.— Опять, как и накануне, разошлись только к вечеру.

27-го мая рабочие собрались в Народном доме и решили требовать восьмичасового рабочего дня. Вновь были избраны депутаты к Строльману и получили на этот раз отрицательный ответ.

Целый день обсуждали как быть и опять лишь к вечеру разошлись под проливным дождем.

*) См. отд. IV, копия № 21.

Между тем полиция высматривала руководителей, выспрашивала имена. Николай Козьмин и Григорий Мелехов стали выдавать товарищей, членов организации: Устина Мелехова и др.

За это на них было произведено нападение.

29-го вновь был арестован Борчанинов и с ним Колупаев. Волна рабочих, узнав об арестах, с криками шла с «Вышки», требуя освобождения товарищей.

Строльман же отвечал, что это дело полиции, и он здесь не при чем.

В это время подошла к Управлению рота солдат, уже стоявших в заводе и подоспела срочно высланная рота Ирбитского баталиона. После угроз полиции применить силу ошеломленные рабочие понемногу разошлись.

31-го мая Строльман объявил о возобновлении работ.

„Убежденные“ военной силой рабочие вновь стали к станкам. Завод заработал.

От стачки к стачке.

После первой схватки с администрацией Мотовилихинские рабочие почувствовали еще глубже свое политическое бесправие. Немногие требования, которые Строльман обещал исполнить, были выполнены, остальные так и остались на словах.

Стачечников преследовали.

Весь июнь месяц прошел в обсуждении создавшегося положения. Политическая жизнь забила ключем, изредка пробиваясь в стенах завода в открытые собрания по цехам, или уносилась за 10—15 верст в лес, где массовки впитывали в себя все большее и большее количество рабочих, приходивших по приглашению членов организации.

Вскоре массовки стали очень часты и происходили уже вблизи завода „За Ивой“, „На отвалах“. Беседы принимают чисто политический характер, возникают споры. Рабочие уяснили себе значение раскола организации на большевиков и меньшевиков—«большевики это те, которые сверху хотят диктовать»

замечали друг другу товарищи, настроенные по-меньшевистски. —„Ну и что-же, хорошо, что большевики диктовать хотят, коли сами мы не знаем, что надо делать и как делать. Стало быть знают, что диктовать надо и хотят нам помочь“, возражали другие. Все-же к меньшевикам пока примыкали в большом количестве. Теоретические споры еще не мешали дружно проводить массовки и вместе возвращаться с пением революционных песен.

Шла серьезная работа по организации рабочих масс для предстоящей борьбы.

Организовывались по цехам в стенах завода. В каждом цехе избирали своих депутатов, горячо обсуждая кандидатуру.

Добившись разрешения собираться в нерабочее время, несмотря на запрещение заводской администрации собираться в часы работ и без разрешения, рабочие все чаще устраивали собрания, вели беседы и во время работы.

В результате внутри завода создается зародышевая организация Совета рабочих депутатов—выборные от рабочих завоевывают твердое положение в стенах завода и „начинают распоряжаться“. Кроме разных ходатайств за рабочих мало по малу незаметным образом депутатами осуществляется частично контроль над производством. В каждом цехе работали выборные депутаты.

Но администрация преследовала депутатов. Стычки с администрацией завода учащались. Был арестован один из виднейших рабочих депутатов Андрей Юрш, за последнее время завоевавший авторитет на всем заводе. Из разных цехов собирались к нему рабочие за тем или иным советом. Рабочие требуют освобождения Юрша. Вновь создается почва для стачки. Вновь рабочие пытаются испытать себя схваткой с властями.

Под влиянием срыва первой стачки все нароставшее настроение рабочих прорвалось вновь с неудержимой силой. 5-го июля завод встал.

По данному сигналу высыпали с революционными песнями на улицу, на площадь—открыли митинг.

Это была вторая, полная отваги, попытка «итти в открытую».

И пошли.

Революционные силы не умещались более в подпольи. Стали говорить о необходимости действительной свободы слова, собраний, говорили о восьми-часовом рабочем дне, о преследованиях начальства заводского, в частности пресловутого Назарова. Нелегальные массовки перенеслись из леса в завод и превратились в открытые собрания.

9-го июля администрация завода воспретила собираться на сходку, разъясняя, „что сходки воспрещены". Но в то же время губернатор разрешил сходку и приказал объявить, что „эта сходка должна быть последней". Сходка состоялась.

10-го июля, несмотря на угрозы губернатора, состоялось самое огромное собрание „на Вышке". Сюда шли толпы рабочих, женщин и подростки. На собрании выступал от Ц. К. т. Быков Н. Н. Решался вопрос о продолжении стачки, о помощи нуждающимся товарищам. Тут же выяснялись многосемейные, наиболее нуждающиеся, список которых был передан Ф. Карякину; из собранных ранее сумм выдавали по три—четыре рубля. Стачку решили продолжать. Выбраны были делегаты: Устин Мелехов, Шилов для предъявления требований*) Строльману.

Вскоре явилась „на Вышку" полиция, предлагая разойтись.

Но толпа не расходилась. На окрики: разойдись! не обращали внимания.

В завод вошли казаки.

Ехали по Большой улице... Повернули „к Вышке"... Быков просил толпу не разбегаться, убеждая:

— Всех не убьют!

Но часть дрогнула и стала убегать, - большая часть осталась на месте. Сплотились тесно...

*) См. отд. IV, копия № 23

Конные казаки окружили со всех сторон, врезаясь лошадьми в толпу.

Вдруг... не выдержали... и бросились бежать. Загуляли казацкие нагайки . . . Послышались выстрелы . . . В панике рабочие скатывались под гору. В результате остался на месте один убитый Борчанинов—отец*).

Стачка, казалась, была сорвана. 11-го июля состоялось нелегальное собрание руководителей стачки в м. „Стрелке", где обсуждался вопрос как быть дальше. Вновь решили стачку продолжать. Когда возвращались—натолкнулись на казаков, но в темноте успели разойтись. Казаков привел в лес агент охранки Брюханов.

Вновь начались аресты: был арестован Митрофанов с оружием, были с обысками у Кузнецова, Постаногова и др.

13-го июля состоялись похороны убитого Луки Ивановича Борчанинова. Тело сопровождалось толпой рабочих, шло много женщин.

Не обошлось без инцидента.

На гробе была замечена полицией черная лента с надписью белыми буквами: „жертве царского произвола". Полицейский надзиратель завода Кочев подошел и сорвал ленту. Не успел он свернуть ее, как Миславская (родственница Борчанинова) схватила ленту, пытаясь вырвать ее. Ей это не удалось, и она с ненавистью ударила полицейского по голове редикюлем.

Действием Миславской в лице Кочева была оскорблена вся полиция, которая и попыталась вскоре вознаградить себя.

Похороны Борчанинова носили характер демонстрации.

Разгон 10-го июля мирной безоружной толпы рабочих, женщин и детей вооруженной силой напомнил рабочим в миниатюре „кровавое воскресенье" в Петербурге.

После событий „на Вышке" рабочие продержались еще целую неделю. Аресты продолжались. Но стачка шла быстро

*) См. отд. III стих. „10-го июля".

на убыль. Рабочим грозили закрытием завода. 21-го июля стачка закончилась. Требования были удовлетворены частично по двум или трем пунктам, остальные администрацией полностью не выполнялись*).

Стачка продолжалась 16 дней и все же не удовлетворила рабочих, она лишь глубже вскрыла перед рабочим сущность классовой борьбы.

По поводу последних событий комитетом были выпущены прокламации и листовки**), призывающие к серьезной борьбе—к вооруженному восстанию—с указанием на бесплодность мирных попыток улучшить свое положение, на бесплодность мирной борьбы.

Опять забастовка.

При общей стачке на заводе, которая в результате дала хотя частичное улучшение рабочим, в виде частичного разрешения собраний, в виде повышения заработной платы и др. мелких удовлетворений по разным цехам, Мартеновский цех остался как бы не при чем, рабочие были удовлетворены менее, чем в остальных цехах. После общей стачки прошло немного более месяца. Решили бастовать самостоятельно, своим цехом.

1 го сентября, первая смена, приблизительно около 120 человек, бросила работу. Рабочие уходили из завода, обсуждая положение. Выбрали депутатов к горному начальнику (Строльману). К вышедшей смене подошли другие в таком же количестве, присоединились к товарищам, и все вместе вновь стали обсуждать свои требования, начиная с повышения поденной платы.

К вечеру разошлись по домам. Бастовали дружно, всем цехом в количестве 320 человек.

Бастовали весь сентябрь.

---

*) См. копию № 23.

**) См. копии листовок № 24—28.

В результате добились повышения расценок на 25—30%, с 80 коп. на 1 руб.—1 руб. 20 коп., добились рабочей одежды: парусины, рукавиц, сукна ($4^1/_2$ аршина). Удовлетворенные мартеновцы, добившись своего, стали на работу и работали в таких условиях вплоть до 1917 года.

Но и эта „удачная" забастовка, носившая чисто экономический характер, не обошлась без жертв.

С работ уволены были под благовидным предлогом: Родионов, Ярославцев, Свидерс и Клыков.

Поставленный в известностъ о вновь возникшей в Мотовилихе забастовке, департамент полиции прислал ожесточенную телеграмму с приказанием „немедленно выявить руководителей движения".

Локаут.

К осени 1905 года движение среди рабочих Мотовилихи принимает несколько иные формы.

Неудовлетворение политических требований, непрекращающееся преследование стачечников помогло осознать еще глубже свое угнетенное положение, классового врага и породило ненависть к непосредственным представителям его — к администрации завода и ее приспешникам. Рабочие определенно не желали видеть в заводе тех главных мастеров и заведующих, которые продолжали издеваться над рабочими различными мелкими придирками, оскорблениями, преследованием.

Добившись удаления знаменитого Назарова, рабочие требовали удалить Сепайна, Шафаловича и др., но администрация не шла на уступки. Рабочие на этом не успокаиваются, создается настроение произвести над упомянутыми лицами насилие, „выставить их из завода".

Брожение среди рабочих росло с неудержимой силой. Настроение поддерживалось еще более слухами о близком крушении самодержавия, о приготовлении самодержавием манифеста, „дарующего свободу". Чувствовалась новая бодрость росла энер-

гия и сознание неизбежности испытания своих революционных сил в схватке с самодержавием.

19-го сентября 1905 года рабочие снарядных цехов бросили работу и устроили собрание, на котором решили удалить инженера Сепайна, заведывающего 3-м снарядным цехом. Рабочие требовали к себе в цех в 3-е отделение Строльмана—горного начальника—для переговоров. Сначала Строльман не хотел идти и просил прислать к нему рабочих депутатов.

Но толпа рабочих депутатов своих не пустила, рабочие вновь требовали горного начальника. Строльман пришел. В отделении № 3 он увидел огромную сжатую толпу рабочих, к центру которой шел узкий проход по рельсовому пути. По обе стороны стояли рабочие. Строльман остановился, но его просили итти дальше, ближе к депутатам.

Строльман пришел к центру толпы и заявил, что здесь разговаривать бесполезно, так как ничего не слышно и прибавил: „Собрания во время работы запрещены“. Рабочие сразу заговорили о неправильных увольнениях и требовали принять Коровина, указывая между прочим, что Коровин сам здесь.

В ответ на эти слова Строльман ответил, что Коровина ему не надо. Послышались крики: „как это не надо“. Строльман оборачивался по сторонам и вдруг почувствовал удар в затылок—кто-то бросил в него свернутым пиджаком.

С криком: „в меня бросают, я ухожу“, он едва ушел через узкий проход, который наполнялся свежими группами рабочих.

Вероятно Строльман пострадал бы сильнее, но от напора толпы в решительный момент с лязгом рассыпались „снарядные корпуса“, которые складывались „поленницами“.

После этого рабочие сами пришли в управление и предъявили требования, выработанные на общем собрании; рабочие требовали удаления инженера Сепайна, требовали принять уволенных с работ: Коровина, Ястребова, Королева, Носкова и др.

20-го сентября, когда Сепайн пришел в канцелярию цеха, к нему подошли уволенные им рабочие Косяков, Ильиных и

безрезультатно просили принять их на работу. Сепайн, осмотрев работы, вышел из инструментального цеха и увидел большую толпу рабочих, которые вначале как бы расступились, пропуская его.

Но один из рабочих Лбов крикнул: „чего вы стоите"! и тотчас после окрика рабочие насильно взяли Сепайна под руки и повели к Малой Проходной.

Появился откуда-то мешок... В ненависти своей хотели было надеть ему на голову...

Сепайн быстро сорвал мешок... Сбили фуражку... бросили в лицо грязью.. сняли галоши, одели откуда-то появившиеся лапти и вытолкали из Проходной.

Сами спокойно ушли назад в завод.

В это же утро помощнику горного начальника грозила та же участь, если не хуже. Но Шафалович во время заметил настроение рабочих и скрылся

Путем угроз заставили уйти из завода мастера Крапивина:

— Уходи по-добру, по-здорову, а то на тележке выкатим,— кричали рабочие.

„Настал час возмездия", послышался чей-то голос вслед убегавшему Крапивину. Лбов кричал:

— Ребята, дадим мы еще ему мятку.

Толпа рабочих с криком проводила Крапивина из завода.

На собраниях, которые устраивались уже и во время работ без разрешения начальства, рабочие, обсуждая результаты „июльских дней", пришли к заключению, что бастовать больше не будут, потому что „надо брать силой".

То же решено было применить и по отношению к высшей администрации: не понравился, насильно изгонять из завода, и таким образом, вводить мало-по-малу свои порядки управления заводом. Все свои угрозы рабочие пробовали применить на деле.

Результаты событий 19, 20 и 30 сентября были для рабочих неожиданными. Администрация завода снеслась с высшей властью и постановила: завод закрыть и объявить рабочих распущенными

по домам. Виновников не выяснили, но все же восемь человек рабочих: Волков, Голдычев, Козлов, Пичугин, Шумилов и еще кто то отсидели по восьми месяцев.

Пермский комитет быстро нащупывает создавшуюся благоприятную почву для глубокой агитации среди самых широких слоев рабочих завода.

Он выпускает ряд воззваний и прокламаций, дает задания Мотовилихинскому районному комитету и опираясь на него — вновь и вновь будирует революционное чувство и мысль рабочего.

Октябрьские дни.

Завод стоял. Группы рабочих не раз обращались к администрации, настаивая на открытии завода. Но администрация была глуха к подобным просьбам. Вскоре все же была объявлена перерегистрация рабочих; вырабатывались условия найма.

Несмотря на то, что завод стоял, брожение среди рабочих продолжалось. Скученность рабочего поселка помогала общению рабочих и вне стен завода.

Усилилась и работа партийных групп Перми и Мотовилихи. Выпускались листовки по поводу закрытия завода*) и другие. „Массовки" происходили каждое воскресенье, каждый праздник, вбирая в себя все большее количество рабочих. Кружки быстро пополнялись и выделяют уже руководителей из числа рабочих. Выдвигаются рабочие Деменчук, Михайлов, Анемподист и многие другие, которые пользуются авторитетом на кружковых собраниях. Партийная работа все ширилась.

— Не хватало агитаторов,—рассказывают о тех днях.

В кружках шли разговоры о близком падении самодержавия, ждали манифеста.

Близился день 17 октября. Кружки готовились

На одной из массовок постановили выступить в нужный момент с красными знаменами и сойтись „на Вышке".

*) См. отдел IV. Копия листовок №№ 29, 30.

Наступили „дни свободы".

Партийные организации перешли на полулегальное положение. Повсюду назначались собрания, митинги.

День опубликования манифеста, ознаменовался манифестацией в Мотовилихе. Кружки в организованном порядке выступили с красными знаменами, с пением революционных песен, сошлись на „Вышке", прошли по Большой улице—тем и закончили.

— Настроение было радостное, но нервное; не было уверенности в прочности манифеста, все ждали еще чего-то...—рассказывают рабочие.

18 октября на станции Пермь II-я был прочитан, впервые, манифест „о даровании свобод".

Железнодорожники толпой двинулись в город.

Наехавшие было казаки с намерением разогнать толпу все же были остановлены приставом Буровым.

Толпа манифестантов требовала удаления с улицы полиции и казаков По приказу губернатора это было исполнено.

В тот же день толпы мотовилихинцев во главе с кружковым собранием пошли в Пермь „освобождать своих пленников".

Шли под лозунгами: „долой самодержавие", „да здравствует учредительное собрание" и др. Впереди с красным знаменем шел рабочий Александр Лбов.

Манифестация направилась было к тюрьме, но затем пошла к дому губернатора, категорически требуя от него лично немедленного освобождения „политических преступников". Во главе с губернатором, которого повели под руки, манифестация двинулась к губернской тюрьме, а затем в арестное отделение.

Настроение рабочей манифестации было крайне нервное. На каждый шорох, топот лошадей, толпа отвечала тем, что шарахалась в сторону. При одном слове с чьей-то стороны: казаки!—публика в панике рассыпалась.

Во время освобождения политических губернатор, улучив удобную минуту, скрылся.

Начальник тюрьмы от имени прокурора окружного суда объявил политическим еще в тюрьме, что они могут быть свободны. С пением: „Отречемся от старого мира"—вышли из тюрьмы тридцать человек.

Часть из них сидела за демонстрацию 14 мая, часть была арестована во время стачек.

Из них руководители движения—Пташинский, Обросимов, Борчанинов, Ник. Ник. Быков, „Христофорыч" (Митрофанов), Патушанский и другие.

Освободив „пленников", манифестанты до позднего вечера ходили по городу с революционными песнями, открывали по пути митинги-летучки. Полиции на улицах не было.

Но все же в настроении не было уверенности. Передовиков-рабочих разрывала мысль, случайно брошенная кем-то: добыть бы оружие.

Стычка с черной сотней.

После революционных манифестаций стали появляться в Перми и Мотовилихе черносотенные листки с призывом: бей жидов, поляков и агитаторов. Носились слухи о подготовке погромов.

Рабочие Мотовилихи, услышав, что черносотенцы расхаживают уже второй день по Перми, собрались на собрание и решили дать знать о себе, о том, что „революционное настроение среди рабочих не ликвидировано".

22 октября вновь пошли в Пермь с манифестацией под революционными лозунгами. На пути следования рабочим дали знать, что сагитированные черносотенцами возчики у Перми первой готовятся „смять" манифестантов.

Среди рабочих человек пятнадцать—двадцать были вооружены и шли впереди.

Проходя мимо возчиков, около ст. Пермь I-я передняя часть манифестации замедлила шаг и дала пройти вперед всем манифестантам, закрывая собой и охраняя тыл шествия. Повидимому

возчики заметили этот маневр и, испугавшись многочисленности шествия, с мест не двинулись.

В Перми пошли по Сибирской, по Оханской и вновь вышли на Сибирскую. Навстречу показались манифестанты-черносотенцы с большими портретами царя и пением „Боже, царя храни".

Не желая сталкиваться Мотовилихинская манифестация свернула на Екатерининскую улицу,—черносотенцы приняли этот маневр за трусость и с гиком бросились на "краснофлажников", бросали в рабочих камнями и открыли стрельбу.

На стрельбу рабочие ответили стрельбой,—поднялась перестрелка... Черносотенцы разбежались, манифестация рабочих также значительно поредела.

Свернув флаги, разошлись.

При перестрелке оказалось несколько раненых, в том числе и Быков, Н. Н.

В Мотовилихе также состоялась небольшая черносотенная манифестация, во время которой проходящему мимо рабочему, Туркину Александру, разбили камнем голову за то, что он не снял шапки.

С этого дня в Городской Думе был поднят вопрос социалистами-революционерами и социал-демократами о создании рабочей милиции, для предотвращения подобных столкновений. Но, подумавши, гласные думы все же отвергли предложение партийных организаций.

Это послужило поводом к тому, что рабочие—члены организации социал-демократы, также и группа социалистов-революционеров стали вооружаться и организовывать дружины. Дружины рабочих стали нести, по постановлению руководителей организации, охрану города. Много помогали и студенты-горняки.

В Перми руководил дружиной Берштейн, в Мотовилихе Александр Борчанинов.

Рабочие „пятки“ организованным порядком отправлялись в Пермь, где в продолжение целой недели „были на чеку“.

Таким образом, погромы в Перми были предотвращены рабочими Мотовилихи.

* * *

Опять при помощи листовок*) Пермский комитет спешит разъяснить рабочим сущность манифеста и значение его в борьбе рабочего класса с самодержавием.

Кроме того, руководители партийных групп спешат воспользоваться моментом для использования всех, пока легальных, возможностей.

Выйдя из подполья, представители местных организаций всех партий устраивают ряд открытых собраний, митингов.

В Мотовилихе в Народном доме шел беспрерывный митинг. Из руководителей социал-демократической организации выступали: Трапезников Николай, Владимирский Всеволод и ряд других подпольщиков. Здесь же, впервые, проходят ожесточенные схватки с эсерами и рабочие знакомятся с теоретической борьбой партии, которая до сих пор не выявлялась для широких слоев—члены организаций спорили больше между собой в кружках.

Теперь же партии критиковали друг друга пред лицом рабочих, говорили о политике, о тактике. Рабочие знакомились подробно со всеми течениями.

К этому времени приехал вновь Андрей Юрш и весь горячо отдался работе в заводе. Он пробует вести работу среди работниц и подростков из заводских, устраивая специальные собрания и посвящал им не мало внимания.

Понемногу заводская молодежь вовлекается в политическую жизнь. Ранее партийные организации не обращали внимания на молодое поколение. Они, если и принимали участие в политической жизни, то стихийно. Обычно, в свободные часы моло-

*) См. отд. IV, копии листовок №№ 31—39.

дежь еще «билась палками на полях». Здесь издавна вырабатывались смелые характеры из среды рабочих.

Здесь же, впервые, стал выявлять свою физическую силу впоследствии знаменитый Александр Лбов.

Среди этой молодежи повела усиленную работу Миславская.

Она организовала целый ряд семейных вечеров, вечеринок, куда и затягивала молодежь под тем или иным предлогом. Вскоре молодежь узнает о существовании партии, воспринимает борьбу рабочих и мало-по-малу втягивается в политику, она живо откликается на сборы в пользу забастовок, на помощь политическим.

В результате можно было наблюдать, что многие старики—революционеры с удовольствием проводили время на вечеринках, выпивали и мало по малу отставали от хода событий,—между тем как из среды рабочей молодежи выделились человек пятнадцать, которые безраздельно отдаются делу революции и, несмотря на юный возраст, служат для партийной организации опорой в развивающейся борьбе.

В начале 1905 года уже вполне оформившись существовали, две самостоятельных местных организаций: Р. С. Д. Р. П.: большевиков и меньшевиков. Меньшевистской группой в Перми и Мотовилихе руководят: Н. Бусыгин, Сошин, Матвеев, Трапезников, Трефилов и др.

От большевиков выступали: Федорова Марина Прокопьевна, Коган, Митрофанов („Ежовая голова"), Анна Н. Ягодникова.

Необходимо отметить, что, работая часто вместе практически, мотовилихинские большевики буквально органически не переваривали своих недавних собратьев; при столкновениях дело чуть не доходило до драки, особенно спорили с меньшевиком Ив. Ивановичем Карякиным. Меньшевики платили тем же. Было время (правда короткое), когда большевики объединились, а потом вновь разъединились с меньшевиками.

Обстоятельства диктовали необходимость сплотить все наличные силы, способные к революционной борьбе и к руководству рабочим, все нароставшим, движением.

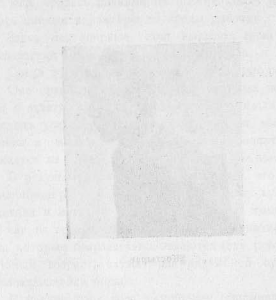
Костырев.

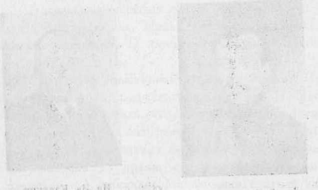

В. Иванченко.

Ив. Ив. Карякин.

После того, как удалось добиться „свобод", решили вновь объединиться. Состоялось несколько собраний в доме Мешкова, был выбран, так наз., Объединенный комитет. В состав комитета вошли: Всев. Владимирский, Трапезников (меньш.), Туркин (б.), Коган (б.), Митрофанов (б.), Бусыгин (м.), Федорова Марина Прокопьевна (б.), Анна Ник. Ягодникова (б.) и др.

Настроение нового комитета к работе, было очень хорошее, казалось не было причин думать, что эта организация скоротечна.

В действительности же вместе поработали немного, после же вооруженного восстания в Мотовилихе между большевиками и меньшевиками вновь произошел раскол.

Совет старшин.

Между тем с первых дней свобод Мотовилихинский завод вновь пошел полным ходом и работал вплоть до девятого декабря.

За это время в заводе шла серьезная работа по организации рабочих.

Положение рабочих депутатов, которых ранее преследовали, значительно изменилось. Выборные от цехов депутаты приобретают большое значение, количество их все пополняется и, в конце концов, создается крепкая организация в стенах завода— „Совет старшин". Во главе „совета" по прежнему становится Андрей Юрш, который теперь легко руководит широкими массами рабочих.

Совет старшин вскоре становится на ряду с администрацией завода, и параллельно с администрацией является как бы второй хозяин.

Рабочие выбирают в совет лучших товарищей из цехов, туда входят: Рудаков Иван, Болховский, Иванченко, Зеньков Иван, П. Обросов, Богомолов, Булдычов Иван.

Совет старшин непрерывно стоял в те дни на защите интересов рабочих. Депутаты цехов обходили все станки, выясняя

условия труда рабочих. Были установлены факты, когда рабочие получали слишком низкую плату, вырабатывая лишь по двадцати копеек.

Депутаты Совета старшин обходили и осматривали работы, повышая расценки, где это требовалось, с двадцати до восьмидесяти копеек и т. д.

Повышение платы проходило через заведующего цеха, который, в конце концов, шел на уступки, и администрация завода не протестовала.

Авторитет Совета был очень велик среди рабочих. Главным образом его поддерживал, Юрш, который умел комбинировать все обстоятельства в пользу рабочих.

По прежнему к нему обращались из разных цехов, и он то-и-дело бегал в управление и теребил администрацию.

Бывали случаи, когда Совет старшин распространял свое влияние и вне стен завода, например, в один из этих дней на собрании депутатов в народном доме поднимался вопрос о постановке народного образования в Мотовилихе,—решили открыть новую школу.

Таким образом, Совет старшин становится первой сильной организацией рабочих, которая противопоставляет себя администрации завода.

Между тем за подписью Макарова (за министра внутренних дел) на имя начальника охранного отделения идут телеграммы за телеграммой:

„В виду серьезного значения подпольных организаций именуемых советом рабочих депутатов, необходимо всеми мерами препятствовать образованию таковых путем изъятия руководителей и выяснения членов“; „необходимо повсеместно арестовать согласно неоднократным моим указаниям, советы рабочих депутатов и стачечные комитеты (31 дек. 1905 г.), обратить особенное внимание на советы рабочих депутатов, федеративные советы и

др. подобные им. „Принять самые решительные меры к выяснению и ликвидации означенных союзных организаций, не прекращая работы до полного их уничтожения".

От стачки к вооруженному восстанию

(Ноябрь—декабрь 1905 года.).

Накипевшее в продолжение девяти—десяти месяцев революционное настроение рабочих созревает в форме вооруженного восстания.

Рабочие Мотовилихи спаиваются единой волей проявить, сопоставить себя с господствующей силой.

Центр тяжести всей работы партийной организации переносится в Мотовилиху.

Непосредственным действенным руководителем бурлящего завода становится Мотовилихинский комитет, опираясь на внутризаводскую организацию во главе с Юршем. Пермский комитет лишь помогает: спешно достается оружие, где только возможно; печатаются прокламации, переиздается „финансовый" манифест Петроградского Совета Рабочих Депутатов и другие издания его—все передается из рук в руки в Мотовилиху.

Во второй половине ноября рабочие спешно вооружались. Отряды в пять десять, или двадцать человек иногда открыто проходили по улицам: организовывались под видом народной милиции. Еще с октября обложили население на нужды милиции по пяти копеек с человека.

По существу же кружки приходили в состояние готовности. Разбивались на боевые единицы — на десятки, составляли дружины. „Отряды были правильно организованы и у каждого был свой начальник", доносит впоследствии судебная власть. Не дожидаясь пока дадут в руки готовое оружие, рабочие сами по себе доставали оружие:

— В кузницах ковали ножи, шашки, рассказывают рабочие.

Интересно по пути отметить один курьезный факт. В Мотовилихе на стороне революционных рабочих был священник

— отец Сергий. Под красным знаменем наряду с хоругвями служил он молебны за политических и производил в пользу них сборы в своей церкви. Крупная сумма денег, собранная им, пошла на закупку оружия в Воткинским заводе.

Несмотря на явную подготовку рабочих к восстанию, завод все еще продолжал работать.

Общероссийские события горячо обсуждались по всем цехам, но работу не бросали. Наступил декабрь.

Доносятся отклики петербургских событий. Москва поддерживает Петербург и объявляет всеобщую политическую стачку. К ней примыкают железнодорожники (29 дорог).

Пермские железнодорожники к движению не присоединяются. Поезда продолжают ходить под охраной полиции и жандармов.

Пермский Комитет партии призывает рабочих присоединиться к всеобщей стачке и насильно прекратить движение поездов на месте; в случае применения правительством вооруженной силы — дать отпор с оружием в руках.

8 декабря вечером рабочие уже знали, что завтра не работать.

9-го декабря электричество в заводе потухло, толпами шли рабочие в снарядный № 5 — на сходку.

Члены Пермского и Мотовилихинского Комитета призывали многолюднейшее собрание присоединиться к всеобщей политической стачке, разъясняя необходимость отчаянной борьбы с правительством и указывая на стачку, как на одно из могучих средств борьбы рабочего класса.

Рабочие приняли резолюцию о присоединении к всеобщей политической забастовке.

С пением марсельезы выходили из завода, воздух оглашался тревожными свистками, призывавшими бросить работы.

В тот же день служащие завода ста шестьюдесятью голосами против пятидесяти восьми также присоединились к рабочим

под руководством Бессонова Александра, Дядина А., Соколова Андрея и Серовникова Николая.

Выступивший Андрей Юрш прибавил:—Товарищи! Смешно работать в то время, когда самодержавному правительству готовится последний удар и рабочие проливают свою кровь.

Рудаков Иван, Карякин Федор и Бессонов пошли к Строльману в качестве депутатов, требуя открытия фабрик для сходок и митингов.

Под напором ожидавшей многочисленной толпы Строльман дал согласие.

10-го декабря опять в стенах завода шел митинг; разбрасывались прокламации, призывающие к вооруженному восстанию. На митинге присутствовало уже человек семьдесят вооруженных рабочих.

11-го декабря рабочие решили идти к губернатору—требовать немедленного освобождения арестованных членов железнодорожного комитета с удостоверением от имени шести тысяч рабочих за подписью председателя собрания Юрша и секретаря Безолуцких.

В волостном правлении рабочие открыли митинг, на котором постановили—образовать милицию, выдать две тысячи рублей на нужды милиции, выдать из волостного правления оружие, сданное на хранение, обложить все население налогом в 10 копеек на нужды милиции, прекратить выдачу жалованья становым и полицейским, предоставить милиции арестантское отделение. 11-го декабря вечером началась стрельба, разоружали городовых.

12-го декабря боевая дружина под руководством Александра Лбова произвела нападение на керосиновый склад бр-ев Нобель и отобрала там тринадцать револьверов, предлагая рабочим склада идти на митинг.

На митинге члены Пермского комитета Трапезников и Владимирский призывали к всеобщему вооружению и сопротивлению войскам, указывая на необходимость остановить движение поездов.

С митинга рабочие толпою пошли на вокзал, вышли на рельсовый путь...

Подошедший почтовый № 4, не доходя до станции остановился...

С криками рабочие бросились к поезду и окружили паровоз... Стащили машиниста... Взяли с него слово, что „поезда не поведет"... Рабочие пытались выпустить пар из паровоза, но побоялись жандармской охраны.

Захватив с собою на митинг машиниста и его помощника, уходили с угрозами:

— У нас есть боевые дружины, они справятся с вами и с казаками, если они сунутся...

Мимоходом развинчивали гайки на рельсах.

Жандармский унтер-офицер, сопровождавший поезд, осмотрел путь и нашел стрелки испорченными.

В это время на полотне железной дороги показались казаки—ингуши, казаки 7-го Уральского полка под командой хорунжего Астраханкина.

Казаки въехали в завод.

Вдруг их встретили ружейным залпом. Выстрелы посыпались со стороны завода, из домов, с улицы.

Казаки такого приема не ожидали. В завод казакам преградила путь толпа подростков, они мешали ехать и один из них, побольше, оказавшийся вооруженным шашкой, кричал:

— Не расходитесь! Стоять дружнее!..

Рабочие, отстреливались, рассеялись.

У Малой Проходной казаков вновь встретили залпами. Одного высадили из седла.. Казаки опешили.

Ответной стрельбой все же рассеяли толпы рабочих. Вскоре вернулись обратно в Пермь. С темнотой улицы Мотовилихи вновь оживились. Группы вооруженных рабочих набрасывались на полицейских, отбирая оружие.

В рабочем клубе под видом милиции Александр Борчанинов инструктировал боевые отряды и распределял силы.

Первая самая сильная засада, десяток Пташинского, сделана была у Малой Проходной. На углу Камской засел эсеровский десяток. Третья засада, у Сунцева моста, десяток Булдычева; на углу Баковой и Большой улиц расположился со своим отрядом Яков Кузнецов. Помогали Трофимов, Спиридонов, построили баррикады. „На Висиме" строил баррикаду Лбов. На баррикадах выступали: Кузнецов, Мелехов, Борчанинов. Дружины разбились на мелкие отряды, которые засели по всему селению, по дворам, по огородам, на чердаках домов.

13 декабря губернатор дал приказ подавить восстание вооруженной силой.

С гиком понеслись было казаки по Мотовилихе... Наскочили на эсеровский десяток... Поднялась пальба...

Стреляли со всех сторон.

Страшная перепалка с казаками произошла в отряде Кузнецова, еще ожесточеннее у Сунцева места. Раза два—три был ранен Ваганов. Баррикады остались неиспользованными—туда казаки не поехали.

В заводе шел попрежнему митинг. Протестовали против наступающей реакции. Выступали вновь Трапезников, и Владимирский, призывали к свержению самодержавия. Митинг охранял Булдычев.

Узнали... Ударились в завод...

Здесь в засаде у Малой Проходной залпами встретил казаков Пташинский с отрядом. Ранили Петра Ратаева.

Из завода выбежали человек двадцать—тридцать вооруженных рабочих... Открыли огонь...

Казаки бросились на рабочих...

Весть передалась на митинг. Рассеялись... кто—куда...

Открыли ворота на Малой Проходной .. ворвались в завод... разогнали...

Часть рабочих скрылась в орудийной № 1 на чердаке.

Уж наступал вечер. Через ворота завода, мимо орудийной, возвращался патруль с пороховых складов человек тринадцать.

Солдаты заметили перебегавшего по вагону на чердак запоздавшего Булдычева, и таким образом, открыли засаду рабочих на чердаке фабрики.

Стремительно бросились на чердак. Но рабочие закрыли „западню", набросали на нее различные тяжести и сделали упорку в крышу.

Фабрику окружили и стали обстреливать чердак. Рабочие пытались вылезть на крышу... Стрельбой снимали вылезавших...

Подоспела помощь и „западню" разворотили...

Старик, рабочий Поляков в упор выстрелил в первого солдата. В панике шарахнулись...

Прислали из завода помощь—резервную часть. Стали спускать рабочих прикладами... одного за другим... Тридцать два человека.

Потом еще двадцать.

Затем всех вывели на двор и поставили к стенке. Офицер скомандовал:

— Расстреливать всех.

Рабочие вдруг свалились все в кучу, один на другого... Окружили цепью солдаты. Стали избивать...

Били чем попало. Прикладами, палками, топтали ногами...

— В конце концов, мы представляли из себя окровавленную кучу, в которую нас сваливали,—рассказывают пережившие.

Остановил эту расправу с рабочими чей-то окрик: „Что вы делаете, кровопийцы". На офицера этот окрик подействовал.

Рабочим скомандовали: поднимайсь!

Но не все могли подняться.

Все же повели к вокзалу, рассадили в поданные вагоны и отправили в тюрьму.

Избитым и израненым рабочим отказали в медицинской помощи. В камеру бросили бинты и иодоформ.

В результате восстания насчитывали до тридцати человек рабочих ранеными, шестнадцать убитыми...

Главные руководители восстания—Александр Борчанинов, Андрей Юрш, Трапезников - скрылись.

Яков Кузнецов был вскоре убит при попытке к побегу.

На ряду с подавлением восстания рабочих в Мотовилихе шли аресты в Перми. Арестовали членов Пермского комитета А. Н. Ягодникову, М. П. Федорову и ряд рядовых работников, всего до двадцати человек.

Документами, отобранными у арестованных, была обнаружена полная связь деятельности Пермского Комитета Р.С.Д.Р.П. с вооруженным восстанием в Мотовилихе*).

„Установлено деятельное участие комитета в реальном осуществлении самого восстания".

Дело о вооруженном восстании в Мотовилихе было передано в Казанскую Судебную Палату. Следствие велось целый год и лишь 5-го декабря 1906 года суд состоялся**).

Все арестованные были привлечены по обвинению „в насильственном посягательстве на изменение в России установленного законами основного образа управления".

Геройская попытка рабочих Мотовилихинского завода—испытать себя в неравной борьбе—частично выявила готовность в те дни рабочего класса России—победить иль умереть в борьбе.

---

*) Дело о Пермском Комитете было выделено особо.

**) См. приложение—результаты приговора Казанской Судебной Палаты по делу о вооруженном восстании в Мотовилихинском заводе.

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible],
[illegible] [illegible] [illegible].

[illegible] [illegible] [illegible] вскоре убит при попытке к побегу.

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] рабочих [illegible] аресты". [illegible] [illegible] Петербургского комитета [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] рабочих [illegible] [illegible].

[illegible] [illegible] у [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Петербургского комитета Р.С.Д.Р.П. [illegible] [illegible] и [illegible].

[illegible] действительное участие комитета и [illegible] [illegible] [illegible].

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] суд [illegible].

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] посягательство на изменение в России существующего [illegible] образа правления.

[illegible] [illegible] рабочих [illegible] завода [illegible] в [illegible] борьбе [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] массы России [illegible] [illegible].

[illegible]

Д. Латышев („Митя").

А. Костырева („Шура").

Кучумов („Богомаз").

К. Вощинин-Гугурин („Петр").

Отдел второй.

П. Матвеев.

Субботники.

Это было давно, в период между моим первым тюремным заключением (1896 г.) и высылкой меня в Архангельскую губернию (1903).

Выйдя из тюрьмы политически неблагонадежным, я после долгих исканий заработка, наконец, попал, благодаря одному железнодорожному служащему, из числа Пермских декабристов 1885 года, на должность конторщика в управление местной железной дороги, которая в то время охотно давала приют политически неблагонадежному элементу. (Короленко, Криль, Скворцов, Маноцкий, Неклепаев, Казаков и др.).

Здесь продолжалась после учительства, моя культурная работа по библиотеке и кооперативу. Несмотря на это я не порывал связи и с учительством и земскими служащими, которые приютили меня во время производства дознания по моему политическому делу, длившемуся 8 месяцев. Благодаря этой связи я снова оказался в кругу местной земской интеллигенции, которая в то время переоценивала и пересматривала народнические устои и искала практической революционной работы.

Это была пора горячих споров между марксистами и народниками. Споры эти возникали везде, но чаще всего на службе Губернского земства и больше всего в среде учащейся молодежи.

Земские статистики в лице Кувшинского, Юрьева, Минаева, Фролова, Сигова, Бобылева, Красильникова, позднее Грауздина, Владимирского, учителя К. К. Матвеева, врача Серебренниковой и др., постоянно соприкасаясь с деревней и заводской жизнью, делились своими наблюдениями, впечатлениями и невольно на-

талкивалкивались на вопросы о расслоении деревни, о вторжении капитала в сельское хозяйство, о роли кустарной и ремесленной промышленности, о разложении крестьянской общины и на многие другие вопросы, которые выдвигались самой жизнью

Вопросы эти вызывали жаркие споры и требовали для разрешения их организованности и серьезного обсуждения.

Такой организацией и были первые в Перми субботние собрания, которые сыграли крупную роль в деле пермской общественности и выпустили не один десяток интеллигентных работников. Часть из них, хотя и незначительная, отдалась подпольной революционной работе, в лице некоторых дождалась Октябрьской революции и с завидной честью держит красное знамя коммунизма в рядах РКП (б) (т. Фотиева).

Субботники были организованы по инициативе статистика социал-демократа Кувшинского (умер). Еженедельно по субботам, а иногда и по другим дням, накануне праздников, собирались поочереди в большой квартире кого-либо из участников и читали рефераты. Освещая их с точки зрения наметившихся экономических течений, делали соответствующие выводы для общественно-практической работы каждого в отдельности, по своей специальности. Темами рефератов были, например, такие: „К вопросу о монистическом взгляде на историю“, „Положение сельского учителя“, „Идеи Генри Джорджа“, „Роль капитализма в сельском хозяйстве“ „Критика деятельности Пермского кустарно-промышленного банка (во главе которого стоял известный народник Е. И. Красноперов), „Бедность России и причины ее и др.

На собрания являлись народные учителя, студенческая молодежь.

Последняя училась здесь на живых примерах распознавать и типы либеральной и расплывчатой интеллигенции, смотрев шей свысока на молодежь, и представителей боевого марксизма, ведшего беспощадную атаку на народнические устои. С цифрами в руках и с фактами из жизни разбивались киты народничества

в виде общины, артели и кустаря, долженствовавшие спасти Россию от капитализма, о пришествии которого в деревню писал еще народник Г. И. Успенский.

Под шум этих жарких споров вырабатывались революционные работники из молодежи, которые не долго думая, „не мудрствуя лукаво“, немедленно переходили от слов к делу и уходили с головой в революционное подполье.

Некоторые из них погибли, иные ушли в право и поплыли по течению житейского моря, и немногие остались верны идеалам социализма.

Но, кроме этого, субботники имели и другое значение, они были штабом Пермской интеллигенции, которая довольно упорно и всеми возможными способами вела атаку на фронте культурной борьбы. Отсюда исходили директивы для культурной практической работы: здесь возникали мысли об организации новых культурных очагов в Перми и губернии (Пушкинское просветительное общество, Высшее учебное специальное заведение, Смышляевская библиотека, Толстовская, музей); здесь же вырабатывались практические планы борьбы с мракобесием и произволом учебной администрации и епархиального начальства в лице архиерея; здесь возникла, впервые, мысль протеста против телесных наказаний, которые широко практиковались не только в тюрьмах, но и в волостных правлениях с благословения попов и разрешения врачей. Врач Серебренникова смело выступила с докладом на эту тему на съезде врачей Пермской губернии и голос ее не остался вопиющим в пустыне. Вскоре телесные наказания, под напором общественного мнения, были отменены. Открываемые субботниками культурные учреждения давали возможность некоторым из участников проникать в них для культурной работы, превращая ее в революционную (бесплатная библиотека, Смышляевская, воскресная школа для взрослых, вечерние курсы для рабочих и др.).

Здесь нельзя не упомянуть об одном обстоятельстве, которое послужило толчком к организации новых еще более интересных субботников.

В Перми была открыта, по инициативе народного учителя, А. И. Гашева, воскресная школа для взрослых, конечно, с благословения местного архиерея. В ней работали посланные последним семинаристы; читали и толковали евангелие, преподавали ветхий завет. Кроме них пробирались туда контрабандой и светские учителя, которые в микроскопических дозах преподносили слушателям кое-что из естествознания и истории культуры; но все это было бок-о-бок с мракобесием и не раз возникал вопрос о нецелесообразности подобной культурной работы Но жажда борьбы с невежеством у некоторых интеллигентов была так велика, что они шли сюда и упорно вели культурную работу, чувствуя удовлетворение в непосредственной близости с теми, кто несмотря на возраст стремился к свету и искал своих истинных друзей.

И вот однажды случилось так: в один из зимних коротких дней, занятия в школе затянулись до темноты, пришлось заниматься при электрическом освещении (здесь была двухклассная церковно-приходская школа, на углу Кунгурской и Петропавловской). Один товарищ умышленно перерезал провод и все сразу погрузилось во тьму.

Этим мраком воспользовался другой и начал вести беседу по русской истории, освещая исторические события с марсистской точки зрения. Аудитория, очарованная новизной освещения и группировкой фактов, в течение тридцати—сорока минут с напряжением внимала и слушала правдивые слова о том, о чем никто и никогда в школе не говорил и даже не мог говорить.

Этот случай сразу сблизил и породнил слушателей с некоторыми учителями, стали просить хоть раз в неделю вести с ними беседы „без электрического освещения“.

Но повторять это в воскресной школе, конечно, не пришлось. Поэтому решили направить всех желающих слушать такие

беседы в домашние кружки к товарищам, которые охотно соглашались вести эту культурную работу за стенами школы, у себя на дому. Один из таких кружков достался и мне. Ко мне было послано два надежных товарища и я с ними начал вести субботние беседы.

Это тоже были субботники. Но рабочие были милее первых: ближе, задушевнее—и поэтому получалось взаимное удовлетворение от работы.

Аккуратно в каждую субботу рабочие из Мотовилихи после заводской работы, немного и наспех подзакусив, веселой гурьбой шли по линии железной дороги, а иногда и горами, в Пермь и здесь расходились по известным адресам человек по пяти для того, чтобы поделиться своими впечатлениями, почитать легальную, а чаще и нелегальную газетину, получить ответы на вопросы, которые, как мухи, сотнями кружились в голове рабочих, беспокоили, мучили их.

Хождения эти по субботам были не легки и не безопасны.

Свора сыщиков и жандармов особенно тщательно следили за рабочими, которые ходили из Мотовилихи в Пермь. Полицейские и жандармы, а между ними тоже бывала конкуренция, в поисках крамолы, пробовали переодеваться в рабочий костюм, пачкали себя сажей и пытались сблизиться, чтобы попасть в кружок. Приходилось быть зорким и чутким и порой самим подражать манерам и походкам филера для того, чтобы отвлечь внимание, заходить в чужие дома, выжидать ухода следующих и выходить через другие дворы, снова направляясь по определенному адресу. Бывала слежка и из города, но в этом случае было легче отделаться от нежелательных попутчиков,—рабочие уходили на Егошиху (речка в лесу, за городом), и сюда уже жандармы не смели следовать, зная, что рука рабочего тяжела и маху не даст.

Но как ни трудно было это путешествие, оно не останавливало рабочих от посещения бесед даже ранней весной и поздней осенью в дождливую, грязную пору.

Так велика была тяга рабочего к свету и политическому развитию.

Не знаю, как у других, но наши беседы были неутомимы, говорили обо всем, что интересовало рабочих—даже о хозяйстве, об огороде, о женитьбе. Но все это были беседы на общественные темы или, вернее, трактовались с общественной точки зрения. Особенно любимыми были темы о нравсвенности, о боге, о царе, о городе и деревне, о богатых и бедных, об отношении к женщине и пр. За чаем беседа незаметно продолжалась до поздней ночи и всеже, иногда, рабочим не хотелось уходить и только мысль о завтрешнем рабочем дне заставляла прерывать беседу до следующей субботы. Но возникшие мысли не давали покою и рабочие, уходя в Мотовилиху, продолжали спорить и дорогой, и на работе у станка, и дома при встрече с другими.

Это было лучшее время в моей жизни, я получал полное удовлетворение и чувствовал, что работа моя не без результата. Кругозор моих собеседников заметно расширялся, аналитическая мысль их крепла, дух протеста против политического режима рос не по дням, а по часам. Вместе с рабочими учился и я. Они знакомили меня с деталями рабочего быта, с типами уральских рабочих, с мелкобуржуазной психологией своих матерей (мотовилихинские женщины по преимуществу, кроме домашнего хозяйства, занимались огородничеством и сбывали в Перми огородные овощи и молоко). Только теперь, вспоминая прошлое, видишь, как была велика тяга рабочих к знанию общественной жизни, к науке, к одухотворению своих взглядов идеалами социализма и духом организованной революционной борьбы. Все это не было результатом нашей культурной работы,—она была только толчком и систематизирующим средством для того, что таилось в недрах рабочей психики. Рабочая революционная струя проявлялась и раньше. Достаточно вспомнить Пермских и и Мотовилихинских декабристов, - это были массовые аресты мотовилихинских рабочих в декабре 1883 г. вместе с Пермской интеллигенцией, которая также тогда вела кружковую работу. В

свои ряды она допустила полицейского провокатора, выдавшего до сотни лиц рабочих и сделавшего из этого себе карьеру.

Много было и других случаев, где могла выявиться рабочая революционность, но если этого не случалось, то только из-за отсутствия стойких руководителей и нужных рабочих организаций.

Во всяком случае рыхлая почва для революционной работы среди мотовилихинцев была готова и оставалось только сеять семена революции. Это сознавалось всеми, кто шел тогда работать в Мотовилиху. Плоды работы не замедлили сказаться в Мотовилихинском декабрьском восстании 1905 года, в последующей борьбе с казаками и в целом ряде политических демонстраций.

А. Семченко.

К истории 1-го Мая.

1905 год. Г. Пермь.

Преимущественно одиночками, иногда по-двое, по-трое, тянутся люди к лесу и исчезают в нем, скрываясь от нежелательных глаз. Некоторые идут, словно крадутся: для них „чужие глаза“ особенно нежелательны. Идешь настороже́вшись и бросаешь украдкой по сторонам и назад взор, не тянется ли за тобой какой нибудь подозрительный субъект

И, травимые, словно звери, „шпиками“, собирались мы тогда на свой нелегальный праздник, на „первомайскую массовку“, лесную „маевку“.

А там в лесу через несколько верст за Егошихой, пройдя через свои пикеты, встречаешь большую поляну и на ней около опушки сотню людей. „Пикеты“ преимущественно из молодежи. Молодежь, всегда чутко отзывчивая, с готовностью брала на себя обязанности, имея пароль, указывать дорогу „своим“ к месту „массовки“ и охранять его от „чужих“ людей.

Гордая и благодарная за оказываемое доверие, молодежь вполне аккуратно относилась к своей обязанности, считая ее ответственнейшей и священной. Она выполняла точно все указания старших по сторожевому охранению товарищей, из так называемой, „малой технической группы“, в которой был и я в то время.

В этот год настроение было бодрое, приподнятое. Свежа была еще память о расстрелах рабочих 9-го января. Сильна была ненависть к палачам. То здесь, то там, взрывались бомбы под колясками губернаторов и других царских опричников. Глухо, несогласованно, но все громче и чаще слышались раскаты собирающейся революционной грозы.

И радостно и сильно билось сердце революционера.

На поляне, усевшись кругом на земле, еще не просохшей, мы жадно внимали красивым, чеканным и энергичным словам, „ответственного агитатора" нашей организации, говорившего о значении и смысле великого мирового праздника труда, звавшего на борьбу с царским самодержавием и капиталом.

Чувствовалось, как росло и крепло с каждым его словом революционное настроение слушавших, как зрела могучая непобедимая воля к борьбе.

Исчезло всякое чувство одиночества. Каждый знал, что в этот день во всех уголках России и мира бьются в один тон сердца многих тысяч пролетариев, везде и всюду раздаются горячие призывы к борьбе с капиталом, взлетают над толпой красные флаги, выходят на улицу баталионы великой армии труда, дрожит испуганно старый капиталистический мир.

Еще несколько речей. Звучные революционные песни и „маевка" кончилась и разошлась так же, как собралась, в разные стороны

Каждый унес в душе новый заряд революционной энергии и сознания. Он скоро пригодился: 14-го мая в Перми была демонстрация, ранено несколько городовых, выбиты почти все стекла в губернаторском доме на Сибирской.

Нашей „маевке" „не помешали". Лишь на обратном пути я встретил несколько конных стражников, тщетно рыскавших и вынюхивавших вдоль тракта следы несомненно где-то происходившей маевки.

1906 год. Пермская тюрьма.

Корпус одиночных камер. Получили первомайское письмо с „воли", составили и переписали в нескольких экземплярах свое и через „парашника" пустили его гулять по тюрьме. На прогулке из женских камер больницы получили несколько, каким-то образом заполученных, живых аленьких цветочков. Вечером, при·

льнув ухом к „волчкам“, слушали историю борьбы за 8-мичасовой рабочий день, изложенную одним из старых товарищей.

1907 год. Ссылка.

Настроение было боевое, но не радостное. Реакция начинала давить все больше и больше. Маевка не удалась: была окружена полицией и окончилась разгоном ее, но никто в руки стражников не попался и арестован не был. На другой уже день арестовали меня и еще одного „товарища“ по доносу, сообщавшему, что мы участвовали в массовке, но через три недели нас за недоказанностью обвинения выпустили.

М. Туркин.

ИЗ ПРОШЛЫХ ЛЕТ.

Последние дни перед 1-м мая были полны забот и для нас, старых подпольщиков, и для наших врагов. Каждый по своему готовился к встрече этого дня.

Наши организации недели за две уже начинали во всех кружках и на предмайских массовках горячо обсуждать вопрос: как выступать. Учитывали настроение рабочих, опыт выступления в прошлом, позапрошлом году, делали предположения о том, как отнесутся к выступлению широкие обывательские массы, подсчитывали силы неприятеля, его подготовленность, делали сопоставления между возможными потерями и результатами удачного выступления.

Когда вопрос был взвешен и рассмотрен со всех сторон— принимали то или иное решение, и робота уже шла в одном определенном направлении: готовились или к закрытой маевке за городом в лесу, или подготавливали открытое выступление в городе с вовлечением в него возможно более широких масс населения.

„Они“ по своему тоже готовились „встречать“ рабочий праздник, вернее не его, а нас, осмелившихся так или иначе нарушать спокойную, сытую жизнь хозяев тогдашней жизни— буржуазии и царского правительства.

Жандармы и охранка всегда были готовы ко всевозможным выступлениям, и в этот день, оставаясь работать „на прямом производстве“, усиливали лишь свою бдительность и связь с некоторыми другими, не менее полезными для старого строя организациями.

Конная и пешая полиция в эти дни отвлекалась от своих обычных занятий и подтягивалась на всякий случай. И даже

пожарные команды готовились к несколько необычайной для них работе: машины и рукава приводились в полную готовность к тому, чтобы тушить необыкновенное море огня, уничтожающее городские постройки, а пожар народного возмущения, направляя струю холодной воды в самую средину толпы.

Готовились, конечно, к празднику также участки и тюрьмы: там без всякого декрета уплотняли постоянных жильцов, чтобы очистить помещение на случай прибытия новых гостей.

Мне самому приходилось переживать несколько раз эту лихорадочную работу по подготовке празднования 1-го мая

Маевка в Перми и в Мотовилихе ожидалась еще в 1902 году, и я помню, как нас в школе накануне старший учитель (кстати сказать, и поныне работающий на ниве народного образования) во время молитвы предостерегал, чтобы мы, дети, не вмешивались в могущие произойти по случаю 1-го мая волнения, которые подготовляют враги царя и отечества, подкупленные жидами и иностранцами. Но маевки в этом году не было.

В 1903 году я был уже заводским рабочим, и хотя в партии по малолетству оффициально не состоял, все же к празднику готовился вовсю. Открытых выступлений решено было не делать, т. к. не было надежды на успех.

Решили собраться своей кампанией в лесу и почаевничать. За день и накануне пришлось здорово работать разбрасывать и расклеивать листовки, объясняющие значение 1-го мая и призывающие рабочих не выходить в этот день на работу.

1-го пошли в лес.

В Перми маевка устраивалась отдельно, и нас, мотовилихинцев, набралось немного—человек 12—13. Был и приглашенный из Перми интеллигент, кажется т. В. А. Владимирский. Речей не было, была задушевная товарищеская беседа старшего бойца с более молодыми. Все мы были настроены по праздничному и хотя нас было немного каждый из нас чувствовал, что мы представляем силу, которая растет...

Никаких неприятных последствий этой массовки не было.

В 1904 году, 1 мая пришлось некоторым из нас встретиться в тюрьме.

В 1905 году решили устроить объединенную массовку в лесу около Перми, за Егошихой. На этот раз собралось довольно много публики—в большинстве рабочие разных предприятий. Не все, конечно, были членами организации—на первомайское собрание в лесу каждый старался залучить своих более или менее надежных товарищей по работе и благодаря тому, что собрания были широкими, трудно было при всей конспирации укрыться от зорких глаз охранки. Охранники стояли почти на всех дорогах, ведущих из города к лесу, и им нетрудно было заметить, куда больше всего тянутся один за другим одетые по праздничному рабочие.

Так и на этот раз. Не успели мы заслушать одного или двух выступающих ораторов, как пикеты наши сообщили, что в лес, по направлению к нам, приближается полиция.

Ждать мы ее, конечно, не стали и начали расходиться в различных направлениях. В общем маевка вышла удачной.

Мы, мотовилихинцы, пошли по направлению к Костаревой и там, войдя в селение, выкинули, не помню из чего наскоро сделанный, красный флаг и затянули „Варшавянку". Прошли несколько кварталов и разошлись по домам Потом в охранку сообщено было об этом, как о демонстрации в Мотовилихе. Но это была просто случайная прогулка, т. к. мы все были бодро настроены, погода была солнечная и нам хотелось петь и будить спящие умы обывателей.

1906-й год. Мы уже имели большой опыт. Но организация наша после декабрьского восстания в Мотовилихе была порядочно разгромлена, и мы только что начинали оправляться. Решено было не подвергать организацию опасности вторичного разгрома и открытого выступления не устраивать.

Мне приходилось заниматься едва ли не самой утомительной работой—печатать первомайские издания в нашей подполь-

ной типографии. Работать в течение целой недели, если не больше, приходилось буквально день и ночь. Спать приходилось 2 - 3 часа в сутки, и когда мы переставали двигаться—способны были заснуть стоя.

Жили мы нелегально: двое по чужому паспорту, а я совсем без документа и поэтому прятаться приходилось весьма усиленно, в особенности мне, так как меня знала, что называется, каждая полицейская собака, не говоря уже об охранниках.

Но по случаю 1-го мая разрешили и нам при свете дня показаться на улицу, а я даже и ночевал-то в другой квартире, чтобы днем не выходить из типографии.

Массовка была удачная вполне. Было не меньше ста человек народу. Все чувствовали себя как одна дружная, тесная семья. Пели песни, шутили. Из выступавших ораторов помню т. Ерему (где он теперь, не знаю) и тов. Свердлова, Михайлыча, как звали его тогда у нас и потом все старые товарищи. Он говорил о вооруженном восстании в Москве, о том, как московские рабочие хотели отстоять свои права и о том, как расправлялись потом с побежденными жандармы, полиция, войска и охранка. Разошлись, помнится, благополучно.

С тех пор мне не пришлось принимать участия в маевках, устраиваемых нелегально. Тюрьма, ссылка и эмиграция—в каждом месте по своему праздновала этот день.

Но эти три массовки не изгладятся из памяти даже тогда, когда забудется многое, что было позднее.

А. Борчанинов.

14-го Мая.

(Из воспоминаний о 1905 годе).

Этот день должен навсегда остаться памятным пермскому пролетариату.

В прошлом пермские рабочие имели за собой революционные плюсы в виде забастовок. 14 мая было первой попыткой вооруженного выступления, которая к тому же окончилась весьма удачно.

Последствия этого выступления имели большое значение, как для самодержавных держиморд, так и для самого пролетариата. Если до 4-го мая пермские самодержцы ненавидели мотовилихинских рабочих за их революционность, выливавшуюся в стачки, то впоследствии к этой ненависти присоединился страх и его попутчик—нерешительность действий.

Для пермского пролетариата эти последствия были прямо противоположны. Наглядно, с колоссальным успехом, был показан большевистский метод революционнй борьбы. Воодушевление от демонстрации 14 мая еще долгое время спустя поддерживало рабочих в их дальнейших выступлениях.

Еще накануне ничто не предвещало событий.

Утром 14 мая должен был открыться съезд учителей, разрешенный администрацией, на котором меньшивики решили использовать свои „легальные возможности".

Съезд предполагался в доме эс-эрствующего в то время Мешкова (уже тогда это почти ни к чему не обязывало). Велико было огорчение меньшевиков и иже с ними, когда у ворот Меш-

ковского дома их встретили „некто стерегущие входы“. Шумная толпа учительства двинулась с протестом и петицией «против нарушения свобод» к губернатору, который оказался весьма не демократических убеждений и не внял голосу протестантов.

В дальнейшем события начали развертываться уже большевистским темпом.

По городу быстро распространились прокламации с подписью „Пермский К-т Р.С.Д.Р.П.“ (на самом деле анонимого автора) с призывом рабочих и граждан Перми и Мотовилихи к демонстрации против правительства по случаю разгона учительского съезда. Демонстрация назначалась в 8 час. вечера в этот же день в загородном саду.

Пермский к-т большевиков решил использовать создавшееся положение и приступил к организации демонстрации.

Началась мобилизация сил. Времени до вечера оставалось очень немного. Главные надежды возлагались на мотовилихинцев.

Помню Миша Туркин около трех часов дня примчался на Архирейку*) с языком на сторону. Я и Гомзиков в это время спасались на Архирейке от чрезмерного внимания пермских жандармов к нашим персонам. Наскоро собрав рыболовные «монатки» мы к четырем часам были уже в Мотовилихе.

Через полчаса был в сборе Мотовилихинский Комитет в составе: Кузнецова Яши, меня, тут же были Гомзиков и Миша Туркин. Полетели члены к-та гонцами в завод и по районам. Рабочим было предложено выходить с завода в 6 часов с гудком (многие работали до 10 час. вечера). Не легко было оббегать нашу расползшуюся Мотовилиху и заводские цеха за какой-нибудь час времени.

Товарищи-женщины также проявили уйму энергии. Их стараниями у нас было еще до срока вполне приличное знамя.

В 6 часов потянулись в город по линии железной дороги длинные вереницы рабочих.

*) Станция в нескольких верстах от Мотовилихи

В саду толпы любопытствующих обывателей всех мастей, включительно до разжиревших „буржуев" и всех сортов барынь, с любопытством и иронией рассматривали явившихся „чумазых"

С подобающими приличиями ведет себя «чистая публика», заблаговременно заняв все, на чем сидеть можно. Около музыкантской эстрады большая толпа таких же, не нашедших себе «сидячих» мест. По аллеям сплошная движущаяся масса рабочих, жандармов и шпиков (извините за сопоставление). Те и другие герои дня.

На лицах любопытных вопрос: «Кто—кого?».

За кустами в тени—мы, те, кто взял на себя громадную ответственность руководить этой революционной рабочей силой. Там идут непрерывные совещания, даются директивы, вырабатывается план. Появляются, снова исчезают в толпе. Много... много... Приносят новости. Тут Абросимов, Пташинский «Коля»... Экспансивная Миславская ежеминутно и тут и там.

Наконец план готов. Директивы даны Момент высшего напряжения боязни за исход.

В киоск, в котором демонстрируется граммофон, направляется Пташинский и заказывает на открытой площадке пластинку „Боже, царя храни".

Граммофон водружен на видном месте, раздаются звуки монархического гимна.

Со всех сторон толпы бегущих на звуки рабочих.

Уже раздалась революционная марсельеза.

Из толпы вырывается Абросимов—поверженный граммофон валяется на земле, и над садом в летних сумерках раздаются только звуки марсельезы

Взвилось Красное знамя... Начало сделано... Двинулись к выходу... Вот сейчас конец аллеи... Но отряд конных городовых, рассыпавшись с револьверами наголо, преграждает демонстрантам путь...

Несутся крики: Вперед товарищи!... Ура!..

Холодный блеск оружия сделал свое дело. Отступили.

Начался митинг. Говорились горячие речи... Гремело: «Долой самодержавие»... А наши головы осаждались мыслями: «Неужели попали в ловушку. Как найти выход из положения?

А городовые, как истуканы, стояли на прежних местах.

Снова порывы вперед.

Снова толпа двинулась на полицейских и... снова отступила.

Опять речи, опять «Долой самодержавие».

И вот радостная весть:

Сзади к цирку есть запертые ворота.

Выход найден. Что из того, что он заперт. Напор толпы,— ворота сорваны и мы на Кунгурской улице.

Уже совсем темно...

На цирке горят огненные буквы, из широко открытых дверей льется поток публики и демонстрация растет.

По тротуарам впереди горят плошки — иллюминация по случаю царского дня,— на домах темнеют флаги. Хороший материал для знамен. Многие уже несут красные полосы, прикрепленные к длинным древкам, а другие с неистовством рвут в клочки синие и белые остатки.

Один мотив сменяется другим.

На смену марсельезе, мощно раздается «Дружно товарищи в ногу».

Постепенно демонстрация растет и на углу Б.-Ямской вливается «отрезанная» часть из Загородного сада. Вся Кунгурская улица занята демонстрантами, вплоть до Екатерининской.

Число демонстрантов достигает уже нескольких тысяч.

Впереди несколько отделившись от общей массы двигается человек триста-четыреста с высоко поднятым Красным флагом. Это голова демонстрации.

Свернули на Екатерининскую, прорезавшись сквозь толпу с гиканьем появляются снова полицейские и, заняв улицу, отрезают авангард от общей массы.

Остановились. Раздаются безчисленные советы.

В сумятицу юркий жандарм пробрался в гущу и его руки уже протянулись к Красному знамени.

Поднялся лес тростей и извивающийся жандарм получил заслуженную мзду.

Решили итти на Сибирскую в расчете, что остальные по другим улицам направятся туда же.

Едва отошли квартал... Раздаются крики:

Арестуют... избивают...

В едином порыве все бросаются назад. Кругом раздается:

— Бей полицию!

— Долой полицию!

На встречу бегущей толпе выделяется вперед спешенный полицейский с револьвером в руке—по грудь как лопата борода.

Слева—против полицейского—„Коля"... Раздается выстрел... другой... залпы... Врезались в полицию...

Они не выдержали.

Долго потом не могли собрать городовых. Двое совсем остались на месте стычки: красочный жандарм и „борода лопатой".

Упоенные победой дошли до Сибирской. Темный дом Губернатора ..

Звон стекол и через минуту он смотрел на демонстрантов пастями своих безстекольных окон.

Хозяин дома и города сбежал.

Где-то начали ловить полицеймейстера, но быстроногие кони спасли его.

Впереди театральный сад и при входе громадный сияющий электричеством вензель: „Н. и А".

Медленно наклонился вензель и грохнул своими огнями на землю.

Тихо подошла рота и остановилась у театра.

Сибирская шумела, как разбушевавшееся море, которому нет преград.

Времени уже много—скоро двенадцать...

От имени Пермского к-та демонстрация объявляется законченной. Но до утра шумела Сибирская буйной радостью и злорадно высмеивала вновь появившуюся полицию, поздравляя ее с победой.

Пермь 11 октября 1922 г.

М. Туркин.

ИСТОРИЯ ПЕРВОГО СТАНКА.

(К истории Пермской парторганизации 1905—1906 г.г.).

Приступаем к делу.

Мысль о переходе с гектографического способа размножения нелегальных листовок прокламаций на более усовершенствованный типографский способ беспокоила нас еще с конца 1904 года.

Потребность рабочей массы в революционном печатном слове росла все шире и шире, а печатание листовок на гектографе требовало много кропотливости, отнимало много времени и на единицу затраченной энергии давала очень незначительное количество экземпляров, хотя в области гектографской техники нами и были достигнуты значительные успехи. Вплотную за организацию типографской техники мы взялись только с ранней весны 1905 г. В апреле месяце мне было поручено съездить в Стряпунинскую волость к одному старому рабочему Мотовилихинского завода*), который был знаком с устройством ручного типографского станка, чтобы познакомиться с его слов с этим делом и даже заказать ему изготовить станок. От изготовления он отказался, т. к. не имел в деревне необходимых инструментов, а дал только мне набросок станка, который оказался довольно примитивным, немудрым и простым настолько, что его можно было заказать любому слесарю.

По возвращении в Пермь я получил задание заняться организацией техники. Немедленно были приобретены необходимые для станка материалы - чугунная плита и квадратное железо—и были сделаны заказы двум мотовилихинским рабочим: одному

*) К рабочему Пьянкову.

обделать плиту, другому изготовить раму, в изготовлении того и другого я принимал самое деятельное участие, выражавшееся, правда, только в том, что я стоял над душой у обоих и торопил сделать заказ, во что бы то ни стало, поскорей.

Вскоре „станок“ был готов. Это было сооружение примерно такого вида: 1) чугунная плита в дюйм толщиной, с гладкой пришабренной поверхностью; 2) рама из квадратного железа с винтами по бокам, которыми сжимался набор—величина рамы расчитана была на набор в 1/2 листа писчей бумаги; рама прочно прикреплялась к плите; 3) поверх этой рамы была приспособлена другая рама из листового железа с натянутым на ней полотном, эта рама была откидной, на шарнирах; 4) два валика: один для нанесения на шрифт краски, другой из дерева, обтянутый холстом для прокатки. Вот и все устройство „станка“.

Остальное необходимое для пуска техники*) в ход: шрифт, типографские материалы, верстаки и пр., постепенно запасалось, но в описываемый момент мы еще не имели в достаточном количестве шрифта и „станок“ лежал у меня на квартире в ожидании пока мы по крошкам, по горстям наберем необходимое количество требуемых материалов.

Опасный момент.

Жизнь подпольного революционера всегда была полна всевозможных, большей частью неприятных, случайностей и сюрпризов.

Такой сюрприз случился и со мной и чуть не стоил гибели начатого и уже близкого к концу дела по организации нашей типографии.

14 мая, по случаю дня царской коронации, в Перми состоялась демонстрация, непосредственным поводом к которой послужил разгон учительского съезда. Демонстрация была вполне удачной и в стычке с конной полицией, последняя по-

*) „Техника“ — общепринятое в те времена название нелегальной типографии. „Техникой“ же называлась и мастерская для изготовления бомб.

терпела поражение и после нескольких выстрелов со стороны демонстрантов обратилась в позорное бегство. После демонстрации все благополучно разошлись и тем, как будто бы вопрос, и был исчерпан.

Однако жандармерия не оставила это дело без последствий и почти на другой же день начались аресты. Между прочим не оставили без внимания и меня.

18 мая я шел пешком из Мотовилихи в Пермь. По дороге обогнал шедшего тоже в Пермь студента К. М. (бывшего учителя 2-х классного училища в Мотовилихе). Пошли вместе, делясь впечатлениями о том и о сем. (Нужно заметить, что он знал о моем участии в революционной работе и относился к этому сочувственно).

Мы были уже недалеко от станции, как на встречу нам, не подавая никакого вида, прошли двое или трое—точно не помню—жандармов. Едва успели их усатые физиономии скрыться за нашими спинами, как я почувствовал, что мои руки оказались скрученными назад. Мой спутник тоже оказался за компанию в таком же положении. Пришлось серьезно уверять наших случайных знакомых в том, что мы в отношении их не имеем в виду ничего, что может угрожать их безопасности, и только тогда наши руки почувствовали некоторую свободу движений.

Привели в дежурную жандармскую комнату. Мой спутник с возмущением начал доказывать ожидавшему нас вахмистру, что он задержан совершенно напрасно, что он шел к губернатору для получения разрешения, производить кой-какие естественно-научные разведки на Урале и немедленно требовал сообщить о его задержании губернатору.

Мне крыть было нечем, поэтому я молчал. При личном обыске ничего, кроме платка с некоторыми признаками гектографских чернил, не нашли, но в участок все же направили.

Там мне пришлось крепко призадуматься: на квартире у меня осталась половина нашей будущей типографии и мысль, что все попадет в руки жандармов, не давала мне покоя. Оста-

валась надежда на то, что драгоценный груз был спрятан не в том помещении, где я жил с отцом матерью и братом, а в чуланчике, принадлежавшем жильцам другой половины—это было сделано для безопасности, с надеждой, что искать там не будут, но все же думалось: чем чорт не шутит—возьмут да и перероют и там все. Через день в участок пришел мой брат и дал мне понять, что все сохранно. Нечего и говорить, что это для меня было самым приятным сюрпризом, какой только я мог ожидать в моем положении, и предстоящая впереди тюремная жизнь потеряла добрых две трети тех мрачных красок, которыми она была окутана, пока я не знал, что провала техники не произошло.

В участке меня продержали дней 6—7 и потом направили в одиночку Пермской губернской тюрьмы. Моего спутника, шедшего с докладом к губернатору, через три дня освободили, а после обыска, произведенного у него на квартире в Мотовилихе арестовали сестру *) его жены, которая имела связь с нашей организацией и печатала на гектографе.

„Девочка растет“.

Тюремная жизнь потекла своим чередом. Чтение книг, перестукивание с соседями, игра через стенку в шахматы, споры по вечерам по вопросам программы и тактики между соц.-рев. и с.-д., изредка мелкие конфликты с администрацией, все это поглощало незаметно время. Иногда тосковалось по воле, а главным образом по оставленной работе. Но мысль о том, что работа на воле не прекратилась, что революционное движение разростается вширь и вглубь (а сведения с воли мы получали), отгоняла прочь все мрачные мысли и поддерживала в нас весьма бодрое настроение.

В особенности я интересовался тем, как идет работа по организации техники. В переписке с некоторыми товарищами

*) Сидя в тюрьме в одиночке, она стала эсеркой. Где находится в настоящее время не знаю.

об этом предмете сообщалось только одному мне понятными фразами без каких бы то ни было подробностей, главное я знал: дело подвигалось вперед!

В Перми тогда работали т.т. Федорова М. П., Ягодникова А. Н., Мутных В. С., Митрофанов (Христофорыч), вновь приехавший товарищ Патушанский (Саша или Фаро), Горных М. П., Худякова и ряд других товарищей. Во главе меньшевистской организации (раскол произошел в июне или июле) стоял Н. П. Бусыгин.

В Мотовилихе т.т. Кузнецов Яков, Третьяков Ф., Гомзиков, Мелехов Устин, Новожилов В., мой брат Александр, Овладеев (Кулик), Борисов Ив. Ив. и др. Из более молодых, вступивших в организацию летом 1905 г. я знал тогда очень немногих, т. к. большую половину работы вел в Перми и на заводе не работал. С осени 1904 и весной 1905 г. работал также в Мотовилихе и А. Борчанинов. Он был арестован тоже вскоре после демонстрации и сидел в одиночке надо мной.

От свидания до свидания целую неделю я ждал, что скажут мне о типографии и придет ли кто из товарищей, чтобы в разговоре на самые обыденные темы (а только такие разговоры и разрешались при свиданиях) ввернуть коротенькую фразу: „девочка здорова“ или „девочка растет. скоро будет большая“, это обозначало, что типография цела, что она пополняется и скоро будет работать.

„Первый блин“.

Однажды на свидании мне было сообщено, что „первый блин“ готов и я понял, что „девочка настолько подросла, что стала печь блины, по-просту говоря, типография пущена в ход. Такое сообщение было для меня лучше всякой вкусной передачи. Это было приблизительно в июле месяце.

Вскоре мы получили и самый „блин“. Во время прогулки, когда мы с Борчаниновым расхаживали по двору, чуть не к самым нашим ногам прилетела из-за стены, со стороны тюрем-

ного сада, громадная кость. Надзиратель не обратил на нее никакого внимания, думая веро тно, что это бросают мальчуганы, мы же сразу смекнули, что тут кроется какая то загадка, но не подали виду. Потом незаметным образом мы подобрали упавшую кость и не ошиблись. Внутри торчал небольшой сверток. Это был „первый блин"—прокламация, если не ошибаюсь, по поводу происходившей тогда в Мотовилихе забастовки, отпечатанная в типографии Пермского Комитета Р. С. Д. Р. П.

Снова на воле.

В сентябре некоторых из одиночников перевели в общую камеру старого корпуса. Собрались вместе человек до десятка—я, Борчанинов, Митрофанов, Обросимов, Пташинский, Мокеев, Быков и др.

Время проводили в компании довольно весело: игры, песни, споры и ссоры—чередовались одно за другим. Между прочим подшучивали над т. Быковым, имевшим большой нос, который, по нашему мнению, при уличном бою представлял хорошую мишень для прицела. Судьбе угодно было, чтобы наши шутливые предсказания сбылись: в стычке с черносотенцами, во время встречи их и нашей манифестации, т. Быков был ранен ни во что иное, а именно в нос!

С воли приходили все более и более отрадные вести: движение росло, ширилось, наконец превратилось в могучий поток, который мы чувствовали грозил, если не смыть совсем, то во всяком случае сильно размыть устои самодержавия. Новости с воли мы получали ежедневно.

Последние дни мы сидели, как на иголках,—знали, что за стенами тюрьмы бурным ключем бьет новая жизнь, рвались на волю, чтобы принять участие в происходящей борьбе.

18-го октября был получен по железнодорожному телеграфу знаменитый „Манифест", железно-дорожники вышли на улицу, к ним присоединились все новые и новые толпы народа. Власти

видимо растерялись. Толпа пошла к Губ. тюрьме, захватив по дороге губернатора.

Видеть, что творится у фасада тюрьмы мы не могли, но товарищи со стороны кладбища кричали нам новости одна за другой: „Николай сбежал, Трепов убит, рабочие победили и т. д. Не все, к сожалению, оказалось правдой. Сообщили нам также, что мы скоро будем свободны. Напряжение достигло высших пределов. Нам почему то казалось, что живыми нас из тюрьмы выпускать не будут (еще за несколько дней ходили слухи, что в тюрьме готовится погром—уголовные будут бить политических). Каждый из нас готовится к защите, кто как мог. Вызвали помощника начальника тюрьмы, и спросили, что творится около тюрьмы. Он сконфуженно отвечал, что не знает, что ничего особенного нет.

Однако минут через 10 двери камеры распахнулись и тот же помощник начальника сообщил нам, что мы свободны и поздравил нас с волей. Мы дружно грянули марсельезу и двинулись по направлению к выходу.

В конторе вышла небольшая задержка: начальник не хотел освобождать без особого распоряжения прокурора группу С.-Р, арестованных по делу экспроприации динамита. Но перед нажимом толпы ему пришлось уступить.

Мы вышли за ворота тюрьмы и влились в ожидавшую нас толпу.

„Покажите нам освобожденных!"—кричали из толпы. Ближе стоящие поднимали нас по очереди вверх и тысяча голов обращалась в нашу сторону, глаза жадно всматривались в отбитых у врага пленников *).

Несколько коротких речей—и толпа двинулась к пересыльной тюрьме. Губернатор под красным флагом шествовал без галош по средине улицы. Бедняга, такую прогулку ему приходилось совершать первый раз в жизни!

*) Всего было освобождено человек 27, между прочим, в суматохе 2 уголовных из пересыльной камеры

У пересыльной тюрьмы с освобождением повторилась та же процедура. Только на несколько минут толпой овладела паника, т. к. кто-то крикнул: „казаки“. Губернатор, улучив момент, убрался незамеченным во-свояси.

Паника скоро улеглась. Толпа двинулась с пением по направлению к городу.

Бурлящий водоворот жизни подхватил нас и от наших тюремных переживаний не осталось и следа.

Первое знакомство.

Организация не замедлила воспользоваться вырванными у правительства свободами.

Рабочие жадно прислушивались к свободному слову, литература читалась нарасхват. Печатать можно было в легальных типографиях и организация этим воспользовалась, но нелегальную технику хранили, несмотря на свободу, в секрете и кой для каких мелких дел ею пользовались.

Где помещалась техника я не знал, да и не спрашивал.

Однажды мне разрешили посетить ее и вечером с товарищем, который в ней работал (Красноперов с сестрой), я направился туда, заранее предвкушая удовольствие наблюдать за работой станка, в сооружении которого я принимал не малое участие.

Пришли. Низкая тесная комната, сплошь заваленная запачканными типографской краской бумагами. На столе типографская (наборная) касса, рядом станок.

Обстановка мне понравилась. Посмотрел, как набирают, попробовал сам и тут-же решил, в случае чего – сяду в технику.

Первое знакомство таким образом состоялось.

Разгром организации.

Первые дни власти в городе бездействовали совершенно и, если не считать неудачной попытки организовать через лобазников и переодетых городовых погром, никаких почти следов,

старого режима не было видно, полиции на улицах не было заметно. Казаки, для спокойствия города, были выселены куда-то за город. Жандармерия не только по улицам, но и дома-то, вероятно, ходила переодевшись в штатское. С нашей стороны, на всякий скучай, по городу расхаживали патрули дружинников, состоящих частью из учащейся молодежи и, большей частью, из рабочих.

На первых порах, от радости, или чего другого — не знаю, разногласия между большевиками и меньшевиками как-то притупились.

Решили создать, чтобы не дробить силы, объединенный комитет.

Выборы на общем собрании членов организации (Мотовилиха и Пермь вместе) состоялись в доме Мешкова. Присутствовало, если не ошибаюсь, человек 70—80. Выбрали комитет из 15 человек, в том числе несколько рабочих. Состав всего комитета не помню - может быть нашему истпарту удастся восстановить его,— помню лишь несколько фамилий: Трапезников, Владимирский, я, Федорова, Коган, Потушанский, Бусыгин и др. Из выступлений припоминается только одно — тов. Потушанского, нападавшего на прежний большевистский комитет и называвшего его дамским (если не бабьим) комитетом.

Несмотря на формальное единство, работа все же велась не совсем единодушно и вряд ли меньшевики, в особенности интеллигенция (а рабочих меньшевиков тогда можно было перечислить по пальцам), одобряли все наши действия.

Во второй половине ноября мы почувствовали, что свободам приходит конец. Самодержавие по всей стране пошло в наступление.

В Мотовилихе тяжба рабочих с властями кончилась вооруженным восстанием 13 дек. 1905 г после митинга, разогнанного вооруженной силой.

Несколько десятков дружинников, как могли, до последней минуты выдержали бой, но перед вдесятеро большего по коли-

честву и лучше вооруженного противника устоять было невозможно.

Восстание было поражено и жандармерия, полиция и казаки вступили в свои права. От Мотовилихинской организации не осталось почти и следа, когда мы, уцелевшие, подсчитали свои ряды.

Аресты производились первое время десятками и арестованных отвозили ночью в тюрьму в коробах целыми пачками. Некоторым товарищам (Юрш, Борчанинов и др.) удалось скрыться.

Мне пришлось перекочевать ради большей безопасности в Пермь, где организация была тоже основательно разгромлена.

Приезд „Михайлыча".

В январе 1906 года обычным местом моего пребывания было отделение Смышляевской библиотеки в Слободке, где заведующей были Ек. Вошева и ее помощницей Л. Сюзева. Тут у нас было что то вроде штаб-квартиры. Тут же частенько обитал и М. Коган. Техника наша, не помню по каким причинам, работала слабо. В ходу были опять гектограф и мимиограф. Для того, чтобы усилить и упорядочить печатание, решено было перевести из деревни старого спеца по этой части Ю. А. Хлынову*). Жила она в с. Б. Сосновка, Оханского уезда под строгим контролем своего отца—священника. Мне было поручено ее выкрасть, что было при содействии Вшивкова, Ив. Пр., проделано.

К несчастию, она была арестована в библиотеке, совместно с другими товарищами, несколько дней спустя после приезда в Пермь.

Арестовывали и меня, но, продержав в участке сутки, выпустили (вероятно для развода).

---

*) В 1903 г. она на гектографе печатала „Уральский бюллетень" и с этой работой села 6/X в тюрьму.

Издательская работа продолжалась и Пермский комитет Р. С. Д. Р. П. как будто существовал, хотя из выбранных 15 членов его оставался в Перми на воле чуть ли не я один.

Я не терял связи с оставшимися членами, главным образом, с ученической организацией (Алеша Будкин, Кузовников, Митя Федоров и др.). Жил где ночь, где две, главным образом, на Кунгурской улице у двух „соломенных" вдов—Новиковой Ксении и Комиссаровой, мужья обеих сидели в тюрьме) На том же дворе жило семейство Лихачевых—три сестры и маленький брат, у которых я частенько находил приют. Старший брат их, под кличкой „Карась", работал где-то на юге.

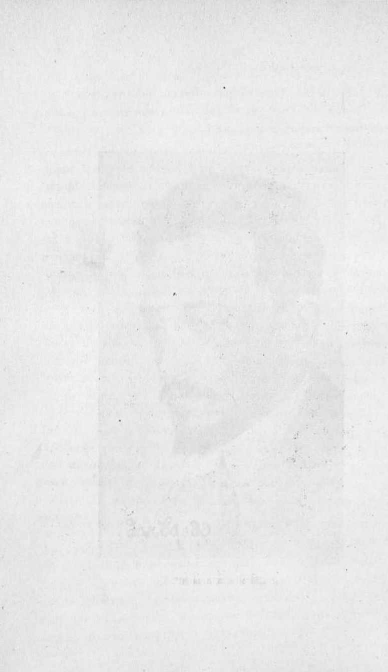
Широкой работы в это время конечно не велось, но видимость существования комитета мы с успехом поддерживали.

В феврале приехал из Екатеринбурга „Михайлыч"—Свердлов и его жена „Ольга" – Новгородцева. Встретил я их, помнится, в номерах. „Михайлыч" выглядел, как истый джентльмен: воротнички, манжеты и все остальное. Но под этой показной стороной я сразу почувствовал хорошего двуга-товарища, с которым можно обо всем говорить. Впоследствии я убедился, насколько умел он очаровывать, привлекать к себе товарищей.

К работе он приступил с места в карьер. Уже на другой день мы шли с ним пешком в Мотовилиху на квартиру к товарищу Кайгородову (в Малой Язовой), где он провел небольшое—человек 5—6 собрание, дав каждому свою работу по собиранию развалившейся организации. Вскоре мы собрались под его же руководством на квартире у товарища Обросова П. М., там Михайлыч наглядно на клочке бумаги набросал нам схему централизованной партийной организации. Бывали мы с ним и на Заимке, если не ошибаюсь, у товарища Барамзина, которого мы называли за его живой характер „Жизнь". На первых порах я был для Михайлыча проводником, так как отлично знал все адреса наших квартир и различные к ним подходы.

„Михалыч“.

Подальше с глаз.

В конце марта или начале апреля меня решено было использовать на такой работе, где я не попадался бы на глаза знавших меня хорошо шпионов. Таким укромным местом оказалась техника.

Наняли на Камышловской (или на Ирбитской) улице квартиру, перевезлись и начали работать. Со мной работали т. Марк-Минкин Александр—по паспорту Кучумова, иконописца, и сестра Мих. Ив. Волосатых—Анисья Ивановна, как жена Кучумова Марка. Я жил совершенно без прописки и хоронился ото всех. Выходил из техники редко, примерно раз в неделю, по вечерам подышать свежим воздухом—работать приходилось много, в особенности перед 1 мая, когда мы в течение четырех суток набирали и печатали почти не спавши. 1 мая нам дали отдохнуть и разрешили даже участвовать в загородной массовке. Жить по паспорту богомаза тов. Минкину было конечно не совсем конспиративно, т. к. слушая разговор Марка *) даже дурак мог догадаться, что он к писанию икон имеет очень отдаленное отношение. Но все как-то обошлось благополучно. Раз Марк, правда, попал в неловкое положение. Рядом на дворе жил столяр-иконостасник; однажды ему понадобился какой-то лак, и он, зная, что рядом живет богомаз, пришел к Марку с просьбой одолжить немножко этого лаку. Марк, конечно, слыхом и не слыхивал о таком лаке, но все же не растерялся и сказал иконостаснику, что был у него этот лак, да весь вышел.

Не знаю догадался ли старик столяр, что его надувают или нет, но кончился для нас этот разговор благополучно.

В мае—не помню числа—нам пришлось эвакуироваться из нашей квартиры, т. к. настоящий Кучумов (по кличке „черный богомаз") был арестован и жить по его паспорту даже со сходными приметами было опасно.

*) С сильным еврейским акцентом.

На новой квартире.

После небольшой передышки мне снова пришлось засесть в технику, но уже в другом составе. Кроме меня (я жил под чужой фамилией, но редко выходил из дому), приступили к работе Митя Латышев, Колеватова Шура (оба для работы в технике) и двоюродный брат Колеватовой, поселившийся под фамилией Карташова, игравшего роль хозяина квартиры. В технике он не работал, а работал в частной мастерской. Шура числилась по паспорту его женой. Она была еще совсем молодой девицей и я помню, как смущалась и краснела, когда соседки, жившие на том же дворе, заводили с ней „бабьи" разговоры.

Компания у нас была тесная и дружная, работалось нам хорошо.

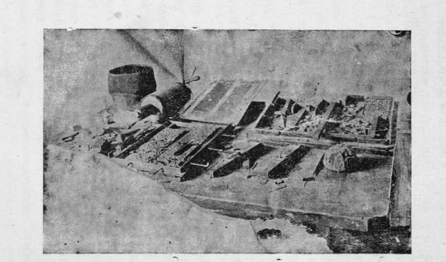
Техника наша помещалась во флигеле, в глубине двора, по Монастырской улице № 169. Место было выбрано хоть куда. Комната, в которой мы работали, окнами выходила против высокой каменной стены, а под самыми окнами выкопана была довольно глубокая яма.

Провал.

Проработали мы там однако недолго. Однажды ночью часов в 11—12, когда мы трое стояли за набором, а хозяин спал, в дверь раздался бешеный стук, и одновременно с этим стекла окна нашей комнаты со звоном полетели на пол от какого-то сильного удара по раме. В то же время за окном послышалось ругательство.

Как ни неприятен был приход таких скандальных гостей— двери нам пришлось открыть и даже подержать наши руки некоторое время в направлении противоположном тому, в котором они обычно находятся, когда человек стоит „смирно".

Во главе „экспедиции", сделавшей налет на нашу квартиру и так бесцеремонно нарушившей наш мирный труд, стоял жандармский вахмистр Рожков. Одет он был в штатский костюм и

Подпольная „техника“, арестованная 10 июня 1906 г. на Монастырской улице в д. Тиунова.

красную рубаху. Очевидно он думал, что в таком виде он произведет на нас более приятное впечатление. Рука его была в крови и он выражал неудовольствие по поводу того, что ему пришлось провалиться в яму.

Мы поняли, что удар по раме принадлежал ему. Из разговоров мы узнали, что шум и битье стекол было произведено с целью вызвать панику среди нас, так как жандармы боялись, что мы окажем им вооруженное сопротивление. Паники никакой не было, была лишь досада, что хорошее дело так плохо кончилось.

Вскоре на место действий является сам Самойленко (начальник охранного отделения (обыск и опись „имущества" продолжались несколько часов. Часов в 6 утра нас отвели в губ. тюрьму.

Провал типографии произошел случайно. Андрей Мальцев, который вез бумагу в типографию, не мог найти номера нашего дома и, пока он ездил взад и вперед в поисках дома, на него наткнулся конный разъезд, видя, что человек плутает ночью по городу, задержал его. В кармане у А. Мальцева была бумажка, где на память был записан № дома без указания улицы. Обнаружив у него в тележке тюк газетной бумаги, фараоны смекнули в чем дело и добрались до нас.

Так, по крайней мере, объяснял это дело сам Мальцев, но верно ли это сказать нельзя, т. к. он потом был уличен в связи с охранкой. Возможно, что все это было выдумано, чтобы отвести глаза.

Так или иначе типография, довольно богатая по тем временам, попалась в руки жандармов, а мы в тюрьму.

Ив. Глухих.

ТРИ ВСТРЕЧИ.

(Воспоминание о т. Свердлове).

Первый раз я встретил тов. Свердлова в марте месяце 1906 г. в Перми на одной конспиративной квартире.

В это время Пермский комитет партии был большевистский, хотя в центральном комитете было засилье меньшевиков.

Центральный комитет слал директивы: никаких активных вооруженных выступлений; никаких боевых организаций не должно существовать и т. д. и т. п.

Но Пермский комитет смотрел на партийное дело совсем иначе: нет денег в партийной организации—их нужно добыть, ибо „без денег невозможно развернуть продуктивно партийную работу"– так рассуждал Пермский комитет.

До этого времени в Мотовилихе была боевая организация, насчитывающая в своих рядах до восьмидесяти дружинников-боевиков. Но после давления со стороны Центрального Комитета была распущена. Тов. Лбов и тов Стольников не могли вести другой работы в подполье, кроме боевой. Поэтому они не пожелали расстаться с оружием и удалились в лес на жительство. Это было начало зарождения „Лбовщины", участники которой именовали себя впоследствии „Лесными братьями".

Пермский комитет, решая вопрос о затруднительном финансовом положении, постановил:— произвести экспроприацию казенных денег.

Данную операцию поручено было провести в жизнь Мотовилихинскому рабочему Дмитрию Васильевичу Меньщикову, по

кличке „Герой" (ныне почивающий в недрах земли сибирской каторги Иркутской губернии).

Меньщиков должен был подобрать соответствующих боевиков—трех человек. Он остановился на Лбове, Стольникове и третьим прихватил меня.

Я горел желанием активной борьбы, руки желали сжать оружие в ответ на „Столыпинские галстухи", в то время, уже „заработавшие во-всю".

В Пермском комитете работал тов. Свердлов, которого мы молодяки знали под кличкой „Михалыча" (до этого т. Свердлов работал в Екатеринбурге под кличкой „Андрей)".

На конспиративную квартиру меня привел т. Меньщиков. Там уже был „Михалыч" и т. Вотинов (потом оказавшийся провокатором) и еще третий—инструктор по оружию и бомбометанию, фамилию последнего не помню.

Помню, и представляю себе, как сейчас, фигуру т. „Михалыча": в студенческой форме, на носу—пенсне в роговой оправе, юноша лет двадцати, среднего или выше среднего роста, худощавый.

Говорил „Михалыч" внятным, но тихим голосом: „товарищи, сделайте, как можно без жертв . . . как можно без жертв . . . ".

Поехали мы с целью экспроприации с т. Меньщиковым по горнозаводской железной дороге, а на одной из глухих станций к нам присоединились т.т. Лбов и Стольников.

Поездка оказалась неудачной: Вотинов предупредил сборщика винной монополии (на которого мы предполагали напасть) анонимным письмом и тот не поехал.

Возвратившись в Пермь не героями, а с повешенными носами, от неудавшейся экспроприации, мы с тов. Меньщиковым встретили у „Михалыча" самый радушный прием: „товарищи, я все знаю, я все знаю. Сборщик по случаю болезни не поехал, и вы не вините себя, говорил „Михалыч" так тихо, так ласково, как мать родная.

* * *

После этого была устроена вторая слежка за другим сборщиком винной монополии.

Опять я встречаю „Михалыча“, но уже в Мотовилихе на Соколовской улице, в садике около небольшого домика Д. В. Меньщикова.

И здесь опять слышу тот же внятный шопот:

— Товарищи, как можно без жертв сделайте, как можно без жертв“.

Снова поездка, но уже без Лбова и Стольникова, Меньщиков заменил их другими. Поехали Александр Васильевич Трофимов (Мотовилихинский рабочий 18 лет) и Александр Васильевич Обухов (Пермский мещанин 20 лет), знающий хорошо сборщиков винной монополии и их охрану.

Хотя и давал нам „Михалыч“ наказ—действовать без жертв—но на этот раз оказались жертвы: был убит сборщик винной монополии—Орлов, убит был ямщик (фамилии не помню), ранен сопровождавший сборщика стражник—Меркушев и с нашей стороны был убит тов. Обухов в момент его ареста казаками, которым он оказывал сопротивление.

Нас троих доставили из Лысьвы в Пермь под усиленным конвоем. Конечно, побили изрядно и нагайками, и прикладами, и казацкими каблуками.

* * *

Третий раз мы встретились с „Михалычем“, уже лишенные свободы, в Пермской тюрьме.

Нас арестовали в мае 1906 года.

„Михалыч“ был уже в тюрьме.

Там на досуге он нам рассказал, при каких условиях его арестовали.

— Я провожал одну подпольную работницу на вокзал Пермь I-я, мы шли по Обвинской улице и вели с ней беседу.

Вдруг столкнулся, что называется, нос к носу с приставом какого-то участка города Екатеринбурга. Пристав остановился, смотря мне в глаза. Я тоже остановился,—смотрю ему в глаза... Так продолжалось несколько секунд.

— Андрей!.. Ты ли это—заговорил пристав,—а мы тебя с ног сбились, ищем по всему Екатеринбургу.. Куда, думаем, девался Андрей, а ты уже в Перми обитаешься?!

— Свист полицейской бирюльки.. Городовые.. и я прежде вас попал сюда...

Спутница, которую я провожал на вокзал, воспользовшись моментом, без моего содействия, уехала куда следует.

Так закончил краткую историю своего ареста „Михалыч".

Арест „Михалыча" произвел на нас удручающее впечатление. Нам казалось, что тюрьма, поглотившая „Михалыча", поглотила вместе с ним всю организацию, всю партию, и революционная борьба замрет на долгие годы.

Так оно и случилось.

Вотинов и ряд других провокаторов создали гибельную почву для революционного движения на Урале. Реакция окрепла. Репрессии бушевали: тюрьмы, каторги и места ссылки наполнились лучшими политическими работниками.

Кизел. 23 июля 1922 года.

В. Мутных.

ПОБЕГ.

(Из воспоминаний тюремной рецидивистки*).

Начало марта 6-го года.

Пермская губернская тюрьма была полна Сидели те, кто в октябрьские дни 1905 года развернули всю наличность своих боевых и организационных сил и начали с ними открытые действия, а также и те, кто, почувствовав возможность легальных организаций, поспешил использовать их, сплотиться и выявить свой политический лик. Все оказались под одной крышей.

Одиночек не хватало, изоляции прежней не соблюдалось и по категориям преступности нас не делили, а садили сколько уйдет в камеру. Женщин сгрудили всех в 2 камеры больницы, мужчин -в корпус и башню. Состав сидящих был самый разнообразный—сидели священники и профессионалы революции, адвокаты и боевики рабочие. Прогулки были общие Иногда мы с корпусом гуляли одновременно, переговаривались через стену, отделяющую больничный двор. „Почта" с корпусом была так ловко налажена, что мы иногда не один раз в день отправляли туда и получали оттуда письма. С волей сообщение было законспирировано так, что администрация сама два раза в неделю передавала на волю нашу почту, и нам приносила оттуда. Мы получали „Искру" и полный отчет о том, как оживают разбитые организации и налаживается работа с приездом новых работников Так сидели мы, живя своей особой жизнью, понятной только

*) Автор воспоминаний Б. М. была в описываемое время большевичкой. Революция 1917 г. застала ее уже в стане меньшевиков.

в тюремных стенах. Здесь была своя организация, свои тюремные дела, тюремный суд, а наряду с этим шла своим чередом личная жизнь, завязывались романы, устраивались свиданья с корпусными товарищами и эта переписка „больницы" и „корпуса" вносила много веселья и разнообразия в монотонную все же тюремную жизнь. Администрация тюрьмы на многое смотрела сквозь пальцы. Сбитая с толку октябрьскими событиями она не решалась взять крутой курс с нами.

В это время охранка заканчивала дело Пермской организации С. Д. Р. П., „дело 54".

Кроме этого в корпусе сидело несколько человек, которым грозил военный суд. (Часть из них по Чусовскому делу), один агроном, заведующий складом с.-х. орудий кажется в Челябинске, другой был юноша В. Якубов*), ранивший в ногу жандарма при обстреле митинга и сам раненый в ногу. С ними в камере был нелегальный Михаил Коган**), прибывший в Пермь из Одессы и еще несколько человек мотовилихинцев.

С воли приходили вести, что военные суды взялись за дело круто. Нашим грозила вешалка. (Расстрела для политиков тогда не полагалось, этой чести удостоивались только военные). Сессия военного суда ожидалась уже в Вятке, оттуда она должна была прибыть в Пермь. В камере № 4 явилась мысль о побеге, но уйти было не так легко — в окнах была массивная решетка. (Корпус выстроен в 1803 г.). Окна выходили наружу в сторону кладбища, под ними не отходя стоял часовой. Но вот тут то судьба улыбнулась товарищам и зло подсмеялась над властью. Часовым к нам не раз назначался солдатик еврей, с которым тов. Коган заговорил на своем родном языке. Убедившись, что

---

*) В. Якубов, сын железнодорожного машиниста, был членом большевистской организации, впоследствии стал меньшевиком и в 1917 г. вел усиленную борьбу с большевиками.

**) М. Коган был и остался большевиком, в настоящее время работает в одном из южных городов России председателем Трибунала.

доверить ему можно, Коган посвятил его в план побега. Часовой согласился уйти с ними, если его отправят в Лондон. Вопрос о побеге из мечты переходил в действительность. Надо было спешить. Наша почта заработала. Мы с А. Н. Я-ой целые дни шифровали, сообщались с корпусом и волей. (Корпус кроме нас не имел почтового сообщения с волей). На воле имелись люди, целиком посвятившие себя нуждам тюрьмы. Вскоре все было сделано—пилки доставлены, собраны деньги, найдены паспорта. Администрации тюрьмы и в голову не приходило, что пилки она собственноручно передала в 4-ю камеру—так ловко они были заделаны. Пользуясь тем что решетки окон при поверке тогда не простукивались и в дверной „глазок" надзирателю трудно было уследить, что делается в набитой людьми камере—решетку начали пилить заранее. К моменту побега осталась небольшая часть. Ждали только прихода своего часового. Утром 9-го марта (1906 года) пока мы были еще на прогулке—вывели корпусных и Миша Коган, забравшись на какую то кучу, крикнул нам весело: „мы сегодня будем есть пельмени". Это была условная фраза, которая означала—„сегодня бежим". Знали ее смысл только мы трое. Скрывая свое волнение от других, мы ждали ночи, а ночь не спали, прислушиваясь к каждому звуку на тюремном дворе. Близилось утро—все было тихо. Четвертая камера работала, рискуя погубить все дело—нужно было к последней смене своего часового подпилить остаток решетки. Старое железо скрипело и визжало, туго поддаваясь действию тонкой английской пилки. Пилки ломались одна за другой.

Осталось 15 минут, наконец решетка выпала. Обернув себя простынями, чтобы не выделяться на тюремной стене, сем человек спустились из окна, часовой едва успел переодеться, и только что все успели скрыться в сторону Мотовилихи, как пришла другая смена. Началась тревога, погоня, бросились совсем в другом направлении—и тут судьба была на стороне бежавших.

В камере в это время находились под струей холодного ветра, в жутком ожидании, под видом спящих оставшиеся несколько человек. На столе в остатках ужина и в рассыпанном местами порошке, лабораторным исследованием был найден морфий. Все было сделано умно и ловко. Тюремная администрация растерялась. Начальник не глупый и не злой в сущности человек, отдавал распоряжения одно другого нелепее. Ему за этот побег сильно влетело. Военная власть была не менее обезкуражена—ушел, помогая побегу солдат-часовой. Вся охранка была поставлена на ноги, а наша семерка, снабженная всем необходимым, благополучно выбыла из Перми. Военному суду, который был уже в Вятке, в Перми не кого было судить. Мы, оставшиеся в тюрьме торжествовали победу. Режим по отношению к нам переменился, наши вольности пропали, нас подтянули, тем не менее сообщаться мы ухитрились и даже продолжали издание тюремного рукописного журнала. В очередном № „Каземата“ был описан этот побег*) и помещено стихотворение В. В. Южакова, посвященное побегу.

Бежавшие рассеялись по районам Урала, снова взялить за работу. Весной 1907 года с Мишей Коганом мы вновь были соседями по камерам в Уфимской тюрьме. Нелегальность его запутала и ему снова пришлось думать о побеге. В течение 3½ месяцев он вел подкоп из своей камеры под тюремную стену. Ушли они вначале сентября 1907 года вместе с Ваней Харитоненко, учеником Харьковской гимназии, арестованным дорогой в Уфу с корзинкой бомб (по делу с.-р.). Ваня перед этим долго симулировал психоз, которому верили.

В конце 1907 года мне пришлось в Самаре отбывать приговор „по делу 54“. Среди заключенных там я встретила Володю Соловского (Якубова) одного из семи бежавших в марте. Он ждал суда по др. делу и, как Соловской, не распознанный—отправлен был на каторгу. Помню с ним мы устроили свидание в тюремной церкви, чтобы посмотреть друг на друга.

*) См. отд. III, песню—Побег.

С чувством глубокой признательности я должна отметить на темном фоне наших тюрем такое редкое тогда явление, как помощник начальника Пермской тюрьмы В. М. Ильин. Он делал для нас все, что мог сделать хорошего в положении администратора. Встретив меня в Самарской тюрьме, куда он был переведен, и просмотрев мои бумаги, он стал устраивать меня на новом месте. „Боялся — говорит — признать свое знакомство с Вами, пока не увидал, что фамилия та же". В тов. Соловском он безусловно узнал и припомнил Якубова, но не выдал. Таких администраторов было немного в это время.

Об остальных товарищах участниках этого побега пусть дополнят другие, кто знает их дальнейшую судьбу.

А. Семченко.

Из воспоминаний подполья.

Во второй половине 1906 г., я, под кличкой „хохол", руководил партийной работой, как заведующий Бюро Пермской Окружной Организации Р. С. Д. Р. П. Секретарем Бюро была здравствующая доныне в Перми З. А. Б.*) Бюро существовало при Пермском Городском Комитете партии, объединяло партийные ячейки (кружки), существовавшие на территории нынешней Пермской губернии вне города: в Бисере (одна из самых ранних и крепких ячеек), в Лысьве, Чусовой, Усолье, Пожве и Верещагине. (Мне удалось побывать тогда во всех перечисленных ячейках и в некоторых из них по несколько раз. Вот когда я получил первое реальное знакомство с Уральскими заводами, что пригодилось и теперь.

А мучительно трудно было работать порой! Я только что вышел из Пермской тюрьмы (тюрьма № 1, башня одиночная камера внизу, № 5), после первого полугодового сиденья за принадлежность к партии. Вышел в сапогах, покрывшихся от сырости зеленой плесенью, с кашлем, исхудалый, подорванный голодовкой (голодало 14 человек в знак протеста против избиения казаками заключенных политических женщин, на шестой день голодовки я потерял сознание) и окунулся в работу.

Травили со всех сторон, как собаку, „шпики" (агенты охранного отделения), а странствовать по губернии в ячейки приходилось в условиях, слишком далеких от нормальных – и пешком под дождем, и в грязи вагонов 4-го класса, и на паровозах. Но все казалось нипочем, работалось бодро и, порой, даже весело. Я сейчас помню, как машинист, везший меня на паравозе из Верещагина в Пермь (в Верещагине я проводил неле-

*) т. Будрина.

гальную массовку по левую сторону пути, за ложком), и, не зная, кто я (я назвался слесарем из депо Чусовая), изливал мне горячо свое чувство злобы против революционеров, говоря, что задушил бы своими собственными руками любого революционера, если бы встретился с ним где—нибудь один на один. Слушая его, я чуть не прыснул со смеху, представляя себе, какие бы он большие глаза сделал, узнав кого он везет так любезно.

Я помню, как собралась массовка в Бисерском заводе, в лесу на лужайке, как прибежал кто то и крикнул, что около массовки близко стражники, и как вихрем помчались мы все через лес. Помню, как однажды, пройдя пешком семь верст от Усть-Пожвы до Пожвенского завода во время дождя и сильного холодного ветра, не спав к тому же предыдущую ночь, я так закоченел, что, придя на явочную квартиру к рабочему Волкову, свалился как мертвый и меня отогревали, надев валенки, окутав тулупом и вливая в рот какую то зеленоватую жидкость. Волков говорил потом, что он сильно струхнул, боясь, что я умру или я сильно у него заболею. Ребята из этого же Пожвенского завода мне потом говорили, что о пребывании в заводе неизвестного революционера каким-то образом, пронюхал бывший владелец завода князь Львов и, скрежеща зубами, говорил: „жаль, что я во время не узнал о пребывании в моем заводе этого господина, а то бы я пригласил его к себе обедать!".

Сверкнул в памяти еще один маленький случай. Ехал я на пароходе в ту же самую Пожву и крепко заснул на палубе, подложив под голову полено. Проснулся и неприятно вздрогнул: рядом со мной сидел жандарм и собирался курить, закручивая „козью ножку". Он весело приветствовал мое пробуждение и любезно предложил закурить. Покурили, мило побеседовали. Оказалось, к счастью, что он не почувствовал, с кем говорит и мои опасения не оправдались.

Осенью 1906 года в Перми собралась конференция Окружной организации: десятка полтора людей из ячеек. Первое заседание состоялось по Сибирскому тракту влево, сейчас же за

кирпичными сараями. Для конспирации взяли с собой самовар и все, что обычно полагается для прогулки—пикника. Во время заседания вблизи вдруг сильно затявкала собака. Пошли туда и узрели двух конных стражников, которые влезли в лес на лошадях. Пришлось спешным порядком утекать, при чем бросили самовар и посуду.

Собрание сорвалось. Второе заседание устроили на следующий день за Камой (немного вверх, наискосок Перми I-й).

После обсуждения всех очередных вопросов (помню я делал доклад „Оценка политического момента)“ избрали от Окружной организации одного делегата—меня на областную конференцию партии, которая должна была состояться в Вятке. Поехал в Вятку вместе с двумя делегатами от Перми и Мотовилихи—с товарищем Артемом (известный всем Артем-Харьковец, впоследствии член Ц. К. партии, председатель Ц. К. Горнорабочих, погибший при крушении электро-поезда) и товарищем „Зеленым“ (рабочий Фролов из Мотовилихи). После явки на явочную квартиру (помню, вся квартира была заполнена чучелами всяких птиц и зверей; такова, видимо, была профессия хозяина квартиры), по одиночке пошли на квартиру, где должна была заседать конференция.

Лишь только я вышел, зиркая глазами взад и вперед и по сторонам, как заметил, что за мной тянутся „два субъекта“. Особое чутье подпольщика и наметавшийся глаз быстро установили, что это—„господа в гороховом пальто“, т. е. „шпики“, что имеется „слежка“. В довершение всего, пришлось констатировать, что один из них пермский шпик. Стало быть слежка пошла за нами с самого начала нашего путешествия. Дело дрянь! Пришлось применять все известные способы „заметания следов“, и все приемы нелегальщика, желающего „обставить шпиков“.

Через полчаса времени, обколесив пол города, удалось достичь успеха—шпики потеряли меня, после чего я со всеми предосторожностями приблизился к нужной мне конспиративной квартире, где заседала конференция.

В средине конференции городской комитет нашей партии заявил о поступлении сообщения от эсэров, что Вятской охранке известно о происходящей у социал-демократов конференции.

Было признано необходимым спешно конференцию закончить. Был избран Уральский областной комитет Р. С. Д. Р. П. из пяти человек: т. Семченко (большевик), т. Артем (большевик), т. „Леонид“ (большевик—т. Е. Преображенский, автор „Азбуки Коммунизма“; он на конференции не присутствовал—ездил, насколько помнится, в Казань за маузером и там, кажется, был арестован), т. Петров (большевик, в фамилии, быть может, ошибаюсь до сих пор также не знаю, был ли это Я. Свердлов—первый председатель ВЦИК), из Екатеринбурга „Евгений“ (меньшевик из Ижевского завода). Перед отъездом пришлось несколько преобразиться—у меня появились большие рыжие усы и приличная, того-же цвета окладистая борода. В Вятке в поезд сесть не решился, а пошел пешком до первой по направлению к Перми станции.

Дорогой пошел дождь, борода моя размокла и отвалилась,—пришел на станцию с одними усами.

Благополучно прибыл в Пермь.

М. Загуменных.

БЫЛЫЕ ДНИ.

Уже во время Японской войны начинают будоражиться умы учащихся. Я помню Пермскую духовную семинарию, из которой у нас на квартире жило несколько семинаристов с революционным настроением. Несмотря на то, что это были поповские отпрыски, у многих из них дух протеста заговорил значительно раньше, чем у учащихся других учебных заведений. Слишком духовно-казарменное преподавание душило молодые силы и они протестовали. Протесты были в виде забостовок, иногда и обструкций, кончавшихся прекращением учения, роспуском учащихся и исключением „зачинщиков". Мне приходилось со многими из них беседовать (я тогда училась в 7 классе гимназии), и, конечно, выражала полную солидарность с ними, тем более, что у самой недовольство от казенных преподавателей и преподаваний было через край. Кроме того самые противоречия в преподавании наталкивали на серьезное раздумье.

Многие из нас и так не особенно доверяли разным религиозным бредням. Стали критически относиться и к истории, много говорившей нам „хорошего" про наших монархов. Словом, некоторые из нас представляли весьма горючий материал. Пытались создать кружки. Помню делали сбор, кажется, в пользу политических заключенных или вообще на нужды „подпольки".

Жизнь в Добрянском заводе.

Настал 1905 год, весной кончила гиназию. Демонстрация учителей вызвала во мне большую бурю. Помню, как мы со своим отцом, часов в 11 ночи, ходили по городу, будучи уверены, что нас жандармерия не тронет. Как ему, так и мне страшно

хотелось знать: ну а что же дальше? Мы были просто обыватели, а переживания были и у нас. Помню обыск у жившего у нас на квартире семинариста Христолюбова—сам он успел скрыться. Наконец настала осень, и я еду учительствовать в завод Добрянку.

Там сразу вступила в кружек любителей драматического искусства. Занялись постановкой спектаклей в заводе. События тем временем назревали и вот, помню, заезжает однажды за мной инженер Ситников на репетицию и весь, как будто радостный, взлолнованный сообщает: „Свобода". Весь вечер, вместо репетиции, проговорили. Публика в том кружке была, конечно, не пролетарская, а заводская „демократия" тех времен; меня тянуло поговорить с людьми, которые были бы мне близки по духу. Из тринадцати учителей Добрянского завода таких было только нас двое: А. В. Заворохина, тоже учительница, где она теперь и кто, не знаю, и я. До нас с ней долетали вести, что Пермь кипит, бурлит—там можно было быть на собраниях, митингах, получить ответы на терзавшие нас вопросы. В заводе была организована демонстрация, превлекшая много публики. Все инженеры попрятались, один был политичней всех — Ситников, встретил идущую мимо его квартиры демонострацию с обнаженной головой.

Настало время посылать делегатов на учительский съезд. Послали нас. Сейчас уже мне не суметь передать тех чувств и переживаний; время изгладило их из памяти. В Перми буквально без ног носимся по всем собраниям, ловим каждое слово, сами хотим быть активными участниками происходящего и даже с гордостью видим, что на нас жандармы смотрят подозрительно. Помню здание Мешкова, оно, кажется, было резиденцией, главным образом, эсеров: там как-то все толкались, друг друга давили, буквально хотели влезть в рот каждого говорившего оратора; ну да и нам, провинционалам, было оказано мого внимания: каждый звал нас к себе на собрание.

Надо сказать, что эсеры больше били на эффект; в доме Мешкова выступал какой-то Шлиссельбуржец, освобожденный по случаю манифеста; на учительском съезде буквально выскочил „страшный“ Миклашевский,—даже не робких напугал. От социал-демократов выступал, кажется, Трапезников (боюсь быть неточной).

Учительство, в большинстве своем, было под влиянием эсеров. Я же со своей товаркой, будучи ранее настроены не по-эсеровски, не так поддались и поехали в завод несколько неудовлетворенными: от социал-демократов удалось получить немного. Литература у нас больше была, пожалуй, эсеровская. Приехали в Добрянку, забрали одну школу где-то около базарной площади и решили там устраивать каждое воскресенье чтения. Говорить мы еще не умели.

Были сделаны объявления о чтениях. Народу собралось на первый раз очень много; кто из нас читал, не помню. Читали, главным образом, самые популярнейшие брошюры, привезенные из Перми: о свободах, об избирательном праве и много других. Читали и „Хитрую механику“.

Слушателями были, кроме рабочих, и приезжие крестьяне, Больно, тяжело было выступать на этих собраниях с какой нибудь брошюркой, тогда как здесь нужно было слово толкового, знающего человека. Но все же, думаю, что эти чтения не прошли бесследно, они пробудили у многих интерес к происходившим событиям, заставили призадуматься.

Для нас они тоже не прошли бесследно: староверы и полиция готовы были живыми нас съесть, и я не знаю, как нас терпели кругом так долго. Уже расплывалась самая черная реакция Наши же чтения продолжались, кажется, вплоть до декабря.

В то же время мы, обе, преподавали в воскресной школе для взрослых, где исключительно были рабочие К своим преподаваниям грамоты мы решили прибавить еще и кой-какую агитацию. Указывая на „дарованные свободы“, говорили о том, что нужно быть осторожнее, что нужно организовываться, но и только.

Большего мы сказать ничего не могли, сами еще ничего не знали.

Революционно настроенны, рабочие, видя, что мы искренно хотим что-то делать, и что можем быть им иногда даже и полезны,— однажды предложили мне (а мою товарку почему-то исключили) войти членом их „ядра", как они тогда себя звали.

Я была несказанно обрадована таким предложением.

Вечером за мной зашел какой-то товарищ (ни одной фамилии не помню, может быть, кто-нибудь из них теперь и коммунистом стал, а если нет, то как-нибудь укажет фамилии принимавших тогда участие в этом кружке), повел меня далеко за реку. Там в маленькой комнате рабочего собрались и эс-эрствующие сочувствующие и социал-демократии (вполне определившихся не было). Говорили о наступавшей все более и более реакции, о том, что мы, все же, должны выразить свой протест. Сочувствующие социал-демократам решили устроить демонстрацию, а эс-эрствующие были против.

Все же демонстрация была устроена, хотя довольно жиденькая. Не надо забывать, - это был уже декабрь. Нас не трогали и даже обыска не делали, но гроза в воздухе уже нависала

Работа в Пермской организации

Приближались рождественские каникулы, я их ждала с нетерпением. Жить дальше нелегально, как мы жили, нельзя было а работа нашего кружка была слаба. Не было серьезных руководителей.

Все были готовы умереть в борьбе против самодержавия, но организовать планомерное, основательное выступление никто из нас не мог.

На рождество я уехала в Пермь. Через несколько дней после своего приезда из Добрянки я получила предупредительное письмо от своей коллеги. Возвращаться в Добрянку было нельзя, она писала, что на заборах расклеены воззвания против

нас с ней, в которых нам сулили голову оторвать. В конце концов, и эта учительница выехала из Добрянки.

Был у меня один рабочий от имени моих товарищей по кружку, звал обратно в Добрянку, обещал, что там они меня будут охранять, в обиду не дадут.

Но я знала, что поеду туда только за арестом, а потому решила остаться в Перми и поучиться здесь кой-чему. Вскоре в Добрянке произведено было несколько арестов.

Вскоре, на службе в конторе Зингер и К⁰ я встретила В. Н. Соколову, через которую уже основательно связалась с организацией. Меня сначала, как новичка, использовали для адреса, по которому получалась нелегальная литература, потом мою квартиру (по Покровской, д. Бахарева, во дворе, в верху) использовали для явки и собраний. Сама же я, когда наступило лето, уже стала посещать все летучки, массовки, происходящие в лесу.

Город был разделен на районы и подрайоны Заимский и город. В свою очередь в подрайонах велась работа среди портных, часовщиков, приказчиков, живописцев. Более выделявшимися среди портных были: Костя, Таня, Тоня Фаленкова, (сидела потом со мной в Губернской тюрьме): из часовщиков: „Семен Черный“ и Соня Пекерман; из приказчиков: Сидельников, служащий книжного магазина Ольги Петровской (жил на верху, где теперь помещается Губком, там часто происходили собрания нашего Пермского к-та); из живописцев т. Смородин, работавший под кличкой „Богомаз“.

Среди активных работников помню тогда выделялся „Фома“ (впоследствии был заподозрен в провокации, связь с ним держала упоминаемая выше Соня Пекерман, и на нее легла тень). „Фома“, надо сказать, был удивительно не симпатичный, отталкивающий тип, и даже на меня, совершенно еще зеленого члена партии, производил пакостное впечатление В средине или в конце лета 1906 года, когда этот «Фома» был членом Пермского комитета, держал связь с тюрьмой, был посвящен в самые

откровеннейшие тайны подпольной работы. Некоторые члены Пермского комитета, вероятно, получили о нем компрометирующие сведения (от куда они были получены, я сейчас не знаю; об этом может-быть поделится в своих воспоминаниях Ольга Ивановна Двинянинова—теперь Патлых, или Бина—теперь Лобова - обе тогда были членами комитета). Комитет определенного приговора ему не вынес, но устранил его от работы.

Некоторых из членов Пермского к-та, работавшего конец лета 1906 года, я помню: Ник. Павлов. Патлых (был б-к но, просидев несколько лет в башне Пермской губтюрьмы, стал меньшевиком), Ольга Ивановна Двинянинова, Бина, Трефилов м-к. по кличке «Семен рыжий» (во времена Колчака он был членом управы, возглавляемой эсером Ширяевым и участвовал в подношении адреса своему Верховному Правителю).

Под осень 1906 года я уже была исключительно в распоряжении секретаря комитета Ольги Двинянинoвой и исполняла ее поручения.

В это же время случился провал комитета.

Не знаю, был-ли кто арестован, но Двинянинова скрывалась некоторое время у меня, Бина сбежала со своей квартиры (помню я ходила к ней на квартиру, как разведчик, выяснить,— есть ли там засада).

Когда тревога немного улеглась, комитет опять начал свою работу. При новом комитете появился ряд новых лиц: Клаша Кирсанова, которая тоже исполняла различные поручения комитета, главным образом, в связи с работой по военной организации. В то время военным организатором был Патлых Н. П., но фактически все связи с военной организацией были у Клаши. «Анатолий»,—Василий Денисов (б-к) работал как пропагандист, «Арсений»,—Михайлов и «Артем».

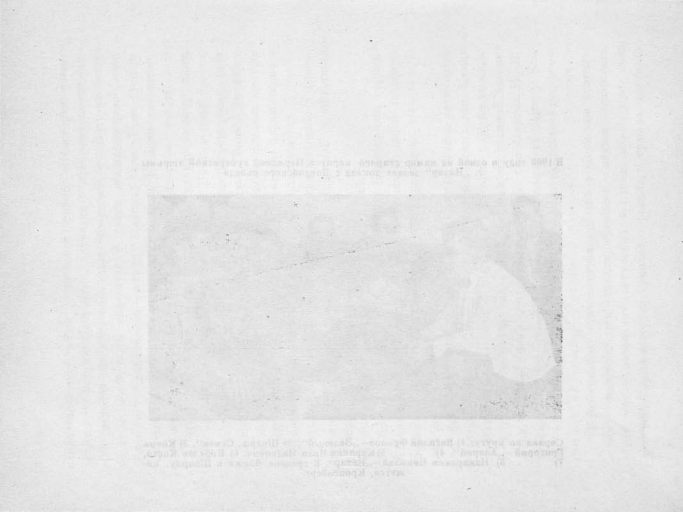
Надо сказать, что местная публика в Пермском комитете видимо поистрепалась, поизнервничалась, начала ослабевать. Меня уже с маленьких поручений в начале зимы 1906 года назначили организатором Заимского района. Страшно мне было.

В 1908 году в одной из камер старого корпуса Пермской губернской тюрьмы т. „Назар“ делает доклад с Лондонского съезда.

Справа по кругу: 1) Василий Фролов—„Зеленый“, 2) Шварц „Семен“, 3) Котов Григорий—„Азарий“, 4) . . . . 5) Карякин Иван Иванович. 6) Кобелев Костя, 7) . . . . 8) Накаряков Николай—„Назар“. В средине ближе к Шварцу, кажется, Кроненберг.

В 1908 году в одной из камер старого корпуса Пермской губернской тюрьмы т. „Назар" делает доклад с Лондонского съезда.

Справа по кругу: 1) Василий Ермолов — „Великий", 2) Шварц „Семен", 3) Котов Григорий — „Андрей", 4) [illegible] 5) Кирпичев Иван Иванович, 6) Ильичев Костя, 7) [illegible] 8) Наумов Николай — „Назар". В середине Борька и Шварцу, [illegible] Кронсберг.

уверенности в своих знаниях у меня было мало, а работу Заимского района я считала важной, ибо, по моему мнению, она еще была не тронута, ей уделялось мало внимания, так же как и военной организации.

В то же время я ходила в кружок пропагандистов, где нам читались лекции и велась практическая работа. Нам приходилось выступать в кружках рабочих. Я выступала несколько раз на Заимке, не помню, кажется, говорила об Эрфуртской программе.

На Заимке еще не было так много фабрик, как теперь. Главная работа велась среди рабочих винного завода.

Нести обязанности организатора мне пришлось недолго; Комитетом мне было поручено быть секретарем. Членами к-та приблизительно в ноябре 1906 года были: «Артем», «Потапыч»,—Василий Иванович Петухов (б-к, теперь в Омске), «Зеленый»—Василий Фролов, «Анатолий». Не помню, был ли Шпагин членом комитета.

Предвыборная кампания во II-ую Государственную Думу.

Приближалось время выборов во II-ую Государственную Думу. Средства на предвыборную кампанию нам были высланы из Екатеринбурга, который в то время располагал довольно крупными суммами. В частности на предвыборную кампанию деньги были получены от «ЭКСА», сделанного где-то недалеко от Екатеринбурга. Кроме того, работавшие в Екатеринбурге, умели выдаивать у либеральничающей буржуазии крупные куши на нужды организации. Если не ошибаюсь, много давал средств некий Конюхов, и, особенно умелый «министр финансов», как его звали, «Ицка» Шварц—или «Семен черный», (но не тот, что был у часовщиков в Перми).

Итак наша Пермская организация на предвыборную кампанию получила, кажется, две тысячи рублей—по тем временам громадная сумма. Деньги были, но сил мало было. Решено было поэтому, по инициативе т. Артем, съездить за работника-

ми. Поехал он сам и через некоторое время вернулся. Привез из Москвы и Харькова товарищей: „Игната" (работал раньше на юге под кличкой „Дымка", интеллигент, но очень хороший, развитый товарищ—пропагандист; работал здесь, как профессионал), брата „Игната"—Ивана. Человек, по моему, никудышный как работник; прежде всего был до невозможности ленив, и я считала, что ему не след быть профессионалом, так как он решительно не выполнял возложенных на него обязанностей комитетом, а только пользовался средствами организации; он был военным организатором, но фактически всю работу выполняла К. Кирсанова. Не забуду и не прощу никогда того, как однажды встретила его с женой; идут и грызут грецкие орехи в то время, как были такие аскеты-профессионалы, которые, экономя средства, зная, как безумно трудно добывать их, лишнего фунта хлеба себе не покупали. Может быть, мелочь эти грецкие орехи, но Иван их не стоил, „Сашу"—рабочего из Харькова (работник не из высоко-квалифицированных, но очень дельный товарищ).

Работники прибыли, средства имелись, кампанию предполагалось развернуть широко, а потому необходима была литература, решили устроить книжный склад. „Игнат" поехал в Москву, привез литературу, привез товарища „Марию Игнатьевну" (свою жену), которая взялась организовать книжное дело.

Весь книжный склад целиком был помещен в Смышляевской библиотеке. Библиотекой заведывала Зоя Александровна Будрина. В то время она была меньшевичкой но принесла подпольной работе колоссальнейшую пользу. Риск был большой—иметь у себя не только склад нелегальной литературы, а еще и распределительный пункт в губернском масштабе. Кроме этого, библиотекой пользовались иногда и для каких-нибудь чрезвычайных собраний. Особенно такое дело было рискованно потому, что и Пермская, и Мотовилихинская, и Смышляевская библиотеки в глазах охранки были рассадником крамолы. В Мотовилихе библиотекарша Елизавета Семеновна Петухова, жена члена к-та

„Потапыча", тоже принимала участие в нелегальной работе. Наш книжный склад начал работать вовсю.

В уезды покатилась литература, поехали товарищи, распространялись и местные издания листовки. О типографии конца 1906 года я подробностей не помню, знаю, что она работала.

Агитационная работа, помимо распространения литературы, развернулась во всю ширь. Велась агитация узко кружковая, устраивались и широкие собрания; митинги летучки, где говорилось, кого нужно выбирать в думу. Широко распространялась наша платформа.

Помню, по ночам мы, переодевшись и нагрузившись, ходили по улицам и в каждый дом старались подбросить „нашу платформу", за кого голосовать и проч.

Типографский станок не успевал работать,—все гектографы были в ходу; из Екатеринбурга и Челябинска, словом с Урала получались вести, что там тоже бешеным темпом идет работа.

Помню и приведу следующий случай,—теперь он мне кажется смешным. После лихорадочной работы за день (я ведь еще служила конторщицей у Зингера и К°); захотелось мне отдохнуть и побеседовать кой-о-чем с товарищем „Игнатом" и „Марией Игнатьевной". Кстати, жили они от меня недалеко. Я пошла к ним поздно, уже после ряда собраний. Наговорившись вдоволь, легла спать. Часа в два ночи стук... Для всякого партработника стук ночью являлся большой тревогой а для „Игната", как нелегального, особенно. Но тревога была напрасна. Пришол т. „Анатолий" и, горячась, говорит, что кто-то не исполнил срочных работ на гектографе. Листы же эти завтра утром должны быть в ходу. „Игнату" не хотелось итти печатать „Марии Игнатьевне"—тоже. Я считала недопустимым, оставить работу не исполненной,—пошла.

У „Анатолия" был и гектограф с собой и весь материал. Вопрос был в том, где печатать. Кто нас пустит в два часа ночи? „Анатолий" вспомнил, дома у него была топлена баня, все в ней уже вымылись. Но итти и работать там было опасно,

так как его квартира была провалена (т. е. за ни і была слежка). Рискуя многим, пошли в баню. Его родные спали, не подозревая, что их Вася бедокурит . . . На наше счастье лампа была оставлена в бане. Принялись за работу, было немножко жарко, но, ничего, к утру, к восьми часам все было готово. Мы уже оба с ним не спали ночь, вымазанные гектографской краской, были весьма интересны. Он мог итти домой спать, а я должна была итти в свою американскую контору, где каждый служащий занимал место по звонку.

Придя в контору я, несколько раз умывалась, но толку было мало. Глаза мои буквально слипались, ручка валилась из рук. На грех мне нужно было принимать новую должность. Некий г. Гоппе попросил меня занять место около его стола и стал рассказывать мне обо всяких платежах за машины в рассрочку, а я должна была записывать . . . Но едва я только опускала ручку на бумагу, как моментально на меня налетал сон и вместо цифр я начинала выводить какие то иероглифы испортила так несколько карточек и была неисправима. Наконец г. Гоппе решил, что я чувствую себя плохо и предложил мне уйти домой, что я не замедлила исполнить. Без смеха не могу вспомнить теперь этого дня.

Работа кипела по всему Уралу, в частности и у нас, в Перми . . . Наша партия стала как бы полулегальной. Победа была блестящая. В Екатеринбурге в числе одиннадцати человек прошли все социал-демократы, в Челябинске, если не целиком, то большая половина социал-демократов. Дело дошло до того, что Челябинский комитет по телеграфу, значит вполне легально, поздравлял екатеринбуржцев с победой. Правда, в екатеринбургском списке потом из одинадцати социал-демократов власти съумели многих „разъяснить" и отвести. Но для нас была важна агитационная кампания, и она была проведена. Пермская губерния провела во II-ю думу трех социал-демократов: Шпагина, Чащина и Петрова из Надеждинского завода.

Канун выборов.

Приближался губернский съезд выборщиков, который должен был произойти у нас в Перми. В Думу от ж.-д. мастерских у нас был назначен Шпагин. Боясь, чтобы его не арестовали, мы его за пятнадцать дней до выборов спрятали. Он уехал.

Для усиления нашей подпольной работы был командирован сюда еще тов. Лядов — автор истории русской социал-демократии. Приехали из Екатеринбурга „Назар" (видный областный работник был большевиком, но после эмигрантской жизни в Америке, говорят, не коммунист). „Романыч"—тоже из Екатеринбурга и ряд других. Были еще товарищи, обслуживающие специально уезды. Из них помню тоже приехавшего сюда из Юзовки Роберта Пашке (м-к) и Ник Ив. Аникина, по неосторожности которого и случился провал некоторых членов нашей организации Он был так не конспиративен, взял ряд адресов и записал, а потом попался в засаду у эсеров (уг. Екатерининской и Осинской, у Марии Михайловны Егоровой). Вся эта публика, не взирая на то, что у нас существовала „явочная" квартира, где я, как секретарь комитета имела свидания, давала нужные разъяснения, указывала, где взять какую литературу, кому пойти, на какую квартиру и пр и пр., стекалась все-таки не на явку, а непосредственно ко мне на квартиру. Меня знали, как „Маню", и из Ц. К., и с Урала приезжие так меня и спрашивали. Кстати, т. Артем жил тогда тоже у меня. Поэтому всем хотелось сойтись на „штаб квартире".

26 января, старого стиля, я была именинница, но пропустить день, не видеть друг друга работа не позволяла. А у меня на именинах можно было встретить кого-нибудь из тетушек и дядюшек. Чтобы законспирировать нашу встречу, публика решила немного приодеться по праздничному, а тов. Лядов совсем был галантен. Он мне подарил коробку шоколада.

Но увы . . . шоколад мы распечатали уже в тюрьме, есть его было нельзя, в нем завелись черви.

27 января—канун выборов.

Возвращаясь со службы и попутно с „явки" домой, я в ужасе увидала у своих ворот шпика. „На явке" была некоторая тревога—не было на ней двух товарищей, которые должны были быть, это—„Анатолий" и „Арсений". Вхожу в свою квартиру и сразу выругалась. Полна коморка, в которой жил „Артем". Тут были все: „Артем", „Игнат", „Назар", "Романыч", Лядов, Иван, „Зеленый" и др. Конечно все—с самыми нелегальными вещами.

Предупредила, что нас видимо всех сейчас накроют. Экстренное совещание выяснило, что шпика привел Иван Ему было предписано уйти и увести шпика. Подчинился. Мой отец пошел на разведку, шпика уже и след простыл. Всетаки мы решили, что с сегодняшнего вечера мы в опасности. Публика потихоньку с квартиры вся разбежалась,—решили почиститься, а особенно это нужно было сделать мне. От ворот, по двору, до моего дома, было сажен около тридцати и все это растояние, по обе стороны тропинки, было буквально утыкано в сугробах снега разной избирательной литературой, протоколами и пр. Со своими родными и Артемом я уговорилась на счет сигнала, который должен быть вывешен, если вечером будет обыск. Сигнал был—красная штора.

Вечером было назначено расширенное заседание комитета на Вознесенской улице, в квартире каких-то телеграфистов, против Александровской больницы.

Меня беспокоила мысль, где Анатолий и Арсений. Разведчики были под рукой—мои младшие братья, Александр, которому было тогда семнадцать лет, и Борис на четырнадцатом году; они исполняли всевозможные поручения аккуратно и беспрекословно. Борис летит к „Анатолию", попадает в засаду, но будучи изворотливым малым, обдувает полисменов. Несется вихрем домой, предупреждая меня об аресте „Анатолия". Але-

А. Шпагин (член соц.-дем. фракции 2-й Государственной Думы).

ксандра послала тоже в разведку подобного рода, не помню куда,—и тоже невеселые были вести.

Часам к восьми вечера я объехала на извозчике несколько квартир, будучи сама нагружена паспортными бланками, всевозможным материалом к собранию комитета, с печатью, с бланками на папиросной бумаге для удостоверения. Везде было не весело.

На квартире „Арсения", угол Б.-Ямской и Красноуфимской, я налетела на засаду. Вбежала—вижу два полисмена встают мне на встречу. Сестры „Арсения" волнуются, я же беспечно спрашиваю соседний дом. Сестры кричат: „не здесь, не здесь"! Опрометью вылетела на извозчика и прямо на собрание комитета, где уже меня перестали и ждать, решив, что я арестована.

Собрание было занято, исключительно, вопросом, как проводить завтрешний съезд. С одной стороны завтра мы уже окончательно должны были подвести итоги нашей колоссальной работы, а с другой—знали, что сегодняшней ночью добрую половину из нас выловят и запечатают в тюрьму.

По окончании собрания протоколы и паспорта я передала кому-то из товарищей, при мне осталась только записная книжи в шапке были заделаны комитетские удостоверения.

Расходились мы немного взволнованные. Товарищи на этот раз почему-то беспокоились за меня и решили, что меня надо проводить. Раньше таких забот я не замечала. Провожать меня пошел т. Лядов, а „Романыч" развесело нам заявил, что он сейчас пойдет к „тете Лизе" (это была у нас „партийная тетушка", социал-демокнатка—меньшевичка), попьет там кофе и славно выспится...

За квартал от своей квартиры (мы уже жили не на Покровской, как я указывала выше, а на Екатерининской, 137) я заметила стоящего посреди дороги извозчика. Предупредила Лядова и просила его убрать ноги, пока он цел, предполагая, что у меня обыск. Он быстро ушел, я же пошла мимо дома... вижу

сигнал. Желая проверить, вошла во двор, подошла к самым окнам и через просветы от мороза заметила красные уши и не менее красные петли полисмена. Дело было ясно,—засада. Я тихо удалилась. Все же полисмены, говорят братья, шорох слышали и хотели гнаться. Но братья усиленно занимали их игрой в карты разными разговорами, и съумели отговорить их и убедить, что никого нет.

Выбравшись на улицу, я стала размышлять куда итти. Остановиться могла на единственном адресе „тети Лизы“, куда только что пошел „Романыч“ пить кофе.

Было очень поздно, но у ней кругом освещение и окна во двор не занавешены, все комнаты видны. Я постучала условленным образом: на стук, слышу, идет кто-то медленно... С быстротой молнии распахнулась дверь, и я попала в крепкие объятия двух полисменов, с возгласами:

— А ты уж не уйдешь! Сейчас один ушел—тебя не выпустим!

Я поняла, что „Романыч“ чуть-чуть не напился кофе.

Под страшной охраной, до личного обыска, я сидела на кухне, но все же в это время съела все секретные бумажки и при личном обыске у меня ничего не обнаружили. На квартире же моей нашли несколько обрывков-черновиков, протоколов, по которым мне потом предъявили 126 статью.

Переночевав ночь у „тети Лизы“ и ночь в участке, была препровождена в губернскую тюрьму.

Вновь к работе.

Просидев в тюрьме три с лишним месяца, я была освобождена на поруки отца. Освободили меня в средине мая 1907 г. Заседания второй думы были в разгаре. Перед самым моим освобождением, сидевшая в тюрьме, как техничка, Шура Костарева (теперь Колеватова) просила меня принять самые решительные меры к ее освобождению. Меры эти должны были выразиться вот в чем: как раз приехала сюда Казанская судебная палата.

за которой Шура Костарева числилась. Мне нужно было с председателем договориться — освободят или нет Шуру до суда под залог, или на поруки. Если нет, то она заявила, что будет голодать. Зная ее, как очень твердого, настойчивого человека, я поняла, что надо действительно принимать решительные меры, не то голодовка—это ужасное явление в тюрьме—отразится безусловно на всех. Говорить же об освобождении Костаревой было очень трудно, ибо человек взят „в технике“ с поличным, что называется...

Все таки я пошла к председателю Казанской судебной палаты. Стоянка его, я помню, была в номерах, угол Вознесенской и Сибирской. Меня он принял (был, кажется, Граверт), но после нескольких презрительных взглядов, лаконически ответил, что ни в коем случае не освободит. Побывав еще кой-где и получив везде отказ, я сообщила результаты Костаревой.

Она тотчас же объявила голодовку. Перевели ее в отдельную камеру—одиночку. Голодовала уже чуть ли не 6 дней. Я ежедневно ходила к тюрьме справляться, как дела там, в свою очередь сообщала, что творится на воле.

В конце концов настал решительный момент,—голодающая ослабела и тюрьма (первая женщина) решила устроить обструкцию, требуя освобождения Костаревой: она стала совсем слаба.

Однажды иду к тюрьме и еще за три квартала (от Вознесенской церкви) вижу, что у тюрьмы останавливается народ. Подхожу ближе, в окно кричит Клаша Кирсанова.

— Шурка умирает, действуй энергично, мы больше не можем быть спокойны.

Я крикнула:

— Если сегодня не освободят, иду на телеграф и дам телеграмму т. Шпагину в Думу.

А тюрьма стонала: били стекла оконные, били бутылки, колотили в двери, пели революционные песни.

Тюремная опричина была взволнована. Слишком громко по городу разнесся скандал, публика стекалась к стенам тюрьмы. Вызваны были конные стражники и ингуши.

В тюрьму ввели солдат. Мне, еще не освободившейся от тюремных впечатлений, было больше чем тяжело на воле... мне хотелось к ним туда...

Положение заключенных становилось серьезным...

Вдруг выходит из конторы тюрьмы начальник Гумберт с инспектором Блохиным, с ним полицмейстер или губернатор, не помню, направляются ко мне (со мной была и мать Костаревой) и заявляют:

— Успокойтесь и постарайтесь успокоить публику, мы ей умереть не дадим, около нее доктор.

При таких переговорах я почувствовала, что администрация тюрьмы и прокуратура начинают сдаваться, следовательно, с нашей стороны нужен еще нажим и Костарева будет освобождена. Тюремщикам я ответила:

— Оставлять умирающую в тюрьме мы не можем, если ее не освободят немедленно, мы будем действовать через наших депутатов в Думе.

Пошла на телеграф и подала телеграмму на имя Шпагина во II-ую государственную думу. Не знаю, была ли она передана по телеграфу, но на тюремщиков повлияла благотворно. Они решили нас обмануть и освободили Костареву под домашний арест.

Она, конечно, не сплошала, едва только смогла двигать ногами — скрылась. Ее потом приходили арестовать, но... вышло, что не тюремщики нас обманули, а мы их.

В марте или апреле еще ранее, чем я вышла на волю, был большой разгром нашей организации: сел весь партийный комитет, выбранные на Лондонский съезд товарищи и член Ц. К. Леон Гольдман (м. к.). Из членов Пермского комитета помню: секретарь его, Ольга Ивановна Двинянинова, Патлых, Н. П. (он, ка-

жется, не был членом партийного комитета); члены съезда: „Артем“—Сергеев, „Азарий“—Котов и еще кто-то, не помню.

Здесь интересно отметить следующее: Уральские партийные организации проявили себя в предвыборную кампанию во II-ю государственную думу, но не ударили лицом в грязь и при выборах на партийный съезд—весь Урал (не помню цифры членов) дал, за незначительным исключением, большевиков.

Даже Челябинская организация, будучи в то время чистокровно-меньшевистской, послала большевика.

Ц. К., преобладающе меньшевистский, забил тревогу и послал контроль на Урал.

При выборах в II-ую думу наши списки „разъясняло“ царское правительство, а при выборах на партийный съезд наших делегатов постарались „разъяснить“ меньшевики. Но... увы—эта попытка им стоила дорого.

Благодаря провакации прислуги Двиняниновой, расширенное заселание комитета, чуть не в целом, было арестовано. Арестовать во время заседания жандармы не решились, а брали выходивших по одному, по два. Часть товарищей, как например: „Потапыч“—Петухов, „Зеленый“—Фролов сумели проскользнуть и их не задержали.

Задержанные потом все встретились в участке, долго отказывались от знакомства друг с другом, но им все же не верили. Так например: „Акима“—Гольдмана попросили показать руку (не помню которую) и сказали, что на этой руке у него имеется шрам (это правильно), что он член Ц. К., и участник предыдущего партийного съезда.

Словом, так или иначе, а пришлось всем переселиться в тюрьму и сидеть там два года до суда, после которого почти все ушли на поселение, а Гольдман получил каторгу.

К моему выходу организация едва начинала оживать. Связаться с товарищами мне было довольно трудно, так как местные (пермяки, а не Мотовилиха) страшно всего боялись. Их боязнь меня первое время даже раздражала.

Помню узнал Артем, что я еще прочно с организацией не связалась, и писал мне из тюрьмы: „бросьте пермяков и свяжитесь с Мотовилихой, особенно с Зеленым и Потапычем“.

Помню было собрание на Заимке, где-то за Пермью II-й. Кажется, делал доклад со съезда т. „Зеленый“, а особенным оппонентом, терпевшим порядочное поражение, выступал в то время лидер м-ков Павел Абрамович. „Зеленого“ поддерживали приехавшие сюда два профессионала т. „Серафим“ (фамилию его сейчас не знаю) и т. „Алексей“ — Иван Мякишев (сейчас работает, кажется, в Нижнем, коммунист.). Тов. „Серафим“ не скажу, чтобы был вполне определенный синдикалист, но, во всяком случае, уклон в эту сторону был очень большой и его тенденции усиленно стали влиять на местных работников, „Алексей“ тоже находился под его влиянием.

Мне хочется здесь сказать об этих двух товарищах, а особенно об „Алексее“, несколько слов. В начале своих воспоминаний я говорила, насколько недобросовестно к средствам организации относился профессионал „Иван“, а об „Алексее“ приходится сказать противоположное. Он, учитывая, что у организации средств почти нет, жил вместе с „Серафимом“ в маленькой каморке, где-то не то по Покровской, не то по Торговой улице, около Шадринского или Екатеринбургского проулка. Питались, видимо, из пятого в десятое. „Серафим“ все же кормился в Мотовилихе у Петухова. Таких работников, которые добросовестно относились и к средствам организации, я очень ценила и уважала, Однажды моя мать сделала мясные пирожки (а в семье из пяти человек, где отец получал 22 р. 50 коп., в месяц—пирожки роскошь), и мы все нашей семьей решили половину отнести „Алексею“ и „Серафиму“. Те, нам конечно, были благодарны. „Алексей“ часто потом захаживал к нам и подолгу беседовал с моим дедом, которого еще т. Артем звал марксистом

„Серафим“ больше вел работу в Мотовилихе, а „Алексей“ в городе; не малое внимание уделял и военной организации, где в то время связь держали, распространяли литературу и проч.

три гимназистки гимназии Барбатенко: Юлия Чебыкина (теперь жена т. Сорокина, работавшего здесь до 1921 года), Тася Щекотова и Маруся Калугина. При „Алексее“ работа среди солдат пошла довольно хорошо, как раз была удобная пора—лето. Происходили собрания в лесу за Егошихой, распространялась литература.

Были свои часовые, охраняющие тюрьму.

Разгон 2-й думы.

3-го июня 1907 года были получены вести, что вся фракция социал-демократов обвиняется в противо-правительственных действиях, большая часть ее арестована, дума распущена. В связи с этим мы тоже ожидали кой-каких гонений, так как наши депутаты: Чащин, Петров были арестованы, а Шпагин успел скрыться. За Камой было устроено несколько собраний, посвященных разгону думы. Арестов у нас не последовало.

Вскоре был объявлен избирательный закон в III-ю государственную думу, значительно видоизмененный в сравнении с избирательным законом II-ой думы Правительство очевидно считало, что избирательный закон II-ой думы слишком широко открыл двери для рабочих, а потому теперь решило быть строже.

По поводу вновь сфабрикованного закона у нас был созван ряд совещаний, была городская конференция, наметилось два течения: 1) бойкотистское и 2) необходимое участие в выборах. К бойкотистам относились почти все большевики местных организаций, а ко второму—меньшевики.

Была созвана областная конференция, на которую Пермь и Мотовилиха послала бойкотиста, кажется, Назара Накорякова. Но он был дисциплинированный член партии и приехал с конференции, вполне подчинившись большинству--думу не бойкотировать. Мы определенно говорили, что новый избирательный закон нам решительно не дает возможности развернуть широко кампанию, как в II думу.

Силы были разбиты, замечался большой индифферентизм; словом, это избирательная кампания, кроме ловушки, для нас ничем

не могла служить—пойдет лишний десяток или даже больше; на каторгу и только. Никакой агитации развить нельзя было

М-ки же слишком были поглощены идеей парламентаризма, как везде и всегда умеющие приспособляться, они и тут думали пристроиться. Из меньшевиков тогда горячими поборниками участия в выборах были: „Никита“ – нижегородец (судился под фамилией Отавина, но кажется и эта фамилия у него была не своя. Где теперь не знаю) и „Нос“—Деменчук. Помню безумно горячие споры, доходившие до личных оскорблений и проч., которые у нас происходили на закамских собраниях, против Мотовилихи.

Интересно немного комментировать собрание за камой. Ехать приходилось туда на лодках, или на перевозе. За Камой мы жителям уже примелькались; роль же моя была, порой, больше чем некрасива. Женщин на этих, якобы, пикниках почти не было. В то время работала только одна Сима Михайлова—теперь живет где-то в Австрии (секретарь городского района)—и я. Всегда среди мужчин я, вероятно, слыла там за особу легкого поведения, конечно, только у тех, кто в наши пикники верил. Большинство считали наши поездки за Каму подозрительными, и ко мне относились, как к самой обыкновенной женщине. Я же старалась—ради конспирации - своих спутников менять: пусть лучше меня считают особой легкого поведения, чем революционеркой.

Разгон думы, новый избирательный закон и вообще партийная работа очень интересовали и товарищей, сидящих в тюрьме. Мне, кроме работы в организации, приходилось еще ходить на свидания к заключенным: „Зеленому“ – Фролову и „Анатолию—Денисову. На свиданиях, при самых невозможных условиях, где жандармы и несколько надзирателей тюремных смотрят тебе в рот, удавалось всеже целиком сообщать иногда содержание целых листовок, платформ.

После состоявшейся областной конференции (где была не помню) нам пришлось начинать избирательную кампанию. Дело

клеилось плохо. Работа шла вяло. У меня даже как-то не вспоминаются детали этой кампании. Словом, к ноябрю мы должны были провести выборы.

Вновь секретарем партийного комитета.

Вскоре по выходе на волю я опять была привлечена к работе, как секретарь. В это же время я уже служила в обществе потребителей ж.-д-ов. Чрезвычайно удобное было место для явок. Туда, в склад, всегда валом валило всякого народу. Товарищи, конечно, пользовались случаем и приплетались ко мне по разным делам. По квартирам «шоркаться» было крайне опасно, ибо все мы были „замазаны", т. е. за всеми была слежка. Если и устраивались явки, то где-нибудь в саду или на кладбище у женского монастыря. Все же „шпики" ходили по пятам. Ко мне было приставлено три штуки, к „Арсению"—Зайкову (потом был осужден на поселение и жил в Иркутской губернии на ст. Тулун) тоже трое. Когда мы с ним шли вдвоем, за нами сзади шло шесть.... При таких обстоятельствах ни на какую квартиру не пойдешь. «Арсений» меня выручал. Он был на целый аршин, или поларшина, выше меня, ходил в серой заметной кэпи. Увидав за собой шесть фигур, мы (не раз так делали) шли на какой-нибудь базар, больше „на барахолку". В толпе шпики могли видеть только голову „Арсения" и шли за ней, а я в то время утекала в противоположную сторону, обделав необходимые дела, возвращалась домой, и.. о ужас.... шпики с растерянным видом метались по моему кварталу.

В это самое время мне же приходилось держать связь и с техникой. В технике сидела в то время тов. Боталова из Екатеринбурга, и ее муж (фамилии его не помню), оба потом были в Сибири и оба там умерли. Работа у них не клеилась, немного халатничали. Приехал другой техник (тоже фамилию не знаю), был в Казани, или в Вятке, в технике вместе с Симой Михайловой, но и его за большую неконспиративность при-

шлось удалить. Словом, техника была больное место—нет хороших техников, нет достаточного количества шрифта.

При всей этой скверной обстановке, под влиянием нервного потрясения (боязнь, что меня опять возьмут), скоропостижно умер мой отец. Все время, пока я во время его болезни (один день) бегала по докторам, а потом в похоронное бюро и проч., за мной неотступно следовали шпики. И только потом один из них при встрече, когда я ему в лицо сказала:

— Прочь, сволочь, не ходи за мной, я тебя знаю—сказал, что начальник охранки разрешил им не следить за мной, когда отца несли на кладбище, а остальное время с глаз не велел спускать.

Многим товарищам нужно было уезжать—иначе мы все были на виду. Уехал Арсений Зайков в Уфу. Я же пока осталась потому только, что у меня семья оставалась абсолютно без средств. Работу бросать не думала, но только постаралась обставить ее еще конспиративней.

В это время наша область—Екатеринбург—имела при комитете секретариат, состоящий в большинстве случаев из молодых девиц, которые с конспирацией были мало знакомы. Так, например, адреса городов, или совсем не зашифрованные, или плохо зашифрованные, заносились в один список с паролями и проч.

Стоило сесть какой-нибудь девице, как за ней следовал ряд арестов—попадались подобные списки и тогда всем не здоровилось. Помню, в Екатеринбурге провалы были так ужасны, что даже жандармы возмущались неконсперативности молодых секретарей. В бытность мою секретарем, из Екатеринбурга приезжал товарищ «Червонный» (фамилию его знала, но забыла), по вопросу об избирательной кампании; кажется, в августе у нас была назначена конференция, после которой по возвращении в Екатеринбург он был арестован. Вот в какой обстановке приходилось работать летом 1907 года.

Постановка техники.

Я упоминала, что техника наша была слаба и работниками, и обстановкой.

Все свое внимание наш комитет направил на ее оборудо вание. Первое—необходимо было дать туда техника. Таковым был посажен рабочий Воткинского завода «Гриша»—Андрей Худанин (впоследствии за технику был сослан на поселение, теперь же благополучно здравствует в Воткинске*), как самый заурядный обыватель. И техничку дал Екатеринбург—Катю Комарову—девушку 16 лет (она где-то теперь на юге). Теперь дело было за квартирой, шрифтом, квартирной обстановкой и проч. Словом, нужны были деньги и деньги, а их у нас не было.

В этот трудный момент я встретилась с пермским реалистом—кунгуряком, Костей Кобелевым, который просил меня добыть ему хотя немного оружия. Меня заинтересовало: для чего ему оно? Выяснилось, что их небольшая группа: Костя Кобелев (соц.-демократ, б к), Петя Малинин, Наколай и Владимир Зыковы имеют определенные тяготения к «эксам» для нужд организации. Существовала у них, видимо, слабая связь и с лбовцами, но с ними они не работали. В раскассировании боевых дружин, существующих до того времени, я определенно видела величайшее зло. Об этом буду говорить в другой раз.

Мне хотелось использовать этих молодых товарищей и вместе с тем, по возможности, удержать от безумных копеечных „эксов". При дальнейших наших встречах я увидела, что это очень и очень хорошие ребята и жаль будет, если им категорически отказать в связи. Я решила их привлечь к работе и отдалить, быть может, от гибели. Они быстро мне все устроили с техникой, перевезли ее; видя ее скудость в шрифте, средствах и проч., они сумели раздобыть шрифт, сделали несколько мелких «эксов» (например частный магазин Клабукова и еще ка-

*) Завод в Сарапульском уезде.

кую-то монопольку). Я много ругалась, но было уже поздно, когда „экс" был сделан. Помню, от ряда подобных „эксов" мне удалось удержать Костю, а с ним и остальных (например, предполагали взять магазин Агафурова и наверняка бы все попали).

Провал.

Страшно была тяжела обстановка. С одной стороны, никак не могла мириться с „эксами" мелкого характера; с другой, жаль было порвать связь с ними,—тогда, может-быть, деньги пошли бы и в личное потребление, а отсюда и все другие беды.

Приближался ноябрь месяц. Работа техники стала улучшаться. Техника была переведена на Покровскую улицу, где-то за Камышловским проулком. Из членов комитета тогда работал „Потапыч", был с осени тов. Сибиряк,—не лбовец (профессионал, вскоре уехал; как его фамилия, не помню). Почти все были на виду у охранки. С техникой связи никто не хотел держать. Ходить мне днем куда-либо нельзя было—усиленно следили. Приходилось, переодевшись, ходить часов в восемь—девять вечера; т. к. я жила на окраине, то шпики боялись и рано снимались. Поставив технику и считая, что мне дальше работать в Перми нельзя, я решила уехать в Уфу, тем паче, что товарищ Арсений Зайков писал, что там на него даже ни один черт не посмотрит, о шпиках и думать забыл. Но.... мы предполагали, а жандармы нами располагали

17-го ноября приходит один товарищ и сообщает, что по городу рыщут жандармы. Из Кобелевых—ни Костя, ни его сестра, гимназистка, тоже соц.-демократка—никто у меня не был. Я пошла узнать, в чем дело. Было уже темно.

Иду по Петропавловской, между Осинской и Далматовской, к дому Пуш, где жили Кобелевы. Для предосторожности вхожу во двор, иду в глубь.. во дворе подозрительные личности... Постояла на крыльце флигеля (Кобелевы жили на улице) и пошла обратно. Едва вышла за ворота, мне кричат:

— Стой! - Думаю: попала...

Я бежать. Кричат:

— Стой! стреляю.

Бегу... Догоняет городовик и серьезно доказывает:

— Я тебя отпущу, а вон ингуши верхами догонят и запорют.

Поймал меня и привел в квартиру Кобелевых. Там уже было все перевернуто вверх дном. Меня пугала одна мысль: не отстреливались ли ребята, если да, то дело плохо.

Пыталась доказать, что я пришла по поручению к жившему в соседней комнате генералу Сумарокову, но..... увы и ах... генерал от меня категорически отказался, да и кстати пришел жандарм, который меня знал по тюрьме (всегда присутствовал на свиданиях, и я его звала «щукой»). Он подтвердил, что я пришла отнюдь не к генералу. Участок был недалеко, меня препроводили туда. Там я узнала, что и Кобелев в участке, а сестру его уже освободили

В эту же ночь была взята и техника. Проследили по тому, что техник „Гриша"—ходил в папахе—заходил на квартиру к Кобелеву.

Вот за этой папахой и приехали, но к великому их удовольствию нашли тут и технику. Таким образом, организация потеряла самое ценное—технику.

Через несколько дней нас под усиленным конвоем препроводили в губернскую тюрьму.

Г. Пермь, март 1923 года.

А. Шпагин.

НА ПОЛУ-ЛЕГАЛЬНОЙ РАБОТЕ.

Просидев шесть месяцев в подпольной квартире в Нижнем-Новгороде и не дождавшись нового революционного взрыва, в июне месяце 1906 года я сажусь на Курбатовский пароход*) и еду в Пермь с явкой, данной мне Новгородским комитетом.

По приезде в Пермь направился в бывший Марьинский банк, там, найдя Вавилова, вручил ему свою явку, а тот направил меня в Мотовилихинскую больницу с явкой на имя одной фельдшерицы. Зарегистрировавшись, таким образом, я приступил к поискам работы по своей специальности. Через три дня, т. е. 11 июня я был принят в главные железнодорожные мастерские в качестве строгальщика. Специальность же моя в то время была — слесарь.

Не умея работать на строительном станке, я, тем не менее, пробу сдал великолепно. Выстрогав тисы, я получил поденный оклад жалованья — 81 коп. в день, а так как работа давалась сдельно, то я, по своей неопытности, заработал в первый месяц по 37 коп. в день.

Мастера — Петухов и Жуков были не мало удивлены такой производительностью; наблюдая ежедневно за работами, они всегда заставали меня у станка, покрытым грязью и потом. Мастер Жуков даже вызвал меня в контору для выяснения причины столь низкого заработка. Придя в контору, я полагал, что мастер Жуков предъявит мне расчет. Опасения мои не оправда-

*) См отдел III, рассказ — На пароходе.

лись. На вопрос мастера, почему я так мало заработал, я сказал, что, во первых, может быть расценки малы, а во-вторых, случается, что и сам металл попадается чрезвычайно твердый.

Убедительны были мои доводы или нет, не знаю. Помню только одно, что Жуков распорядился выдать мне полностью мою поденную плату, т.-е. 81 коп. в день и вместе с тем велел помощнику мастера дать мне самостоятельный наряд на работы, независимо от моей смены. Я, желая во что бы то ни стало остаться в мастерских, был доволен таким исходом дела и стал напрягать все усилия к тому, чтобы оправдать свою поденную плату.

В следующий месяц мой заработок был уже выше моего оклада на 5%, а потом я дошел и до 100%. Но это было достигнуто в результате невероятных усилий и всякого рода технических приспособлений.

Остальные товарищи рабочие влачили жалкое существование: многие, обрывая руки и сбиваясь с ног от переутомления, едва могли заработать 35 руб. в месяц; правда, некоторым удавалось заработать и 50 руб. в месяц, но это были счастливцы, так называемые, штатные любимцы администрации. С квалификацией трудовой мало считались, принималась во внимание служебная квалификация, т.-е. такая, что если известный муж проработал верою и правдой начальству десять—пятнадцать лет, беспрекословно подчиняясь капризу властей предержащих, тому было благо на сей земле, да и то не надолго. Пока он этого заслужит, глядь—из него уже все жилы вымотаны. Идет в приемный покой, получает удостоверение в том, что более к труду не способен. Тогда любимое начальство выдает ему, т. е. верному слуге, 300 руб. и выкуривает его за ворота. А через год этот верный слуга берет в руки кружку и идет к воротам просить милостыню у бывших соратников по труду.

Видя такое отношение администрации к рабочим, у меня создалось такое впечатление, что я попал не в государствен-

ное огромное предприятие, а как будто в какую-то богадельню, где все люди находятся на иждивении благосклонного начальства. Прием в эту богадельню был обставлен чрезвычайно сложными манипуляциями. Нужно было иметь основательные рекомендации людей, в свою очередь обладающих всеми качествами благонадежности, а, кроме того, железнодорожная охранка в лице жандармского управления производила еще и дополнительные справки в надлежащих инстанциях о всяком, вновь вступающем в семью опекаемых счастливчиков. Последняя мера меня не мало тревожила, ибо из писем, получаемых мною из Сормова, я знал, что меня там ищут „днем с огнем", а поэтому, достаточно было Пермской охранке запросить Сормово, как я был бы лишен не только железнодорожного рая, но и, вообще, всяких благ в пределах России. Товарищи говорили мне, что благонадежность выясняется через пятнадцать дней по поступлении на службу: со дня на деня я ждал к себе гостей.

Но дело обошлось благополучно, и почему,—это я выяснию потом.

Уезжая из Нижнего-Новгорода, я взял из своей волости новый паспорт, с которым и явился в Пермь. При прописке в жандармском управлении на вопрос, откуда я приехал, я сказал, что прямо из своей деревни, где занимался своей мастерской—починкою земледельческих орудий.

Несмотря на столь тщательный подбор железнодорожного персонала, процеженного через охранку, в 1906 году я застал в Пермских главных железнодорожных мастерских такое настроение рабочих, которое охранка ни как не могла назвать благонадежным.

Каждый день во всех углах только и разговору было, что оценки понижают, работу увеличивают, а цены на продукты повышаются. Однажды утром, не помню какого числа, но не больше как месяц спустя после моего поступления, в мастерских, в сборном цехе вдруг состоялось собрание рабочих; наше пятое отделение узнало об этом после всех

Когда мы, в количестве двадцати человек, пришли на канаву, где было собрание, то рабочие всех цехов были уже там.

Войдя в толпу, я увидел возбужденные злобой лица товарищей рабочих.

Не понимая, в чем дело, я стал обращаться то к одному, то к другому с вопросом, чем вызвано это собрание, и что намерены делать, Но из заданных нескольким рабочим вопросов, я решительно ничего не мог выяснить.

Одни говорили, что они ничего не знают, другие кратко бросали фразы о том, что понижают расценки; третьи, просто видя во мне новичка, ничего не отвечали и сторонились меня, боясь чего-то.

Шел глухой ропот, всякий говорил про себя, ругаясь и проклиная свою жизнь. Пробираясь к краю канавы, я все же понял из отрывочных фраз в чем дело. Но почему все молчат и не выясняют открыто? Будучи внезапно захвачен этим событием, я тогда не знал с чего начать. Сверкающие злобою глаза людей, стоящих по обоим сторонам канавы, дали мне, наконец, решимость. Забыт был страх перед грозившими мне в недавнем прошлом виселицей или расстрелом.

Став у самого края канавы, я обратился к товарищам рабочим с призывом — не сдавать своих позиций, отнятых ими у царского правительства 17 октября 1905 года. Если железнодорожники и добились тогда улучшения своего положения, то только своей сплоченностью и мощностью своего натиска на самодержавный полицейский строй, а дальше вы видите, что достаточно было ослабить напор, как самодержавие вновь пошло своей дорогою. Государственная дума, на которую многие из вас возлагали так много надежды, сидит уже третий месяц, а что она вам дала? Шпионы и жандармы все также преследуют всех тех, кто борется за лучшую долю трудящихся. В приволжских степях и до сих пор разгуливают карательные экспедиции и порют несчастных крестьян; тюрьмы и застенки переполнены борцами за свободу и виселицы растут по стране как лес. То-

варищи рабочие, если вы хотите освободиться от царского ига, то вступайте в борьбу решительно; вот как, приблизительно, была построена моя речь.

Настроение массы было самое сочувственное. Достаточно было прервать речь на одно мгновение, как в толпе раздались возгласы:

— Долой самодержавие и его опричников!

Вдруг речь моя была прервана возгласами рабочих, стоявших в задних рядах. Они кричали передним:

— Товарищи, жандармы пришли!

Вместе с этим послышались свист и крики со всех сторон.

— Долой жандармов! Долой,—повторило эхо, раздавшееся по всему сборному цеху.

Но жандармы, во главе с ротмистром Ружицким, пробирались все дальше и дальше. Вот, наконец, дошли и до канавы... Остановившись, стали вглядываться в физиономии рабочих, ища виновников. Я в это время был уже спрятан товарищами. Жандармы обращались то к одному, то к другому с вопросом и хотели узнать, кто произнес речь.

Положение многих рабочих было отвратительное,—жандармы их знали очень хорошо, а поэтому всякий ответ отрицательного свойства с их стороны приводил жандармов в раздражение.

— Да неужели ты не мог запомнить его лица?—горячился один из них, наступая на рабочего.

Но вот появляется сам бывший начальник мастерских—Шиманский; рядом с ним Жуков и Петухов. Войдя в середину, Шиманский обратился с вопросом ко всем рабочим, стоявшим на противоположной стороне канавы:

— Господа,—начал он,—что вам здесь нужно и почему вы не работаете?

— Да, дьяволы, вы жрете кур и рябчиков, а нам и на картошку не хватает,—крикнул ему в ответ старик Мотырев.

Бедный старик совсем не думал, что ему придется так дорого заплатить за свои слова. После его возгласа никто не

осмеливался вступать в разговоры ни с начальником мастерских, ни с его мастерами. Всем казалось, что слова старика Мотырева вполне выяснили его вопрос. Наступило жуткое молчание. Все переглядывались и не знали, чем кончится эта история. Вдруг одному из толпы пришла в голову мысль удалить жандармов. Его слова были повторены всей толпой.

— Да уберите жандармов, тогда мы будем с вами говорить.

Послышался крик:

— Долой жандармов!

Шиманскому ничего не оставалось, как удовлетворить это требование. Жандармы были удалены, и начались переговоры о повышении расценок, пониженных до невероятной степени. После долгих препирательств и уверток Шиманский был вынужден согласиться на составление комиссии из рабочих и администрации.

Комиссия должна была взять в свои руки все, как старые, так и новые; расценочные ведомости и переработать их применительно к новому условию жизни.

Но редко хорошее дело доводилось до хорошего конца: так случилось и с нашей комиссией. Не успела она приняться за работу, как снова повисли тяжелые тучи, но не над нашими мастерскими только, а над всем русским трудящимся людом.

Известие о разгоне Думы произвело глубокое впечатление. Назначение Столыпина главою правительства доказывало, что Николай Второй взял твердый курс на реакцию. Обращение правительства к власти на местах о принятии мер в борьбе с нараставшим революционным движением все более и более раскрывало глаза рабочим массам, верившим в то, что можно добиться уступок от царя мирным путем. На второй день после собрания на канаве ко мне пришел один рабочий из литейного цеха (оказавшийся потом одним из видных работников в рядах РСДРП); придя к моему станку, он спросил меня, не был ли я у Вавилова в Мариинском банке, на что я ответил утвердительно. Он

отрекомендовался мне в качестве члена партии, назвав свою кличку: „Пиляй“ (взятую из Максима Горького).

С этого дня и начинается моя связь с Пермской организацией. Беседуя с Пиляем о делах Пермской организации, я узнал, что в ней в то время было не все благополучно. Провалы следовали один за другим, товарищи теряли головы в догадках, не зная за счет чего отнести недолговечность комитетов. Сперва думали, что Пермская охранка сумела поставить свой аппарат так ловко, как никакой другой не удавалось. Но в процессе работы выяснилось, что шпики Пермской охранки совсем зря получили такую популярность и такое мнение нашей организации. Это подтвердилось впоследствии.

В конце разговоров Пиляй сообщил мне, что сегодня назначается общее собрание Пермской организации, и что мое присутствие также необходимо.

— Мы,—сказал он,—знаем уже более полумесяца, что ты здесь, но до сих пор не имели возможности установить связь. Теперь давай начинай работать.

В этот же вечер мы с Пиляем отправились на собрание. Дорогой он выдумал для меня и кличку—„Кувалда“.

Массовка собралась довольно порядочная. Были тут, главным образом, железнодорожники, остальные из других предприятий и кустарных мастерских. В порядке дня стоял вопрос о свободе слова и печати. Пиляй, слышавший мою речь на канаве, предложил мне сделать доклад на эту тему, при чем тут же сообщил, что мое имя „Кувалда“.

От доклада я не отказался; наоборот, мне самому хотелось поделиться с новыми товарищами всем тем, что переживала в те дни великая подъяремная Русь.

Казалось, что никогда не чувствовалось такой жажды свободы слова и печати, как в те дни. Чувства злобы и мести горели в груди. Слова шли сами собой. После меня выступали еще ова оратора и массовка закончилась.

Настроение было самое боевое. Расходившиеся рабочие спрашивали: „скоро ли будет следующее собрание“. Долго ждать не пришлось. Вскоре произошло событие, ошеломившее всю Россию—это разгон первой Государственной думы и объявление диктатуры Столыпина с его виселицами и застенками. Для нас—большевиков—разгон думы не являлся фактом неожиданным. Мы все это предвидели и говорили, что без создания реальной силы, без вооруженного восстания всех трудящихся, и, главным образом, пролетариата, никакая дума не в состоянии дать того, что необходимо для рабочих и крестьян.

После разгона думы массовки приняли более конспиративный характер; был выдвинут особый патрульный отряд, вооруженный револьверами. Раньше собрания проводились почти у самой Егошихи, теперь они были перенесены за пять—шесть верст от Перми.

Особых событий по поводу разгона Первой думы в Перми не произошло, а в самом Петербурге ограничились забастовками только в Кронштадте и Ревеле. Вспыхнул мятеж во флоте, сверкнул, как луч молнии среди глубокой ночи, и снова все замерло. Вся военно-полевая юстиция, оказалась на первое время победительницей. Но работа не упала, массовки посещались также дружно. Вскоре было созвано общее собрание членов. РСДРП совместно с мотовилихинцами, на котором был доизбран комитет Пермской организации.

Помню, как сейчас, темную ночь далеко от Перми. Среди зеленой поляны горит огромный костер, а кругом него в засаленных блузах сидят люди... Высокие ели обступили поляну плотной стеной и, спустив свои длинные густые ветви, казалось слушали смелые, но непонятные им речи бунтовщиков... Порой раздастся треск и чуткое ухо еще сильней напрягает свое внимание. Задаются вопросы: надежен ли патруль, не проследили-ли шпики кого-нибудь... Минута внимания, и снова все идет своим чередом.

Слышатся имена кандидатов: „Зеленый", „Богомаз", „Белый" „Фома", „Арсений" и т. д. Наконец комитет избран и все расходятся—кто в Мотовилиху, кто в Пермь.

Посещая целый ряд массовок и партийных собраний, я заметил, что в Пермской организации хотя работа и шла, чувствовалась какая-то особая атмосфера, мешающая полному размаху сил и проявлению инициативы. Недавно случившийся провал комитета был у всех на уме.

Вдруг из Нижнего Новгорода пришла новость. Нижегородский комитет довел до сведения Пермского о том, что в нашей организации есть один подозрительный член партии. Организация, узнав об этом, была не мало удивлена На первом же собрании был поднят вопрос об устранении его из наших рядов и, когда зачитывалось сообщение Нижегородского комитета, мы с Пиляем, особенно внимательно, следили за физиономией того, о ком шла речь. Несмотря на то, что он выслушал без малейших признаков волнения, мы с Пиляем были довольны, что Фома будет устранен. Да, это, был Фома Лебедев (о нем еще буду говорить). Мы избавились от него пока благополучно.

Фома Лебедев, подозреваемый в провокации, не сознался; наоборот, сделав вид возмущенного, он потребовал от нас предедания суду клеветника, взведшего на него столь тяжкое подозрение.

В начале августа 1906 года Пермская организация пополнилась свежими, весьма ценными работниками: приехали из Сормова Самсонов Иван Вас., из Харькова—Артем Оба товарища оказались большевиками.

Меньшевики, и без того начинавшие терять свой авторитет, с приездом свежих сил окончательно утратили свое влияние на массы.

С Артемом я встретился первый раз за Камой, на массовке у полигона. Дело было в воскресенье; народу собралось человек около трехсот или более. Тут были большевики, меньшевики и социалисты-революционеры. С меньшевиками мы вели работу

совместно; хотя и спорили, но только на своих собраниях. Когда же встречались с эсерами, то тут мы вполне объединялись—вели борьбу общим фронтом.

Самым интересным вопросом, по которому велись в те дни споры с эсерами, был аграрный вопрос. Артем, выступая с докладом от Пермской организации РСДРП, помню, наделал много шуму. Эс-эры, отпарируя удары, пускали в ход всяческую демагогию. Обращаясь к рабочим, они говорили:

— Вот видите, товарищи, социал-демократы считают крестьян буржуями и говорят, что если крестьянство возьмет землю, то оно не пойдет вместе с рабочими. Кто из вас поверит, что крестьянин скорее окажется другом буржуя, а не рабочего и т. п.

Или еще лучше:

— Соц.-демократы хотят опролетаризировать крестьян, это значит, дать возможность буржуазии забрать всю землю себе.

В результате такой демагогии в головах несознательной части рабочих создавалось убеждение, что социал-демократы идут против крестьянства.

Артем, возражая, спрашивал эсеров о том, как они думают провести социализм в деревне, не проводя его в городах—на фабриках и заводах; возможно ли сохранить общину, с ее уравнительным землепользованием, в условиях буржуазно-капиталистических отношений?

Ведь, допуская свободный товарообмен между городом и деревней, вы не можете устранить конкуренции, неизбежно вытекающей в процессе товарообмена, а раз существует конкуренция, не может быть и разговоров о каком-то уравнении. Может быть вам, эсерам, и удастся на первых порах установить „Прокрустово ложе", но это будет недолго: сами крестьяне наплюют вам на него. Нельзя искусственными мерами вводить социализм, да еще, вдобавок, однобокий. Представьте себе крестьянина, обрабатывающего десять десятин земли и его соседа, способного обработать только три десятины, но это еще не все. Первый имеет возможность удобрить свою землю лучше, а второму, сидящему

на трех десятинах, удобрять нечем. Первый намолотит хлеба семьсот пудов, а второй сто двадцать пудов,—таким образом, получается, что первый собирает хлеба по семидесяти пудов с десятины, а второй только сорок пудов. Вы, эсеры, учитывая такое положение, что прикажете делать? уравнять? и если будете уравнивать, то почему опять только в деревне? Не нарушая права собственности на средства производства и продуктов в городе можно ли нарушать его в деревне? Конечно, нельзя. Вот почему мы, социал-демократы, и говорили, что, во первых, эта фантазия неосуществима, а, во-вторых, она еще и консервативна. Мы стоим за свободное развитие капиталистического общества как в городе, так и в деревне. Но в противовес создаем свою пролетарскую армию, организованную в единую политическую партию.

Остальную часть речи товарища Артема запомнить не могу. Скажу только одно, что много было пущено ядовитых стрел по адресу партии эсеров.

Массовка затянулась до поздней ночи и кончилась чрезвычайно бурными прениями сторон. После официально выступивших ораторов поднялся невероятный шум и споры. Порою спорящие доходили до крайностей. Находясь в состоянии раздражения, легко сходили с идейного теоретического пути и вступали на путь взаимных личных оценок, называли друг друга идиотами и вислоухими ослами. Общий круг присутствовавших был разделен на множество групп, то тут, то там слышались брань и ядовитый хохот, вызывавшийся неудачными ответами.

— Да кто вам сказал, что мы идем против крестьян?—горячился эсдек, наступая на своего противника, размахивавшего тросточкой в воздухе,—почему вы не хотите думать вашими арбузами о том, что развитие капитализма в деревне так же неизбежно, как и в городе.

А вот другая группа. В средине стоят два противника, и один из них, держа другого за полу пиджака, спрашивает:

— Ну скажи, Афанасий, чем тебе лучше кажется партия эсеров?

Тот, немного замявшись, но также спокойно, произнес:

— Видишь, у эсэров вооружение получше.

Разумеется, после такого ответа опять раздается взрыв хохота, слушатели разбегаются в разные стороны, точно от взрыва бомбы, и каждый из них, стараясь перекричать всех, зовет к себе других, чтобы сообщить им, почему Афанасий не состоит в партии эсдеков. В других группах идет не менее жаркий спор:

— А пошто он, ваш-то оратор, говорит, что один будет пахать десять десятин земли, а другой три десятины; ведь мы даем поровну всем,—возвышает свой голос эсэр рабочий.

— Да на кой она ему лешак?—вопросительно вытянувшись к нему, произносит другой рабочий,—коли ему, скажем, не токмо што землю вспахать, а нечем и в зубах поковырять, наставительно добавляет третий, степенно заложив руки назад.

— А государство-то на что?—спрашивает в свою очередь эсэр,—должно оно помогать-то им, беднякам-то!

— Накося, вот возьми ваше-то государство,—и рука, степенно заложенная назад, превратилась в кукиш.

— Вам ведь говорят, что у власти-то те же буржуи будут, так кто же вам даст—Родичев, Петрункевич или Милюков?

— Дожидайтесь, как-бы не так,—произнес третий, опять закладывая руки назад за спину.

— Вы хотите переварить крестьян в пролетарском котле,—пищит фигура, усевшаяся у самого костра, сверкая своим пенсне,—так вам сделать этого не удастся,—авторитетно добавляет фигура.

— Посмотрим, как вы их будете стричь под одну гребенку!—возражал здоровенный детина—кузнец, уставив злобный взгляд на фигуру,—они, брат, так вас подстригут, что куда кепки, куда пенсне ваши полетят,—закончил кузнец, не спуская своего взгляда с фигуры.

Вдруг среди самого сильного шума раздается голос патрульного пана Шимульского, сообщившего всем о том, что на правом

берегу Камы появились подозрительные субъекты. Услышав такое сообщение, массовка точно в воду канула, и только треск ломавшихся сухих ветвей свидетельствовал о том, что люди еще живы и, превратившись в безмолвные тени, побрели к своим лодкам.

На месте доселе весело горевшего костра остались одни дымящиеся головни.

— Кувалда!—вдруг послышался голос Арсения.

— Здесь,—отвечаю я и направляюсь в сторону Арсения. В стороне от него я увидел и Артема.

— Ну, вот что, „Кувалда", ты, ведь с семьей здесь живешь?

— Да, с семьей,—ответил я.

— Так не возьмешь ты товарища Артема в нахлебники к себе?

Услышав такое предложение, я был очень обрадован, ибо в голове моей моментально сверкнула мысль о том, что, находясь вместе с Артемом, я могу пополнить багаж своих знаний. Поэтому я, не колеблясь, сказал, что буду очень рад, если товарищ Артем будет жить у меня.

Познакомившись тут же с Артемом, мы двинулись к берегу Камы.

Дорогою я спросил Арсения, правда-ли, что на правом берегу появились шпики.

— Ничего подобного,—ответил он и тут же расхохотался.— Ты видел,—добавил Арсений,—что публика совсем забылась и орала так, что, черт возьми, с того берега можно было услышать. Поэтому я сказал пану Шимульскому, чтобы он пугнул всех подозрительными субъектами.

Я и Артем, узнав о такой комбинации, также расхохотались.

— А эсэры сегодня были не в духе,—как-бы про себя заметил Арсений.

Артем чувствовал себя победителем, но, не придавая особого значения своей победе, ограничился вставкой отдельных реплик по адресу эсеровщины.

Я шел молча и старался уловить каждое слово Артема. Я его не знал, но уже гордился им и был рад его победе.

Имя Артема в моей памяти связано с целой эпохой, которая глубоко отразилась на всем последующем ходе российской революции. Если уральский пролетариат в конце 1906 г. и начале 1907 года, стоял на верном пути, в смысле тактики и методов борьбы, то этим он был обязан Артему.

Когда я увидел его в первый раз, он произвел на меня впечатление простого, коренастого деревенского парня: голубая рубаха и длинный пояс с кистями, обутый в сапоги,— все это так упрощало его, и только кепка, носимая им, как будто немного указывала на то, что он начинает подражать городу. Но его лицо, с постоянно выраженной улыбкою добродушия, опять сбивало с мысли о том, что Артем был горожанин. При виде такой простоты, нельзя было подумать, что в нем таилась столь неистощимая сила знаний, посредством которых ему не раз удавалось приводить своих противников в яростное, но вместе с тем беспомощное состояние.

Обладая марксистским арсеналом, Артем пользовался им как опытный хирург, вступая в бой со своими противниками эсерами и меньшевиками. Артем знал, когда нужно ударить их, то, как молот, тяжелыми аргументами, то как острием кинжала, отравленного злобно иронической улыбкою при виде соглашательской политики меньшевиков. Ведя решительную борьбу с эсеровщиной и меньшевизмом в Перми, Артем пользовался глубоким уважением не только со стороны большевиков; меньшевики с эсерствующими рабочими невольно проникались чувствами симпатии к нему. Вот отсюда-то у рабочих и возникало непреодолимое стремление к объединению пролетарских рядов. Артем, идя на встречу этому стремлению, умел и объяснить им всю его гибельность для революции. Меньшевики и эсеры из рабочих говорили Артему, что ведь цель у всех у нас одна— социализм, только пути к нему разные.

— Вот в том то и дело, дорогие товарищи,—отвечал он,— уж если у нас дороги разные, то можем-ли мы прийти к одной и той-же цели?

При этом, он приводил целый ряд фактов из истории социалистических партий в Западной Европе:

— Возьмите, например, французскую социалистическую партию, говорил Артем — и вы увидите сами, как опасно итти за вождями, вышедшими из мелко-буржуазной среды; там вместо решительной борьбы, необходимой для достижения социализма, мы видим, как вожди французского пролетариата ведут его к министериализму. Мильеран, социалист, становится министром в буржуазном правительстве. А через некоторое время мы видит, как этот министр-социалист расправляется с забастовщиками. Рабочие, восставшие против своих эксплоататоров, усмиряются вооруженной силой, направленной на них ни кем иным, как Мильераном. Жоресизм во Франции, бернштейнианство в Германии, все это суть элементы, приспособляющиеся к буржуазно-капиталистическому обществу. Интеллигенция, внушающая рабочему классу мысль о том, что противоречия классовых интересов можно устранить и без свержения буржуазии, является предателем рабочего класса. К этому же сводится и деятельность российского меньшевизма, она стремится вылиться в ту же форму германского бернштейнианства.

Глубоко искренняя и живая речь Артема, проникая в души рабочих, находила самый живой отклик и, уходя с массовок, они все чаще и чаще стали задумыватся над словами Артема.

Артем прожил в моей квартире всего три недели, дальше оставаться у меня было невозможно. Хозяин, мелкий чинуша, трясясь от страха, не давал нам покоя, требуя прописки Артема. Перебравшись на другую квартиру, Артем продолжал ходить ко мне. Иногда Артем заставал у меня Пиляя, жившего в одной улице со мной (я жил в доме № 33 по Разгуляйской, занимал две небольших комнаты в подвальном этаже). Те вечера, когда не было массовки или партийного собрания, мы про-

водили в спорах. Пиляй был меньшевиком до мозга костей. Поэтому часто простые беседы выливались в чрезвычайно острые формы разговоров. С Пиляем мне неоднократно приходилось считаться, как с одним из сильных противников. Вначале мы с ним старались поддержать взаимную связь и работали дружно. Но это было недолго, в процессе выявления деятельности мне пришлось столкнуться с ним.

До моего поступления в главные железно-дорожные мастерские Пиляй пользовался со стороны рабочих, членов партии, неограниченным доверием.

С прибытием в Пермь группы большевиков физиономия Пермской организации начинает меняться.

Вместе с тем начинают обостряться и взаимные отношения с меньшевистскими вождями внутри самой организации. Меньшевики в то время считали революцию совершенно законченной и стремились во что бы то ни стало жить и приспособиться для работы в сложившейся после революции обстановке.

По мнению большевиков это было недопустимо, мы переживали период виселиц и расстрелов.

Меньшевики пугали нас еще худшей реакцией, им казалось, что достаточно большевикам отказаться от вооруженного восстания, как реакция смилуется. Они об этом не говорили открыто, но работа меньшевиков выдавала их с головою. Самодержавие опиралось, расправляясь с революционным пролетариатом и крестьянством, на либеральную буржуазию, именуемую кадетской партией. Меньшевики, войдя в соглашение и блоки с кадетами против воображаемой черной сотни, хотели лишь укрыться за спинами приятелей Столыпина. Тем самым они как бы хотели сказать, что рады и крохам, падающим со стола барина. Таково было настроение Пермских меньшевиков в 1906 году.

Не мало трудов было положено для того, чтобы вырвать рабочих из под этого влияния.

Насколько вредно отражалась эта борьба на работе видно хотя бы из факта, имевшего место в Пермских железно-дорож-

ных мастерских. После разгона первой думы, меньшевики занялись подменою лозунгов. Учредительное собрание уходило в неопределенную даль. В порядок дня был поставлен лозунг „поддержка кадетской думы". Для большевиков, знающих природу кадетской партии, такая комбинация в области политики оказалась совершенно неприемлемой. Игра в конституцию при незыблемых основах самодержавия нами, большевиками, считалась занятием бесплодным. На этой почве у нас в Пиляем стали происходить весьма серьезные столкновения. Меньшевистская оценка текущих событий стала подозрительной не только с точки зрения активных сил революции. Рядовые члены партии начали отказывать им в кредите,— так было, по крайней мере, у нас в главных железно-дорожных мастерских.

Администрация, вместо того, чтоб удовлетворить справедливые требования рабочих и повысить урезанные расценки, стала нажимать на них. Нажим ее выразился не только в области экономической, но и политической. Для того, чтобы заставить рабочих отказаться от своих требований, жандармерия арестовала троих рабочих, один из них был членом комиссии по пересмотру расценочных ведомостей тов. Тиунов, уже пожилой человек лет 40, другой оказался тем самым стариком Мотыревым, о котором я упоминал еще в начале описываемых мною событий в Пермских мастерских. За возглас на общем собрании рабочих о том, что начальство жрет рябчиков и кур и т. д., старик попал в Туруханский край. Третий был одним из членов нашей ячейки тов. Румянцев, еще мальчик. Все трое оказались в Туруханском крае. Настроение среди рабочих было подавленное, но вместе с тем и негодованию их не было пределов.

Рабочая масса чувствовала, что октябрьские и декабрьские дни требуют от них продолжения начатой борьбы. Проповедь меньшевиков о ликвидации революции являлась в те дни как-бы камнем на плечах человека, плывущего через реку. Свободу полулегального существования кадетской партии меньшевики при-

няли за нечто реальное и шли в хвосте развертывающихся событий.

Ячейка наша, не смотря на подавленное настроение, продолжала аккуратно собираться. Собирались еженедельно на Вышке (на чердаке) здания железно-дорожных мастерских,—обсуждая методы борьбы с надвигающейся черной реакцией.

Завязалась идейная борьба между большевиками и меньшевиками. Рабочие—члены ячейки—стали все чаще и чаще голосовать за наши предложения. Ответственным руководителем по вопросам местной политики большевиков и общей политики был в то время Самсонов, Иван Васильевич, пользовавшийся всеобщей популярностью; ему принадлежала и победа над меньшевиками, в том числе и над Пиляем.

Вскоре недоверие рабочих к Пиляю стало проявляться не только по вопросам общей политики, но и по целому ряду иных вопросов непринципиального свойства. Потеряв всякую уверенность в восстановлении влияния меньшевистского направления, Пиляй счел необходимым уехать в другой город.

Нужно отметить, что подобные выезды происходили не так уж гладко. Многие члены партии, не находящие отклика на свое идейное мировоззрение среди той или иной организации, прежде чем выехать, стремились создать нездоровую атмосферу. В угоду своему личному „я“ вносился элемент личной вражды и портил общее дело революции. Пиляй, делая вид изгнанника, тоже оставил в нашей ячейке некоторую долю горького осадка обиды.

Благодаря умелой работе Самсонова, снова удалось создать атмосферу искренне товарищеских отношений.

Восстановление типографии и провал.

К ноябрю месяцу 1906 года Артему и Самсонову удалось восстановить типографию. К этому времени были сосредоточены уже порядочные силы. Прибыли товарищи украинцы, близкие

друзья Артема. Казалось, что дело стало на прочные ноги. Но не тут-то было.

Однажды утром к моему станку подбегает пан Шимульский и сообщает о том, что Самсонов арестован, при аресте захвачена целая кипа отпечатанных прокламаций. Узнав об этом, я дал ему распоряжение немедленно сообщить товарищам об аресте Самсонова, чтобы все поспешили очиститься от всяких документов, могущих скомпрометировать в глазах охранки. И мне самому пришлось взять бюллетень и под предлогом лечения отправиться к себе. Тому-же пану Шимульскому было поручено обежать весь город и предупредить всех членов Пермской организации о провале.

Все были удивлены не тем, что Самсонов арестован, а тем, что охранка больше никого не тронула. Стали носиться догадки и предположения, что могло послужить причиною ареста. Встал вопрос: оплошность ли это Самсонова или провокация? Сколько ни думали, ничего добиться не могли.

Позднее дело выяснилось само собой.

Вскоре Самсонов был отправлен в Николаевскую тюрьму в Верхотурье. Он не вынес инквизиторского режима палача Вестюнина—надзирателя этого страшного каземата.

Весною 1907 года он умер.

Обстановка работы. Шпики.

После ареста Самсонова мне пришлось занять место организатора, а также и кандидата в Николаевские роты. Хотя арестов больше не последовало, но многие из нас заметили начавшуюся слежку шпиков. С одним из них мне самому пришлось столкнуться.

Дело было во время получки. Вечером, выйдя из мастерских с одним из товарищей—Федором Порошиным, вздумали зайти в пивную. Выпив по две бутылки пива, мы направились с ним по Верхотурской улице домой. Вдруг встречаем того са-

мого шпика, который следил за мною уже более недели. Порошин, поравнявшись со шпиком и не глядя на него, закричал во все горло:

— Шпик куда, куда идешь?

Последний, не долго думая, поворачивается, хватает Порошина поперек тела обеими руками и молча держит его. Озадаченный таким оборотом дела, обращаюсь к шпику и спрашиваю, что ему нужно от нас. Но шпик, продолжая держать Порошина, заявил мне, что сейчас свистнет полицейского и заберет нас обоих. С этими словами он потянул руку к губам. Думать было некогда,—хоть час лишний, но все же хотелось быть на свободе. В момент, когда шпик готов был свистнуть, я развернулся и со всей силой нанес ему удар прямо в «морду». Шпик, словно сноп, свалился на землю. Порошин, освободившись от цепких лап гада, наступил ему ногой на горло, вырвал свисток из его руки и забросил куда-то в сторону. Пользуясь беспамятным состоянием шпика, мы поспешили удалиться, чувствуя, что исход может быть чрезвычайно сложным. Дорогою мы условились быть эту ночь, что называется, на чеку. Никаких последствий от этой истории не произошло, но шпик наш исчез с Пермского горизонта.

Через неделю появился другой и стал следить за мною, а также и за Порошиным. Второму шпику повезло не больше, чем первому. Заметив его появление, я немедленно сообщил Порошину, а тот в свою очередь, другим ребятам. Как только шпик появлялся в Разгуляе, Порошин со всею ватагой своих молодцов устраивали ему волчий концерт и провожали почти до самой охранки.

Вот какова была обстановка, в которой приходилось выполнять задания по проведению кружковых занятий, а также и самому учиться. Бывало, прежде чем попасть на какое-нибудь собрание, предварительно собьешь с дороги шпика.

Провокаторы.

Не так страшны были шпики, как провокаторы. При внимательном отношении к публике, встречающейся на улице, шпика легло было обнаружить. Совсем не легко было узнать провокатора. Провокатор вступал в партию на общих со всеми товарищами основаниях. Мы его агитировали и втаскивали в партию, в большинстве случаев, сами и попадали в его руки незаметным для себя образом. Взять хотя бы пана Шимульского, который был у нас членом боевой дружины. Ему было оказано неограниченное доверие. Он был патрульным по охране массовок и по установлению связи, вообще выполнял всякие конспиративные поручения. В конце концов был вроде личного секретаря у Ивана Васильевича Самсонова. Пану Шамульскому было тогда не более 18 лет. На меня он производил впечатление совершенно легкомысленного мальчишки, о чем я неоднократно сообщал и Самсонову. Тов. Самсонов, соглашаясь со мною, продолжал уверять меня, что «хотя пан Шимульский и легкомысленый, зато предан делу революции не хуже нас». Не имея фактов в руках, спорить не приходилось.

Спустя несколько дней после описанного мною случая со шпиком, я как обычно пришел на работу, пустил в ход станок и, слегка облокотившись на раму, стал следить за правильностью работы резца. По другую сторону станка на скамейке сидел пан Шимульский и ждал, пока я закончу свою операцию. Я, как и раньше, не придавая особого значения его присутствию, отошел от станка и, зная его болтливость, обратился к нему с шутливым вопросом:

— А скажи, пан, сколько шпиков вчера бегало за тобою?

Шпики были его излюбленной темой для разговоров. На мой вопрос пан Шимульский показал мне на свои ноги и сказал:

— Вот видишь, Кувалда.

— Ну и что-ж, вижу,—отвечал я, ты новые галоши завел, это хорошо,—добавил я, ничего не подозревая.

— Нет, это еще не все, живо возразил Шимульский, а ты вот узнай, как я их добыл?

— Я думаю, что так же, как и все—пошел в лавку и купил, продолжал я.

— Нет, ты ничего не знаешь, Кувалда, - заметил он и тут же выпалил мне следующее:

— Вчера я пришел в охранку, начал Шимульский,—скорее, не пришел, а был вызван. Прийдя туда, я получил вот эти самые галоши, да еще вот эту штуку.

С этими словами пан Шимульский достал из кармана никеллированный револьвер системы „Смит-Виссон". Услыхав о такой вещи, я был ошеломлен и, не веря своему слуху, заставил его снова повторить рассказ о галошах и револьвере. Пан Шимульский с присущей ему веселостью повторил все сказанное.

— Сначала сказал он,—я написал письмо в охранку, жалуясь, что очень бедно живу и мало зарабатываю.

— Откуда ты можешь много зарабатывать, когда все время спишь под станком? Вставил я. — Ну, а дальше что вышло? Написал ты письмо в охранку.... Начал я торопить его.

— Ну и вот, вчера меня пригласили и дали мне галоши и револьвер.

— Но ведь это не моя квартира, не Самсонова и не других товарищей; ты понимаешь, что это охранка, и вдруг ты, пан Шимульский, просишь у нее галоши: неужели ты не понимаешь, что охранка ничего даром не дает, начал я наступать на него.—Допустим, что тебя там пожалели и дали галоши, но револьвер тебе на что нужен?

— А вот дали, говорят, что он мне понадобится, - отвечал пан Шимульский с той же беспечностью. Затем обратился ко мне и сказал:

— Хочешь я отдам этот револьвер тебе, а в охранке скажу, что кто-то у меня его украл.

После такого предложения я окончательно отказался что-либо понимать. Для того, чтобы эта история не была известна

только мне одному, я пригласил т.т. рабочих, работавших рядом со мною. Через пять минут у моего станка образовался сущий митинг. Снова начались допросы и выпытывания, на которые пан отвечал также спокойно. Но когда начали делать известные из его поступка выводы, то я увидел, что пан Шимульский окончательно растерялся.

— Теперь нам понятно, почему арестован тов. Самсонов, вдруг заявил Коля Кащеев, глядя в упор на пана.

— А понятно теперь и то, почему мастер Жуков был бессилен, когда хотел тебя уволить за то, что ты все время спал под станком,—добавил Миша Никитин.

— Жуков нам говорил, что ты являешься дальным родственником начальника дороги, а оказывается ты родственник-то не ему, а жандармскому полковнику Петрову — подсказал третий.

Я стоял и молча наблюдал за паном Шимульским. Мне не хотелось верить в то, что наш вчерашний патрульный сегодня мог спуститься так низко и дойти до крайнего предела подлости. В это же мгновение мне пришла мысль о тов. Самсонове, которому я послал мысленный упрек за то, что он своевременно не отстранил этого мальчишку от себя и вообще от всякой работы, носящей конспиративный характер.

— Эй, ребята, давайте сюда куль и тачку!

— На тачку его!—послышался голос из толпы, да не забыть отнять от него револьвер.

— Нет, товарищи, не нужно этого делать,—сказал я.

Затем, обратясь к пану Шимульскому, я спросил:

— Скажи, пан, откровенно, ты получил галоши и револьвер за оказанные уже услуги или ты только думал их оказывать охранке?

На это он, конечно, ответил, что услуг охранке никаких не оказывал, а хотел просто надуть. Последнее утверждение было смешным, но, принимая во внимание его легкомысленность, можно было подумать, что он говорил правду.

— Но арест тов. Самсонова разве нальзя приписать твоим стараниям,—продолжал я настаивать, особенно, в момент получения прокламаций, о которых никто не знал кроме тебя, а потом мне все таки сомнительно и то, что ты, придя к тов. Самсонову в то злополучное утро, не был взят полицией, засевшей в его квартире.

На все вопросы пан Шимульский отвечал отрицательно или совсем замалчивал. После обеда уже никто в мастерских его не видел, а также и на второй день пан не вышел на работу. На третий день из Галича поступает телеграмма на мое имя. Развертываю и читаю следующее: „Кувалда, шлю привет и еще раз уверяю, что я ни о тебе, ни о других никому ничего не говорил в охранке,"—подпись: Шимульский. Отсюда ясно становится, что даже самое содержание телеграммы могло бы дать охранке материал, в ней указана моя подпольная кличка; во вторых, дело идет о каких-то других лицах, о которых он ничего не говорил в охранке. Все это еще раз говорило за то, что пан Шимульский был шпик, или, надев личину легкомыслия, в действительности стал провокатором. В последнем я уверен и до сих пор, ибо пан, уехав из Перми, не подал даже заявления в комитет партии о том, чтобы его предали партийному суду. После его отъезда из Перми арестов не произошло, слежка же за многими из нас усилилась.

Предвыборная кампания во 2-ю думу.

Началась предвыборная кампания во 2-ю государственную думу. Пятнадцать лет тому назад трудящиеся массы Российского государства осуществляли свои права при выборах народных представителей. Все граждане были разделены на три, так называемые, избирательные курии. Каждая из этих курий имела свои особые права. Жители городов, имеющие собственность, как-то: дом, лавку, завод, фабрику и платящие известный налог, избирали из своей среды, так называемых, выборщиков. Из выборщиков в свою очередь выбирали уже депутатов в думу.

Совсем не так обстояло дело с рабочими и крестьянами. Рабочие избирали сначала уполномоченных, а уполномоченные выборщиков, и только этой группе было предоставлено право избирать депутатов. Крестьяне еще труднее осуществляли свои права. Они избирали десятидворников, а те уполномоченных: уполномоченные—выборщиков. Все эти выборщики должны были съехаться в губернский город и совместно приступить к избранию своих представителей. Эти выборщики, просеянные через два, три и четыре сита, конечно, не могли быть действительными представителями народа. Давление на волю избирающих, подкуп и прочие махинации со стороны властей предержащих делали свое дело.

Теперь бросим краткий взгляд на сравнительную сумму прав. Семь тысяч граждан города Перми избирали семь выборщиков, рабочие же всего Урала, включая и Екатеринбургскую губернию, послали только десять выборщиков. [Крестьянству благодаря четырехстепенной системе выборов, дано было еще меньше прав, чем другим слоям населения. Как известно, обладание избирательным правом находилось в зависимости от имущественного или служебного ценза. Гражданин, не имеющий имущества и определенного рода занятия ко дню избрания уполномоченного или выборщика, лишался права участия в выборах. Рабочий не проработавший в заводе, фабрике шесть месяцев, тоже лишался этого права. Еще одно обстоятельство выборов—избирательное право давалось только тому, кто достиг 25-летнего возраста. Можно перечислить еще множество подобных лабиринтов, созданных самодержавно-полицейским строем в угоду господствовавшего класса.

Обстановка предвыборной кампании.

При обсуждении предвыборной кампании прежде всего в рядах Пермской организации поднялся спор, входить или не входить в блок с кадетами и если входить, то по какой курии и в какой стадии выборов. Меньшевики, оставаясь верными

иезуитской психологии, пугая нас черной сотней, сразу стали за идею блока с кадетами по городской курии, начиная с первой стадии и до последней Благо, что в рабочей курии в то время не было кадет, а посему меньшевики решили в рабочей курии ни с какими политическими партиями в блок не входить.

Большевики подходили к вопросу о блоке с кадетами совершенно иным путем. Во-первых, нам нужно было выяснить, какими силами мы располагаем. При выставлении общего списка, конечно, выяснить было нельзя. Принимая во внимание враждебное настроение к самодержавию, господствовавшее в то время в широких массах крестьянства и рабочего класса Урала, мы были уверены в том, что на общегубернском съезде выборщиков мифически созданная меньшевиками черная сотня будет бита. Как потом оказалось, мы были правы. В случае же черносотенной опасности мы все же решили войти в соглашение с кадетами, но не в первой, а в последней стадии выборов.

Однако меньшевики, по присущему им от природы политическому добродушию, не захотели порвать добрососедских отношений с кадетами, желая во что бы то ни стало, заниматься парламентизмом.

Вопреки постановлению Пермского комитета Р. С. Д. Р. П., меньшевики вошли в блок с кадетами в первой стадии выборов, выставив свою кандидатуру в кадетском списке.

Таким образом, единство партии, провозглашенное весною этого же года на Стокгольмском съезде, оказалось актом, ни к чему не обязывающим меньшевиков. Фактически раскол партии продолжался и приводил нас, порою, к самым нелепым противоречиям.

Вскоре на страницах „Камского Края"—кадетского органа, появляется список выборщиков; все эти выборщики весьма почетные особы и самые благонадежные кадеты. Среди них одиноко красуется кандидатура члена Р.С.Д.Р.П.—Матвеева, П. А.

В политической борьбе двух враждующих классов дело не ограничивается только одним выставлением списков. Поэтому

следовали пояснения, для чего этот список выставлен, а не иной. В данном случае произошло так, как и следовало ожидать. Пермские кадеты выставили свой список и пояснили читателям, каковы задачи и цели выставленных в их списке столь почтенных и уважаемых людей. Тогда же на страницах „Камского Края" стали появляться „боевые статьи". Эти статьи были направлены против нас, большевиков. Весь яд, какой только мог накопиться в кадетских душах—изливался на головы большевиков. В каких только смертных грехах не обвиняли нас. Тут было и якобинство, и бланкизм, и обвинение в анархизме. Дальше следовал, конечно, один вывод: те, кто, по мнению кадет, не лишились здравого рассудка, пусть не голосуют за список заговорщиков большевиков.

Наши же требования, предъявлявшиеся к бывшему буржуазно-монархическому строю, были чрезвычайно скромными. Мы требовали созыва Учредительного собрания и установления демократической республики. Для крестьян мы требовали передачи земли: удельной, монастырской, церковной и помещичьей без всякого выкупа. Для рабочих мы требовали введения восьмичасового рабочего дня, охраны женского и детского труда, страхования рабочих на случай безработицы, болезни и инвалидности за счет капиталистов. Кадеты усматривали во всех этих требованиях якобинство, бланкизм и анархизм... Теперь, спустя пятнадцать лет, видим сами, что нами взято у буржуазии путем классовой борьбы гораздо больше, чем думали взять.

Итак, с одной стороны, нас били кадеты, распространяя свой легальный орган десятками тысяч экземпляров, с другой—черносотенные подголоски губернских ведомостей.

Охранка тоже приняла самое горячее участие в предвыборной кампании. Артем буквально кочевал с квартиры на квартиру, ибо его кандидатура в охранке считалась самой подходящей. В этом отношении у нас с нею никаких разногласий не было. Мы также считали Артема незаменимым.

П. А. Матвеев.

Но дальше у нас с охранкой были разногласия и очень большие.

Опутав город сетью шпионов и полицейских, охранка следила за каждым нашим шагом. Не имея возможности вести широкой открытой агитации, пользуясь прокламациями из центра частью своего местного произведения, нам удалось набрать сравнительно порядочное количество избирателей. Прошло семьсот с лишним. Принимая во внимание полицейские и охранительные условия, наш список не был популяризирован так широко, как это было сделано кадетами; во избежание „изъятия" кандидатов, наш список вручался только известным нам лицам.

В железно-дорожных мастерских.

До избрания выборщиков по городской курии в главных железнодорожных мастерских шла уже самая оживленная агитация за наш список. Многие рабочие, имевшие свои дома, а следовательно и избирательные права по городской курии, приходили ко мне и спрашивали, где лучше использовать это право, я объяснял, что от мастерских и без них будет избран один уполномоченный, а поэтому лучше участвовать в городских выборах. Но тут возник вопрос, по поводу которого рабочие только руками разводили.

— Как же это так?—спрашивали они,—вы, вот, выставили свой список и предлагаете голосовать за него, а другие члены вашей же партии выставили кандидатов в списке кадетов и предлагают нам голосовать за их список.

— Но что же с этим поделаешь. Это доказывает, что у наших меньшевиков душа наполовину сложена из того же материала, что и у кадет. Поэтому-то мы и предлагаем вам голосовать за представителей революционного пролетариата, т.-е. за список большевиков.

Спустя несколько дней в печати были оглашены результаты голосования. Последний кандидат кадетского списка имел 1100 с чем-то голосов. Головной кандидат черносотенного списка по-

лучил 900 с небольшим. Список большевиков получил 700 с лишним голосов. Вот каково было соотношение политических сил при выборах и какова была черносотенная опасность. Отсюда можно судить, стоило ли нашим меньшевикам из-за одного кандидата в выборщики оказывать всемерную поддержку кадетскому списку. Особенно досадно было, когда мы узнали, что в Екатеринбурге по городской курии целиком прошел список РСДРП. Остальные оба списка, кадетов и черносотенный были провалены. Благодаря „разъяснительной политике" властей двое из наших товарищей отведены, и вместо них сердобольное начальство посадило своих ставленников—одного кадета Мамина (брата известного Уральского бытописателя, под псевдонимом „Сибиряка"), второго, знаменитого в то время в Екатеринбурге черносотенника—Козицына. Но последний вел себя настолько возмутительно, что его агитация на съезде выборщиков послужила не в его пользу, а в нашу (о чем я напишу подробнее). По остальным уездным городам дело шло приблизительно в таком порядке: там проходили если не члены Р.С.Д.Р.П., то все же публика в то время довольно прогрессивная, как-то социалисты-революционеры, трудовики и народные социалисты. По крестьянской курии подавляющее большинство состояло из трудовиков. Говоря о рабочей курии начну опять с главных железнодорожных мастерских, так как мастерские являлись лучшим примером для определения, если не политической организации, то во всяком случае настроения, господствовавшего в пролетарских массах Урала.

Выборы в главных железно-дорожных мастерских.

7-го января 1907 года в мастерских было назначено общее собрание рабочих. Цель этого собрания была—избрать из своей среды одного уполномоченного. Перед собранием я сразу заметил, что из тысячи пятисот человек рабочих, работавших в мастерских и депо Пермь I-я, на собрание явилось не более трехсот человек: остальная масса, в силу закона о цензовом праве, не могла

принимать участия в выборах своего представителя; второе, что огромное большинство из пришедших на выборы были все старички и совсем маленькая группа людей - в возрасте от двадцатипяти до тридцати лет. „Народ все серьезный“—подумал я,—„насчет демократической республики и учредительного собрания окажется скупым“. Принимая во внимание предварительное хождение рабочих из всех цехов к моему станку с предложением выставить свою кандидатуру, я был уверен, что учредительное собрание и демократическая республика пройдут гладко. После того как начальник мастерских Шиманский объявил собрание открытым, я взял первое слово, указывая на серьезность задачи, на то, что железнодорожники должны избрать такого представителя, который смог бы стать не по ту сторону баррикады, а шел бы вместе с рабочим классом в развертывающейся борьбе против самодержавия и буржуазии. Переходя к самой государственной думе, я констатировал, что дума, в качестве фактора, бессильна дать что-либо рабочему классу, а также и крестьянству. Указывал на то, что в думе будет большинство представителей от буржуазии и помещичьего дворянства. „Вы сами, товарищи, видели, как самодержавие поступало даже с такой думою, в которой не было представителей пролетариата, а были те же дворяне и либеральная буржуазия -I-я дума была разогнана“.

— Товарищи, научившись говорить правду, нам нужно научиться и отстоять ее. А отстоять нашу пролетарскую правду можно только силой. Поэтому каких бы мы представителей ни послали в государственную думу, но, не поддерживая их своею силой, мы ничего добыть не сумеем. Силы у нас много, ее только нужно организовать. Когда наша сила будет организована, тогда мы можем добиться учредительного собрания. Если нам удастся это сделать, то у дверей нашего избирательного зала не будут стоять жандармы, как это мы видим теперь, и вместе с ними исчезает и самодержавие, наградившее нас военно-полевой юстицией, виселицами и расстрелами рабочих и крестьян.

Изложив наши программные требования, я предложил голосовать за кандидатуру Р.С.Д.Р.П. Закончил я свою речь возгласом: „долой самодержавие", „да здравствует учредительное собрание и демократическая республика"!

Жандарм, стоявший на лестнице и слышавший мою речь, только усы покручивал, как сообщил мне потом один старичек.

Вслед за мною выступал еще один рабочий т. Клепинин, поддерживая все выставленные мною требования, он внес предложение голосовать за меня, как за члена Российской Социал-Демократической рабочей партии. После речи тов. Клепинина приступили к заполнению записок с именами кандидатов. Комиссия подсчитала записки и объявила, что кандидатов намечено 4, при чем большинство падает на Шпагина. Поставлены были урны и началась баллотировка шарами,—в результате за члена союза русского народа было положено 5 шаров, за двоих рабочих, принадлежавших к нашей партии, было подано 25 шаров. Остальные около 250-ти были положены за меня. Начальство и охранка, находившие в железнодорожниках послушную скотинку, узнав о результатах голосования, были немало смущены. Рабочие один за другими подходили ко мне и поздравляли с победою. Жандарм, стоявший на лестнице, оказался безсилен что-либо сделать: я был до некоторой степени для него уже „неприкосновенным". Товарищи рабочие, спускаясь по лестнице, смотрели на жандарма Дробинина вызывающе и как бы хотели сказать ему: „Вот мол вам и наша благонадежность..... да, а вот не знаешь, кто из нас голосовал за ваших врагов".

Возвратившись домой, я застал Артема расхаживающим взад и вперед по комнате. Он с нетерпением ждал моего прихода. Завидев меня, Артем подбежал ко мне и, вопросительно глядя, воскликнул:

— Ну, Кувалда, как дела идут в ваших мастерских?

Я вместо ответа вынул из кармана клочек бумаги и, подавая ему, сказал:

— Вот смотри.

Прочитав бумажку, Артем запрыгал от радости. Ему не верилось, что кандидат от союза русского народа мог получить только пять голосов. Затем, хлопая меня по плечу, Артем произнес:

— Ну, Кувалда, теперь готовься к Губернскому съезду уполномоченных. В Мотовилихе тоже успех будет на нашей стороне, добавил он.

Вскоре стали поступать благоприятные для нас сведения и с других заводов Урала.

В конце января должен был состояться съезд уполномоченных. Вся Пермская организация была поставлена, что называется, на боевую ногу. Для делегатов подыскивались соответствующие квартиры; образовался, так называемый, институт землячества; партийные и беспартийные рабочие выходили на ст. Пермь Первая и, встречая каждый приходящий поезд, спрашивали, нет-ли земляков заводских, приехавших на губернский съезд уполномоченных. Приехавших вели на известные им квартиры, беседовали о выборах и о выборщиках. Но охранка со своими шпиками поспевала всюду и чинила нам всякие пакости: вылезает из вагона шпик и ищет „земляков", а по поверке выйдет, что его „земляки" в охранке.

Наконец был назначен и день предвыборного собрания уполномоченных. Для нас важно было иметь на этом съезде не только наше большинство, в нем мы заранее не сомневались. Мы думали только о том, чтобы по рабочей курии не дать ни одного места другим партиям.

В день предвыборного собрания Артем с самого раннего утра находился уже в моей квартире. Подготовляясь к предвыборной кампании, мы приступили к выработке моего плана действий на съезде. Увлекшись выработкой плана, я опоздал к открытию съезда и был остановлен полицией у входа в помещение. Пользуясь отсутствием полицейского пристава, не долго думая, пробиваюсь в зал силою. Вслед за мною явился пристав и потребовал моего выхода. Ему объявили, что собрание еще не было открыто, а поэтому просьба к г. приставу оставить нас. Постояв

с минуту и видя что ему не уступают, пристав вынужден был удалиться за дверь. В действительности же съезд считался открытым и только повестка дня оставалась не оглашенной. Я занялся наблюдением состава съезда, желая хоть сколько-нибудь уяснить возможность тех или иных результатов. Кратковременность моего пребывания на Урале и почти полное незнание его населения мешало мне ориентироваться. Я видел огромное представительство со всех концов необъятного Урала, выразившееся в количестве 200 человек слишком и думал: какая огромная сила этот Урал. Затем мысленно спросил сам себя: неужели нам не суждено будет организовать его в одну могучую армию и броситься с ней в бой против грозных твердынь проклятого самодержавия.

Но вот повестка дня оглашается и на трибуну выходит первый оратор.

Это был Чащин. Войдя на трибуну, он отрекомендовался. Это был рабочий из Надеждинского завода Богословского горного округа. (Мне сразу бросилось в глаза почти полное сходство его лица с лицом Максима Горького). Чащин сперва робко, как бы ища дорогу в тайники души родной ему стихии, и затем найдя ее, стал говорить сильнее и увереннее.

Первое слово, раздавшееся в зале, было слово: Товарищи!

В те времена слово товарищи звучало призывным набатом возмущенной души. Аудитория, услышав его, остановила дыхание и жадно ждала следующие за ним слова.

Товарищ Чащин был один из тех, кому пришлось испытать заключение в Николаевских исправительных ротах в Верхотурском крае. Неудивительно поэтому, что темою его речи была именно Николаевская тюрьма. Он рассказал нам о том, как в этом царском застенке палач Вестюнин предавал наших арестованных товарищей мучительным пыткам.

Следующие за Чащиным ораторы, не менее двадцати, были все рабочие. Военно-полевая юстиция, созданная в период междудумья, давала нам неистощимый материал для подрыва основ самодержавия. Говоря о военно-полевой юстиции, Столыпине и

Щегловитове, они рисовали вместе с тем и ужасы экономического гнета. Многие из них говорили о том, что в их крае и до сих пор еще существует чуть-ли не крепостное право.

В силу своеобразных условий, существовавших на Урале заработная плата была чрезвычайно низкой. Один мусульманин из Бикбарды горько жаловался нам со слезами на глазах, говоря, что их хозяин „Казэль-Паклевска (Козел-Поклевский один из богатейших властителей Урала, бывший член государственного совета) совсем мало дает кушеть“. Мусульманин говорил:

— Работаем много, а кушаем мало, нечем кормить жен и детей. Сами работаем, а детей посылаем по миру. Наша водка не пьет, а на хлеб не хватат.

В заключение своей едва разборчивой речи мусульманин заявил:

— Хозяин богата, ему нада башка кончать.

Никто из говоривших не сумел выразить этой истины так просто, как выразил мусульманин, обутый в лапти и покрытый рваными лохмотьями. Он был награжден громом аплодисментов и возгласами одобрения.

Ораторы сменяли один другого и клеймили позорными именами правительство Николая Кровавого. Слушая бесконечный поток речей, дышавших злобою к поработителям, мне казалось, что это был не просто съезд уполномоченных. Казалось, что настало пробуждение дремавших рабов, сбросивших с себя тяжелый многолетний гнет царей и пришедших сюда для того, чтобы заявить: „в недрах старого мира раждается новый мир и близок час его расправы с царскими палачами“.

Рабочие об Урале.

— Товарищи! Обратите ваше внимание на Урал, говорил т. Ордин от завода Ятес из Екатеринбурга, во что он превращается нашими посессионерами. Наш неистощимый лесными богатствами Урал расхищается самым варварским образом. Если мы не свергнем самодержавия, а вместе с ним и этих крепост-

ников, то наш Урал в скором времени будет превращен в дикую пустыню. На что похожи доменные печи и паровые машины? Разве мы можем конкурировать с каким-нибудь государством, работая допотопными и лыком связанными машинами, и т. д.

В конце речей раздавались возгласы: „долой самодержавие“, „да здравствует учредительное собрание“, „да здравствует демократическая республика“.

Полицейский пристав стоял за дверью, слушая речи рабочих представителей и в недоумении разводил руками.

На дворе уже был вечер. Список ораторов исчерпывался. Мною был составлен свой список выборщиков из товарищей, объявлявших себя большевиками и тех, которые особенно проявляли себя в своих речах.

В самом конце собрания на трибуне появляется человек прилично одетый, в воротничке с галстуком. Речь свою начал, не в пример всем ораторам, спокойным тоном (фамилию его я никак не могу вспомнить). Помню только то, что он, как и все, прежде всего отрекомендовался в качестве рабочего от электрической станции города Екатеринбурга.

— Господа, начал „рабочий“,—здесь перед вами выступало очень много ораторов. Я сделал заключение, что все они принадлежат к рабочим левым партиям. Вопрос, на что я, главным образом, обратил внимание, это то, что они призывали вас к скорейшему захвату политической власти. Партия народной свободы, к которой я имею честь принадлежать, смотрит на этот вопрос практичнее. Она не дает вам в небе журавля, как вот эти, выступавшие до меня ораторы, а стремится мирным путем добиться тех же результатов, а быть может, еще и больших. Вы знаете, что всякая решительная борьба требует прежде всего огромных жертв. Если вы учтете количество этих жертв, то я заранее смею вас уверить в том, что вы не последуете за теми, кто вас призывает к вооруженному восстанию. Я сам являюсь горячим сторонником широких реформ, как в области политической, так и экономической, но... господа, нужно считаться с реальной дей-

ствительностью, а не с бреднями угоревших людей, монополизировавших право защиты интересов рабочего класса.

Появление кадета было так неожиданно, что на первых порах показалось очень интересным выслушать его. Только в конце его речи собрание стало выказывать признаки раздражения и неудовольствия.

— Конституционно-демократическая партия требует ответственного министерства перед представителями народа,— продолжал кадет.

— А кто они, представители ваши?!—послышался голос с места.

Но господин кадет, не смутясь, стал излагать свою программу и закончил тем, что кадеты требуют тоже 8-ми часового рабочего дня, но там, где это будет доказано необходимым. „Для крестьян мы требуем отчуждения земли за справедливый выкуп. В области законодательной мы стоим за постепенное проведение законов, охраняющих права рабочего класса и крестьянства. Мы стоим на постепенном, но верном пути, а не витаем в области фантазии, как это делают крайние левые“, закончил кадет.

Нам с товарищем Ординым, по поручению группы, пришлось вторично взять слово и отчитать, как выразился один, этого кадета.

Моя речь.

— Товарищи! Вы слышали, как только что выступавший господин заявил, что он тоже рабочий. Мне думается, что оспаривать у него этого права назваться рабочим, мы, конечно, не станем. Попробуем лучше разобраться, выгодно ли рабочему классу быть лакеем у буржуазии. Допустим, что сегодня весь рабочий класс России выносит резолюцию с выражением доверия буржуазии. Думаете ли вы, что она будет тронута нашей лакейской преданностью и отдаст нам добровольно все, что мы требуем от нее в течение долгих лет. По мнению выступавшего здесь „кадета из рабочих“, мы, будучи в союзе с их кадетской партией, может достигнуть „даже большего“. Но если вы заглянете

в историю прошлых дней, то там вы увидите, что никогда ни в какой стране не было такого случая, чтобы буржуазия добровольно уступила рабочему классу в его законных требованиях. Напротив, вся история человеческого общества заполнена беспрерывной цепью кровавых классовых битв. Французский пролетариат уже испытал прелесть союза с буржуазией, помогая ей свергнуть феодальную монархию. Пролетариат думал получить от буржуазии свою долю из завоеванных им прав. Вместо этого буржуазия наградила его диктатурой Наполеона. Выступавший кадет говорит, что решительная борьба требует огромных жертв, а поэтому бороться не следует. Но если бы этот кадет посмотрел шире на окружающий его мир, то он и сам убедился бы, что его статистика и в этом месте не верна. Р.С.-Д.Р.П., призывающая пролетариат в бой против царизма и буржуазии, исходит как раз из стремления положить предел бесчеловечному истреблению трудящихся. Р.С.-Д.Р.П. говорит, что капиталистическое общество, в целях укрепления своего политического и экономического могущества, старается держать трудящиеся массы, в состоянии хронического недоедания и нищенства. В результате этого недоедания и непосильного труда получается вырождение, преждевременная смерть сотен, тысяч трудящихся. Вместе с тем развивается эпидемия преступлений, разврата и прочих прелестей, свойственных капиталистическому обществу. Последняя Русско-Японская война уложила сотни тысяч лучших сил нашей страны на полях Манчжурии. Это ли не результат капиталистической системы? Вы, господа кадеты, какие меры предлагаете для предотвращения таких войн? Никаких. Напротив, вы предлагаете продолжать мучения человечества. Мы, члены Р.С.-Д.Р.П., протестуем против существования капиталистической системы. Мы не верим в буржуазные бредни, насчет примирения двух враждующих между собой классов. Мы говорим, что не может быть мира в условиях частно-капиталистических отношений, основанных на эксплоатации человека человеком. Вот почему мы при-

зываем пролетариат и крестьянство объединиться под знаменем Р.С.-Д.Р.П. и низвергнуть царизм и буржуазию.

Товарищ Ордин, выступивший вслед за мною, обратил внимание съезда, что кадет от электрической станции города Екатеринбурга, называет себя рабочим.

„Кадет из рабочих".

— „Кадет из рабочих" доказал нам своим выступлением, что рабочего в нем ничего нет. Факт на лицо; перед нами стоит рабочий, по убеждению кадет. Когда мы обращаем внимание на те условия, в которых появляются подобные „рабочие", то для нас становится совершенно понятным, почему они служат буржуазии, а не рабочему классу. Представьте себе маленькую группу забитых и несознательных рабочих, вроде тех, которые находятся на электрической станции города Екатеринбурга: они трясутся за свои места, стараются угодить своему начальству; из них культивируется особый вид рабочих—это монтеры и старшие, пользующиеся пустячными привилегиями своих господ. Эта категория рабочих, в благодарность за чечевичную похлебку, внушает рабочим мысль о том, что всякий человек является кузнецом своего счастья. В данном случае перед нами как раз и фигурирует один из таких представителей. Если бы этого екатеринбургского „кадета из рабочих" послать к Козелл-Поклевскому и нарядить его в лапти и лохмотья, в которых мы сегодня видели мусульманина из Бикбарды, то я вас уверяю: этот кадет из рабочих был бы с нами и также решительно требовал бы свержения царизма и буржуазии—закончил тов. Ордин.

После этого группа товарищей приступила к составлению списка кандидатов в выборщики и собиралась тут-же, не выходя из зала, огласить его. В этот момент появляется пристав и объявляет о том, что время, данное нам на предвыборное собрание, истекло.

— Господа прошу вас удалиться отсюда,—заявил он.

Начались переговоры, но оказались бесплодными; полицейский чин был неумолим и настойчиво потребовал очистить зал. Послышались голоса возмущения. В результате пришлось подчиниться. Все же пять минут мы получили на закрытие собрания. Уступив нам пять минут, пристав поспешил удалиться. Не успел он захлопнуть дверь, как в зале произошел курьез. Председатель съезда Бараш от Нижне-Уфалейских железнодорожников, объявляя предвыборное заседание съезда закрытым, вдруг ударяя себя в грудь кулаком, обращается к собранию со следующими словами:

— Товарищи, я тоже социал-демократ, а потому предлагаю вам всем голосовать за список Р.С.-Д Р.П.

Нужно отметить, что поведение Бараша, как председателя, наводило многих товарищей на размышления. Услышав такое заявление, мы еще более насторожились.

После закрытия съезда мы попытались устроить совещание. Полиция заявила нам, что собираться кучками не разрешается. Пришлось удалиться. Дорогою мы сговорились итти ко мне на квартиру и там столковаться о кандидатах в выборщики. Прошли не более ста сажен и заметили, что за нами идут агенты охранки. „Дело не вышло", заметил кто-то из товарищей, „может быть нам лучше разойтись, чем подвергаться опасности", добавил он. Услыхав такое предложение, мы, все шестеро, не останавливаясь, условились сейчас же разойтись попарно и, наняв извозчиков, ехать в Мотовилиху. Слуги охранки, увидя нас расходящимися в разные стороны, остановились как бы в недоумении, а затем, удалились во-свояси. Мы наняли извозчиков и через полчаса были в Мотовилихе. Недалеко от станции в одной убогой лачужке мы нашли и Артема. Сделали ему подробный доклад о состоянии дел и представили список кандидатов. Артем просмотрел наш список и внес в него двоих кандидатов от себя: одного от Нижнего Тагила, а другого не помню откуда. Мы спорили с ним, доказывая ему, что выставленные им кандидаты будут

провалены, так как ни один из них на съезде не выступал и рабочие, не зная их, голосовать за них не будут. Артем настоял на своем и внес двоих взамен наших. Составленный список в окончательной форме немедленно был сдан в типографию, и в ту же ночь посредством гектографа был отпечатан в количестве трехсот экземпляров.

Утром на рассвете мы уже были снова в Перми и у входа в избирательный зал раздавали свой список уполномоченным. Другого списка кроме нашего не оказалось. Для большего успеха раздавали список товарищам, обратившим на себя внимание съезда. Когда уполномоченные были все на лицо, городской голова Рябинин, объявляя избирательное собрание открытым, начал объяснять порядок избрания, при чем добавил, что во время избрания выборщиков никакой агитации вести не полагается, в противном случае выборы будут объявлены недействительными Собрание, выслушав все это приступило к предварительному голосованию. Каждый уполномоченный должен был составить список имен желаемых кандидатов, и подать его в комиссию. Все намеченные кандидаты по спискам подвергались баллотировке шарами.

По предварительному голосованию наш список прошел абсолютным большинством. Кроме нашего списка, состоявшего из десяти товарищей, было намечено еще двадцать пять, которые могли баллотироваться. Всего было десять избирательных урн. Наше преимущество оказалось только в том, что мы, получив абсолютное большинство по предварительному голосованию, должны были баллотироваться в первую очередь. Но не всегда бывает выгодно, когда вне списка находятся ярко выделившиеся кандидатуры. Каждый из них, стоя у своей избирательной урны, имеет много шансов быть избранным помимо организованно составленного списка. В данном случа так и произошло. Городской голова, указав всем нам соответствующую урну, предложил уполномоченным подходить к каждому из нас и класть свои шары.

Результаты оказались следующие: первая очередь прошла абсолютным большинством голосов, при чем оказался курьез с моей кандидатурой. За меня были положены все шары за исключением двадцати пяти: это количество как раз совпадало с количеством двадцати пяти кандидатов, которые должны были баллотироваться в следующие за нами очереди. Последние из нашего списка хотя имели абсолютное большинство, но слабое. Наш спор с Артемом оправдался. Внесенные по его настоянию, две кандидатуры, при баллотировке второй очереди, были провалены. Вместо них мы получили Бараша, вторым прошел товарищ Беляев, рабочий из Юго-Камского завода. Он сел баллотироваться по нашему согласию, в противовес сомнительным для нас кандидатам. Третья очередь кандидатов, зная, что из второй прошли только два, восемь же остались за флагом, колебались, следует им баллотироваться или не следует. Между тем в зале послышались голоса: „довольно, выбрали, кого следовало". Между колебавшимися оказался и кадет из Екатеринбурга.

Городской голова Рябинин подошел к кадету и, любезно расшаркиваясь перед ним, стал убеждать его в необходимости осуществления его неотъемлемого гражданского права и долга перед избравшими его гражданами.

— Я предлагаю вам кандидата к вашей урне.

Я встал и заявил городскому голове, что его настойчивое предложение носит характер агитации. Если это так, то разрешите и нам выдвинуть от общего собрания желательных для нас кандидатов.

В зале послышались голоса одобрения и протеста против затеваемой городским головой махинации. При таком настроении наш кадет не осмелился сесть за урну. Сели другие, но все, как выражались в то время, „проехали на вороных"; вся третья очередь получила вместо белых избирательных шаров — черные.

По окончании избирательной процедуры уполномоченные необъятного Урала со всех концов подходили к своим избран-

никам и поздравляли с новым назначением, выражая готовность поддерживать всею силой в тяжелой борьбе с царизмом.

— Товарищи, не забудьте нас,—слышались возгласы, обращенные к нам со всех сторон.

— Когда будете там, в государственной думе, скажите нашим палачам, что мы не хотим жить так дальше, как жили,— произнес один и, вынув из кармана большой лист бумаги, подал его товарищу Чащину.

— Вот вам наказ от нижне-тагильцев.

За ним потянулись и другие. Развязывали бережно сложенные тетрадки наказов. В них были изложены требования 8-ми часового рабочего дня и т. д. жалобы, на беспощадную эксплоатацию владельцев Уральских заводов. В редком наказе не заключалось требования Учредительного собрания и демократической республики.

Наконец, городской голова, видя, что разговоры наши принимают форму митинга, обращается ко всем с просьбой удалиться из помещения, оговариваясь, что ему будет неприлично, если полиция узнает, что в его присутствии велись такие беседы. Выслушав заявление городского головы, мы все десятеро вышли из зала городского собрания и направились в редакцию „Камского Края“ сообщить о результатах избирательной кампании по рабочей курии.

Будучи заинтересованы личностью Бараша, мы спросили его, наконец, что он—большевик или меньшевик. Не долго думая, Бараш заявляет самым невозмутимым тоном, что он не большевик и не меньшевик, а социалист-революционер. Мы невольно переглянулись. Как-бы думая, что Бараш пошутил, мы еще раз переспросили. Он ответил нам еще и второй раз тоном далеко не шутливым, а поэтому нам пришлось убедиться в том, что Бараш действительно социалист-революционер.

— Но ведь это подло,—заметил кто-то из нас.

— Никакой подлости я в этом не признаю,—возразил он.— Если я вижу, что под флагом социалистов-революционеров мне

не пройти, то я, памятуя известное изречение: цель оправдывает средства—взял и прошел под вашим флагом.

— Думаете ли вы, товарищ Бараш, что ваша цель и цель обманутых вами избирателей—одна и та же?—спросил я.

Он ответил утвердительно.

— У нас с вами только пути разные к этой цели.

— Почему же вам открыто не звать ваших избирателей на лучший по вашему мнению путь,—задал вопрос товарищ Болховский.—Это одно, а во-вторых у нас нет гарантии за то, что вы на губернском съезде не окажетесь кадетом—продолжал он,—который тоже говорит, что конечная цель человечества—полное примирение, т. е. социализм. Но их путь, как мы видим, ведет не к социализму, а к укреплению капитализма.

— Мне думается, что вы, товарищ Бараш, и нижнеуфалейских железно-дорожников взяли обманным путем, заметил товарищ Ордин,—вам не мешало, кстати, захватить от ваших эсеров и мандат на право обмана съезда уполномоченных, а то, я полагаю, что вы этим не запаслись,—добавил он шутя.

Бараш, поняв, что поступку его дана довольно низкая оценка, шел за нами молча, не отвечая на шутки и ядовитые реплики, направленные по его адресу.

В редакции „Камского Края" мы сообщили, что съезд уполномоченных по рабочей курии избрал десять выборщиков, при чем все выборщики по партийной принадлежности являются левыми прогрессистами, за исключением одного, который прошел под именем социал-демократа, но сказался эсером. Редактор был в затруднении и отметил всех, как левых прогрессистов.

Губернский съезд выборщиков.

Конец января прошел в самой оживленной работе по подготовке к губернскому съезду выборщиков. Политическая борьба шла по всему фронту.

Даже наивный обыватель, сидя в пивной за бутылкой пива и обводя облуждающим взглядом присутствующих, старался най-

ти в них собеседника на тему о государственной думе. Вместе с тем нередко можно было наблюдать и следующее. Сидят два приятеля и делятся своими впечатлениями по поводу только что полученных сведений из „Камского Края", а за следующим столиком сидит „приятель" из охранки. Склонившись над стаканом пива, он жадно вникает в смысл обывательских рассуждений. Первые, ничего не подозревая, порой касаются слишком высоких материй. При слове „самодержавие", „Витте", „Столыпин", охранник еще ниже наклоняется к стакану и мечтает о том, как бы ему не выпустить эту добычу из своих рук. Приятели, наговорившись досыта, наконец, встают и расходятся по домам. Охранник же, соображая, что имеет дело с крупной добычей, тоже срывается со своего места и в результате оказывается в дураках: в погоне за мелкой рыбешкой зачастую проглядывал настоящую „крамолу".

Но вот наступает февраль месяц. Со всех концов Урала в Пермь начинают съезжаться выборщики. Суетливые репортеры „Камского Края", исполняя поручение своих господ, шныряли по гостинницам и по постоялым дворам, стараясь расположить крестьян к кадетской партии. Черная сотня, находясь под покровительством полиции и жандармерии, проникала свободно повсюду.

Нам все же удалось связаться с крестьянами. Все выборщики, принадлежащие к Р.С.-Д.Р.П., прибывая в Пермь, старались помещаться вместе с крестьянскими выборщиками и там вели свою работу. В силу своеобразных условий существующих на Урале, многие крестьяне знакомы с пролетарскими массами заводов. Кроме того, имея землю в недостаточном количестве, они часто были вынуждены идти в эти заводы на заработки и подвергаться той же беспощадной эксплоатации посессионеров. Неудивительно поэтому, что, столкнувшись с ними, мы нашли среди них ярых сторонников Р.С. Д.Р.П. Правда, с марксистским мировоззрением было немного, но, все же, они оказали нам огромную помощь в деле объединения с нами крестьян против

союза русского народа. Наша истина, повторяемая человеком, одетым в кафтан с фантами или шубу, имела порой большой успех. Однажды вечером, за четыре дня до выборов в государственную думу, Артем пришел ко мне на квартиру и заявил мне, что надо оставить работу в мастерских и заняться проведением бесед с вновь прибывающими выборщиками. Обменявшись новостями дня, Артем, глядя на меня в упор, вдруг задает мне вопрос:

— Кувалда, что ты скажешь на то, если мы выберем твою кандидатуру в члены государственной думы. Хватит ли у тебя духу выдержать все то, что может последовать в случае разгона думы?—Снова спросил он.

Нужно сказать, что об этом мы с Артемом говорили и раньше, но все эти разговоры носили характер шутки или просто так, к слову о том, что, пожалуй, не мешало бы подумать и об отъезде из Перми. Охранка что-то слишком много стала уделять внимания нам. Беседуя об этом, Артем отделывался, как я уже сказал, шутками.

— Нет, Кувалда, ты не уезжай из Перми. Ну какая разница, если ты будешь раньше или позже сидеть в тюрьме—в Перми, В Нижнем-Новгороде или Самаре.

— Если ты сядешь здесь в Перми, до выборов в государственную думу, то мы постараемся провести тебя в кандидаты,— говаривал он и раньше.

Однако этого не случилось. Тюрьма осталась впереди. Случилось же то, что Артем серьезно поставил вопрос о моей кандидатуре в члены государственной думы. На этот раз, выслушав предложение Артема, я был немного смущен и не сразу мог дать ему тот или иной ответ.

— Быть в роли делегата не так-то уж легко, заметил я. К тому же ты сам знаешь, что у меня подготовка не особенно грамотная.

— Ну, на этот счет не беспокойся, возразил Артем,—а вот насчет семьи, которая может остаться—вот вопрос. Впро-

чем оставим это до завтрашнего дня, может быть, ты сам найдешь, как лучше все это устроить.

С этими словами Артем вышел от меня.

На следующий день почти все выборщики были уже в Перми. В квартире Наговицына было устроено нечто вроде предварительного совещания, которое имело нелегальный характер. Тут были выборщики от уездных городов, прошедших по городской курии и от крестьян, от каждого уезда понемногу. Совещание было собрано с целью ознакомления с физиономией съезда. Это одно. Во-вторых, необходимо было, хотя приблизительно, выяснить вопрос о количестве депутатов от различных политических партий. Вершителями судеб съезда несомненно были крестьяне. Поэтому нам пришлось уделить чрезвычайно много внимания именно им. Социал демократическая фракция съезда состояла из тридцати пяти человек. Кадеты насчитывались до сорока пяти человек, остальная часть съезда, более чем сто человек, состояла из эсерствующих крестьян. Между ними были и сочувствующие соц.-демократам. Эсерствующее крестьянство не выделилось в самостоятельную фракцию, оно решило итти в общей массе с трудовиками. Когда был произведен приблизительный подсчет, оказалось, что все три группы находятся в зависимости одна от другой. Поэтому, если не сговориться заранее, то выборы могли быть чреваты случайностями вроде того, что кандидаты союза русского народа могли пройти, во всяком случае, относительным большинством. Решили попытаться отколоть эсерствующую и эсдэкствующую часть крестьян от безличной беспартийщины. В результате нам удалось добиться заранее определенного большинства. Вопрос о распределении мест был отложен до следующего дня.

На следующий день, то-есть 6-го февраля, в здании бывшей казенной палаты состоялось предвыборное собрание выборщиков. Если на съезде уполномоченных пролетарского Урала царило полное единодушие, то здесь этого единодушия, конечно, не было, да и нельзя его было ожидать. Тут встретились уже две вечно

враждующие между собою силы: представители старого отживающего самодержавно-полицейского строя и представители нового мира, самоотверженно пробивающие дорогу к свободному развитию своих сил.

Крепостническая бесшабашная черная сотня выступила против нас. Чем решительнее и озлобленнее были их нападки, тем больше мы выигрывали. Все эти Грум-Гржимайлы, Новодворские нисколько не думали о том, что, нападая на нас, доказывали свою непримиримость с новыми формами государственного бытия. Мы указывали крестьянам, именно на эту непримиримость уральских крепостников. Дворянин Новодворский, возражая на мою речь, направленную против дворянства, обращаясь к крестьянам, начал перечислять заслуги дворянства в прошлом. Он начал от декабристов вплоть до „великой реформы“ 60-х годов. Выступая второй раз против Новодворского, я невольно вспомнил басню Крылова, как гуси Рим спасли. Отметив благородный подвиг декабристов, боровшихся за освобождение крепостной трудящейся массы, я тут же спросил Новодворского, кто этих великих людей сослал в Сибирские тундры, сковал им руки и ноги железными цепями? „Не вы ли, господа дворяне. А другая часть декабристов не вашими ли белыми руками была повешена: Пестель, Рылеев, Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин и Каховской. Если не вы это делали, то от вашего имени и во имя вашего благополучия. С тех пор российское дворянство засвидетельствовало себя в качестве великого мастера не по улучшению быта трудящихся масс, а по усовершенствованию виселиц и тюрем для них. А о „великой реформе“ 60-х годов ваши слова звучат иронией. Да вы и сами великолепно знаете, что, освободив крестьян от крепостной зависимости, вы, во-первых, дали им мало земли, а во-вторых, эта земля оказалась самой худшей, которая для многих крестьян была только обузою. В результате получалась не великая реформа, а великое надувательство. Поэтому вы, господа дворяне, напрасно изволите обижаться на то, что крестьяне центральных губерний России причинили

вам в этом году так много неприятностей, уничтожая ваши имения. Нам думается, что крестьяне, соединившись с рабочими, не забудут захватить ваши имения и добраться и до вашей дворянской милости".

Выступавшие вслед за мною т.т. Петров из Екатеринбурга, Матвеев, П. А. от Перми, Чащин и Ордин продолжали в том же духе, разоблачая реакционное крепостническое дворянство и лицемерных кадетов. Необходимо отметить и выступление кадета Мамина (брат Сибиряка), который, как я уже говорил, прошел в выборщики от Екатеринбурга, благодаря „разъяснительной политике" „его превосходительства". Мамин, прибыв в Пермь, сразу попал на предвыборное собрание, и, очевидно не сговорившись со своими друзьями, выступил против нас с речью. Содержание ее нисколько не отличалось от речей черносотенных погромных рыцарей того времени. Увлекшись в излиянии всякой мерзости на наши головы, Мамин обнаружил истинную физиономию партии народной свободы. Даже беспартийные крестьяне, слушая его речь, дышавшую злобою и клеветою, только качали головами и спрашивали: „откуда он сорвался?". Вслед за ним выступал доктор Иванов, также кадет. Попытка его, сгладить создавшееся настроение, оказалась безуспешной. Крестьяне продолжали рассуждать: „какая же это партия народной свободы, члены которой говорят речи хуже, чем ярый монархист—Новодворский". Много говорилось на съезде и о знаменитом Екатеринбургском черносотенном Козицине, он приезжал вместе с Маминым и тоже по милости „разъяснительной политики" проведен за счет наших социал-демократических кандидатур. Выступление Козицина произвело впечатление балаганщины. В зале слышался смех и выкрики вроде: „почему вы, г. Козицин, будучи погромных дел мастером не едете в Белосток или Кишинев" и т. д. Таким образом перед губернским съездом, как в калейдоскопе, отразились программы всех политических партий того времени.

Заканчивая предвыборное собрание, мы решили сформировать кое-что вроде бюро, в состав которого должны были войти представители крупных групп съезда. Задачей этого бюро было решить вопрос о количестве мест от каждой политической партии. Соотношение сил было уже выявлено: наша социал-демократическая фракция, несмотря на свою малочисленность, даже в сравнении с кадетской, потребовала три места; кадетской (на десять человек больше нашей) — соглашались дать только одно место. В данном случае мы опирались на крестьян, которые почти единогласно уверяли нас в том, что они согласятся лучше дать еще одно место нам, но не кадетам. После долгих прений, кадеты, наконец, помирились, выпросив еще одно место для представателя от вновь зародившейся партии—народных социалистов. Эта кандидатура была выдвинута в качестве представителя от партии народных социалистов персонально — это был Баскин, статистик, известный ученый Урала. Остальные места были разделены следующим порядком: трудовикам—4 места, эсерам—4, социал-демократам — 3, кадетам — 1 и народным социалистам — одно место. Всего тринадцать человек. Кроме всех указанных групп, была еще одна, состоявшая из крестьян, монархистов и мещанского элемента. Определенной политической окраски у нее не было. Последними вошли в эту группу крестьяне. Они выявляли свою физиономию, каждый „по потребности". Эта публика тоже просила дать ей хотя одно место. В эту группу всяких течений вошел уже известный Бараш. Петров социал-демократ (большевик), будучи осведомлен о поведении Бараша на съезде уполномоченных, выступил и разоблачил его игру. После этого даже эсеры отвернулись от такого соратника. Поэтому ему ничего не осталось как приютиться в этой группе. Группа насчитывала в своих рядах семьдесят пять человек. Общее количество выборщиков было двести человек. Сговорившись относительно количества кандидатов в депутаты от каждой партии, мы закончили предвыборное собрание.

В этот же вечер в центральных номерах, у главаря пермских черносотенцев—Шайдурова, наша фракция С.-Д. устроила совещание. Пришел сюда и Артем. Агентам охранки и полиции никак не могла прийти в голову мысль, что у их соратника Шайдурова могло быть собрание крамольников. Артем открыл собрание и, объявив повестку дня, предложил приступить к обсуждению кандидатур. Предварительно был поднят вопрос, следует ли принимать во внимание признак территориальности, или руководствоваться личными качествами выдвигаемого кандидата. Решено было, по возможности, совместить оба признака. В первую голову был выставлен т. Петров от Екатеринбурга, вторым Чащин—от Надеждинского завода, третья кандидатура была моя—от Пермских железнодорожников. Кроме нас еще были выдвинуты т. Ордин—от Екатеринбурга, Тронин—от Мотовилихи, Болховский, кажется, от Бисерских или Чусовских железнодорожников и Карелин—от Мотовилихи. Выбор фракции пал на т.т. Петрова, Чащина и на меня.

На следующий день, 7-го февраля, в помещении бывшего Губернского земства, должно было состояться, наконец, последнее собрание. Для руководства и наблюдения за выборами губернатором был откомандирован „чиновник особых поручений". Познакомив общее собрание с соблюдением всех формальностей, он предложил приступить к осуществлению прав по избранию своих представителей. В зале наступило гробовое молчание. Каждый, взяв заранее составленный список кандидатов, списывал их в свой и молчаливо опускал его в урну. Казалось, что все примирились. Даже члены союза русского народа, лишенные места, и те, взяв наш список делали из него выписки, вставляя вместо социал-демократических кандидатов—своих. Вдруг среди этой тишины раздался стук в двери. Появился черносотенник Козицин. Чиновник особых назначений сделал вид, что не замечает нарушения закона: положение о выборах гласило, что „всякий опоздавший к началу избирательной процедуры должен быть удален с собрания". Предводитель черносотен-

ников хорошо знал об этом. Потерпев полное поражение, он вошел в зал с провокационной целью. Этот маневр был замечен во время. Баскин, видя бездействие чиновника особых поручений, встал и заявил последнему о том, что в зал вошел посторонний человек.

— Я прошу вас принять меры к его удалению,—добавил он.

Положение чиновника было незавидное. Козицин был для него дороже всех собравшихся, чужих ему по духу людей. Но все же вынужден был обратиться к своему другу с просьбою выйти из зала. Черносотенный рыцарь оставался глух на первое предложение чиновника, и лишь при повторении и более настойчивом требовании он встал со своего стула, находясь вне себя от злобы и бессилия. Размахивая руками, протестуя и сквернословя по адресу всех собравшихся, направился он к выходу. В зале раздался смех и возгласы, кто-то крикнул:

— Иди к его превосходительству, чаю напейся.

Проводив непрошенного гостя, собрание продолжало свою работу. Кончилось тем, что весь список выставленных кандидатов в члены государственной думы был проведен абсолютным большинством голосов. Избранными оказались следующие лица: от трудовиков—Зырянов, Захаров, Тимачев и Максимов; от эсеров—священник Колокольников, Сигов, Ершов и Кабаков; от Р.С.Д.Р.П.—Петров, Чащин и Шпагин; от кадетов—Мамин и от Н.-С.—Баскин. Всего тринадцать человек.

В заключение не лишним будет указать на следующий факт. Когда крестьяне увидели в нашем общем списке Мамина, то подняли форменный бунт. Они заявили, что за него голосовать не будут. Спрашивали их:

— Почему вы не будете голосовать за него?

— Да какой же он кадет?—слышалось со всех сторон,—ведь это сущий черносотенец.

Мы разъяснили крестьянам, кто такие кадеты.

— Если Мамин выступал как черносотенник, то еще не значит, что он не кадет и вина его заключается только в том, что он откровенно выразил мнение всей своей партии. За это мы должны ему сказать только спасибо, а вам рекомендуем не верить льстивым речам других кадетов, действующих умнее Мамина.

Мамин, находясь в избирательном зале, слышал все эти разговоры крестьян, а садясь во вторую очередь к избирательной урне, совершенно не был уверен в том, что будет избран.

Крестьяне продолжали возмущаться, предлагали нам взять еще одно—четвертое место. В виду такого предложения в нашей фракции произошло маленькое замешательство, и только напоминие о партийной дисциплине удержало одного из товарищей, желавшего сесть баллотироваться.

Мамин прошол в депутаты ничтожным большинством голосов. Когда чиновник объявил Мамину результат голования, он, подойдя к нашей группе, произнес взволнованным голосом:

— Господа! верите вы мне или нет, после того как я вас поносил, я не ожидал такого благородства с вашей стороны. Теперь я сам убедился, что у вас есть дисциплина и твердая непоколебимая воля,—добавил он.

На это тов. Петров заметил Мамину:

— Если вы раньше смотрели на нас плохо, это для нас не секрет. В простом же выполнении заключенного с вами условия совсем не собираемся видеть какого-то подвига, достойного вашей похвалы.

На этом их беседа и закончилась. Дальше пошли поздравления, различные пожелания депутатам. Чиновник особых поручений, и тот счол своим долгом подойти и выразить чувство удовлетворения, конечно, не нам, а тем, кто так яростно боролся с нами.

Закон гласил, что „народный представитель является личностью неприкосновенной". Хорошая штука — подумал я на другой день своего избрания и решил тотчас же использовать эту неприкосновенность применительно к потребностям тех, кто меня

избрал. Пошел я в Любимовский завод и во время обеденного перерыва устроил там митинг. Поговорив пятнадцать-двадцать минут, предложил т.т. рабочим составить наказ. Предложение было принято. Решили, что в день моего отъезда вручат мне наказ. Полиция, узнав о митинге, не замедлила явиться в завод, но рабочие уже успели разойтись. Полиции ничего не оставалось делать, как только проводить меня почти до самой квартиры. Таким образом неприкосновенность моя выразилась только в том что я не был взят за шиворот и не притащен в участок, как это делалось с простыми смерными. Возратясь к себе я заглянул в закон, могу ли я иметь честь быть сопровождаем полицией. Читаю и нахожу разъяснение: каждый депутат, захваченный на месте преступления, может быть задержан и привлечен к ответственности. Принимая во внимание, что в России существует самодержавие, устройство митинга с революционными речами, несомненно, является актом преступным. В результате оказалось, что никакой неприкосновенности нет да и быть не могло. Я только депутат, собиравшийся итти в царскую думу. Спрашивается могла ли быть гарантия за неприкосновенность представителя революционного пролетариата в учредительном собрании, за которое мы боролись. Ответ ясен: поскольку в нем буржуазия могла быть в большинстве, постольку будут ограничены неприкосновенность и свобода действий для революционного пролетариата вообще и для его представителей в частности. Значит, остается одно—диктатура пролетариата. А если и там не будет дано этих гарантий, то во всяком случае только для буржуазии, а не для пролетариата.

Пришлось мириться с уделом бесправия и преследования со стороны полиции и шпионов охранки. На следующий вечер отправился в Заозерский затон для проведения митинга для судовых команд. Мне пришлось предварительно сбить с толку следивших за мною шпионов. В затоне я, в сопровождении т. Бурдина-Сормовца (соратника по сормовским баррикадам), направился в одну зимовку. Оттуда вместе с т. т. рабочими пошли в

лес. Стоя в глубоком снегу, проводил митинг. Темой дня была все та же государственная дума. Многим рабочим дума представлялась в качестве спасителя.

Приходилось бороться с этими иллюзиями, объясняя всю беспомощность думы, созываемой на основе цензового права. Митинг затянулся далеко за полночь; пришлось ночевать в одной из душних зимовок набитой людьми; некоторые буквально поедались насекомыми. Утром узнал, что кооптирован в Пермский комитет Р. С.-Д. Р. П. и вечером должен был явиться на заседание комитета. Собрались в квартире Марии Загуменных. Решали организационные вопросы. На первом же заседании пришлось принять участие в решении вопроса о товарище Матвееве, который, вопреки постановлению комитета Р. С.-Д. Р. П., вошел в блок с кадетами, в виду якобы грозившей опасности со стороны черной сотни. В результате даже кадеты получили от Пермской губернии из тринадцати—одно место. Отсюда видно, что предположения меньшевиков не оправдались. Даже больше того, результаты избирательной кампании превзошли наши ожидания.

Принимая во внимание обстоятельства выборов и факт нарушения партийной дисциплины со стороны товарища Матвеева, Пермский комитет в составе Марии Загуменных, Артема и меня постановил удалить тов. Матвеева из рядов Р. С.-Д П. Р.

Рассматривали еще несколько вопросов текущего порядка. Это было мое первое и последнее заседание в Пермском комитете, последняя совместная работа с Артемом.

В этот же вечер, за чашкою чая, Артем, с присущей ему веселостью, рассказывал о своих столкновениях с полицией в бытность свою в Харькове. Затем он спросил:

— Кувалда, как ты думаешь на тот случай, если бы полиция узнала, что мы сидим вот здесь и захватила бы нас с протоколами в руках.

— Ну чтож,— ответил я,— вас с Маней Загуменных, вероятно, отправят на новую картиру немедленно, а меня на основании закона о неприкосновенности, туда же, но немного позднее.

Однако в этот раз обошлось все благополучно.

Дней пятнадцать спустя после моего отъезда в думу Артем был арестован вместе с Маней Загуменных. Просидели они в Пермской тюрьме до апреля месяца, а потом были отправлены в Николаевские роты.

В день отправки Артема из Перми моя жена пошла к тюрьме и видела, как Артем вместе с другими товарищами вышел из тюремного двора, окруженный конвоем с шашками наголо... Увидев мою жену, он, как и раньше, улыбнулся во все лицо и бодро зашагал туда, откуда редкий возвращался не искалеченный физически и нравственно.

На банкете.

В последние дни моего пребывания в Перми, 11-го или 12-го февраля, в 4 часа дня ко мне приехал Иванов, бывший старший врач Александровской больницы. В кратких чертах он сообщил мне, что прогрессивная часть граждан, избирателей города Перми решила сегодня устроить банкет в честь отъезжающих депутатов: Баскина и Колокольникова. Эти же граждане просят и вас прийти к ним на чашку чая. Предложение это для меня было так неожиданно, что сразу не мог дать определенного ответа. Прежде всего у меня мелькнула мысль, что граждане-избиратели, приглашавшие меня хотя и прогрессивного течения, но все же они не мои избиратели; а во вторых, им хотелось видеть меня не потому, что симпатизируют и желают выслушать мое мнение, а просто из любопытства. Думая так, все же даю Иванову согласие притти. В 7 часов вечера в доме городского собрания я увидел, что гости все уже были за столами и ждали своих депутатов. В глубине корридора я встретил Баскина с Колокольниковым. Врач Иванов, находившийся тут же, занялся распределением порядка наших выступлений. Первым должен

был выступать Иванов, как организатор банкета, и выборщик, вторым—Баскин, а за ним Колокольников. Лишь теперь, когда я пишу эти строки, невольно приходит в голову мысль, что такой порядок наших выступлений имел символическое значение в истории не только Пермской, но и всероссийской за последние двадцать лет. Конечно, это было простое совпадение, но история шла именно таким путем. Сперва выступали на арену общественной деятельности кадеты, за ними эсеры с их спутниками, блуждавшими без кормила и ветрил в волнах исторического океана; затем власть взяли мы.

При нашем входе в общий зал многие гости встали со своих мест и аплодировали. Яркое освещение, богато убранные столы, роскошно одетые дамы—все это указывало, что я здесь не свой человек.

Работая с двенадцати лет у верстака и станка, мне ни разу не приходилось испытывать чувства зависимости от кого-либо. В этом ярко освещенном зале я почувствовал, что теряю эту независимость. Немного справившись, сажусь вместе с Баскиным и Колокольниковым.

Минуту спустя, встает Иванов и от имени граждан, избирателей города Перми, провозглашает здравицу вновь собравшейся думе. „Если первая дума была думою народного гнева, то вторая дума должна быть думою народной мести", заявил Иванов. „Первая дума умерла", продолжал он, „но она живет. Наши депутаты второй думы должны возвратиться со щитом или на щите". Вот как воинственно рассуждал кадет Иванов на банкете. Дальше он повторял излюбленные в то время кадетские слова: „если не удастся взять правительство Столыпина штурмом, то мы возьмем его осадою". После Иванова выступали Баскин и Колокольников. Их речи носили больше агитационный, чем программный характер. Правда, Колокольников часто произносил слова: „земля и воля", „трудящиеся", а как эту землю и волю добыть, об этом эсерствовавший Колокольников не сказал. Зато граждане избиратели были чрезвычайно довольны и дружно

аплодировали всем трем ораторам. Я выслушал всех выступавших и был доволен, что могу говорить и еще раз указать на лицемерие политики кадетов и бредни эсеров. Эти две политические группы имели в то время очень много точек соприкосновения между собою, если не программных, то во всяком случае по вопросу об элементах, входивших в состав той и другой партии. Если кадеты правым крылом врезались в крупно-капиталистический мир, то левым крылом они глубоко входили в состав тех же элементов, на которые хотели опереться и эсеры. Таким образом, найти границы между ними иногда являлось предприятием совершенно безнадежным. После речи Колокольникова я встал и направился к трибуне. В этот момент я уже забыл, что являлся здесь гостем, я думал не о том, что скажут прогрессивные избиратели о моей речи, а думал о том, что необходимо сейчас требовать для рабочих. Прежде всего я выразил сожаление, что, будучи избран пролетарскими массами, я все же не имею возможности говорить перед ними открыто, как буду говорить сейчас.

В „Камском Крае" на следующий день было отмечено только то, что позволила цензура. Речь же моя сводилась, главным образом, к критике кадета Иванова. Останавливаясь на нем, я говорил: „Если вы, господа кадеты, провозглашаете здравицу второй государственной думе и желаете существовать ей долгие лета, то это означает, что пролетариату и безземельному крестьянству будет плохо. Дума, как таковая, созванная на основе цензового права, и в большинстве своем состоящая из представителей враждебно относящихся к пролетариату и крестьянству, разумеется, ничего дать не может. Кроме думы существует еще государственный совет, который состоит из реакционного дворянства, помещиков, крупных фабрикантов и заводчиков.—Крестовникова и Козелл-Поклевского и т. п., дальше, статья 87-я основных законов, в силу которой верховной власти в лице царя предоставлено право отменять тот или иной законопроект, одобренный думою. Допустим, что дума проведет закон о 8-часовом рабочем дне для рабочих и об отчуждении помещичьих и других земель в пользу

крестьянства. Две следующие за думой инстанции несомненно похоронят эти законы. Если 2-я дума будет настаивать, то ее постигнет та же участь, что и первую—разгон. В этом мы не сомневаемся, в этом убеждены и сами кадеты. Не даром на страницах вашего центрального органа „Речи“ брошен лозунг: „берегите думу“. Беречь думу, это значит отказаться от всех требований, предъявленных царскому правительству первой думою. Требования же первой думы, насколько нам известно, были далеко неудовлетворительны для широких масс пролетариата и крестьянства. Тем не менее вы и от них отказываетесь. Теперь, когда я слышу здесь слова о „народной мести“, „о щитах и штурме“, то мне думается, что они сказаны ради праздника. Если вы действительно хотите мстить царскому самодержавию, то почему вы не призываете реальную силу и не ведете ее на штурм этого самодержавия. Вы утешаете нас тем, что собираетесь вести осадную войну с ним. Это тоже хорошая вещь, но только для сытых людей, запасшихся большим количеством провианта. Ведь можно растянуть осадную войну на десять—двадцать и более лет. Пролетариат и безземельное крестьянство, умирающие с голода, долго ждать не могут. Руководствуясь такими соображениями, мы говорим, что осадная война нам невыгодна. Затем, не исключена возможность вылазок во враждебный широким массам лагерь со стороны партии народной свободы и обратно, с целью сторговаться за счет пролетариата и крестьянства. Вы не забываете направлять свои удары против революционного пролетариата, называя его борьбу за учредительное собрание безумием. Вам государственная дума нужна для того, чтобы сторговаться с самодержавием, и подновить его, путем введения в состав полицейского правительства новых людей из партии народной воли. Мы тоже идем в думу. Но мы идем не с радужными надеждами на возможность законодательствовать, мы идем туда для того, чтобы еще раз с высоты ее трибуны заявить всему угнетенному пролетариату и безземельному крестьянству о том, что дума, состоящая из буржуазии и помещиков, ничего дать им не может.

Я повторяю здесь наш клич: долой самодержавие, да здравствует учредительное собрание и 8 ми часовой рабочий день! Да здравствует демократическая республика!

Присутствующие ответили на мою речь глубоким молчанием. Только группа молодых людей, стоявших в стороне от гостей, аплодируя, запела марсельезу. Я почувствовал, что и в этом кругу я не так уж одинок. За марсельезой последовала „Варшавянка". Условившись с Колокольниковым о дне нашего отъезда из Перми, я удалился с банкета.

Митинг в железно-дорожных мастерских.

Накануне отъезда в думу я сообщил в мастерские о желании устроить митинг. Не прошло и полчаса времени как рабочие всех цехов были уже на канаве сборного цеха. Поговорив на тему о государственной думе, о ее значении в истории революционного движения, о ее задачах вообще и о задачах фракции Р.С.-Д.Р.П., я призывал т.т. рабочих быть на страже. Повторяя еще раз, что решающая роль принадлежит пролетариату. Затем был прочитан наказ, с неизменными требованиями учредительного собрания, 8-ми часового рабочего дня и демократической республики. Все эти требования были настолько широко популяризированы, что, в конце концов, в сознании т.т. рабочих перестали носить характер преступности. Напротив, привлечение к ответственности за поддержку этих требований было для них более непонятно, чем безнаказанность. Это обстоятельство тут же сказалось.

Рабочие один за другим стали подписывать свои имена под наказом. Вдруг неожиданно появляется жандармский ротмистр Ружицкий.

Я моментально направляюсь к табуретке с намерением взять подписные листы. Но поздно. Ружицкий одной рукой хватает подписные листы, а другую, вооруженную револьвером, направляет на меня. Я протестую против произведенного надо мною насилия и заявляю, что это подлость. Но это только слова. За-

ряженный револьвер в его руках являлся в то время самым убедительным аргументом. Пришлось подчиниться семизарядному закону, находившемуся в то время в руках жандармского ротмистра. Вместе с тем я почувствовал все свое бессилие и ничтожество, почувствовали это и т.т. рабочие, не успевшие разойтись. То там, то тут, слышались негодующие возгласы. Ружицкий с гордо поднятой головой и сознанием своего достоинства и силы встретил негодующие голоса т.т. рабочих злобной улыбкой. Затем он обратился ко мне:

— Если вам угодно получить эти листы, то будьте любезны зайти вместе со мною в жандармское отделение и там, вероятно, вам их отдадут; теперь же нам необходимо составить протокол.

Необходимость получить подписные листы заставила меня итти в жандармское отделение станции Пермь I. Я, конечно, был уверен в том, что подписных листов мне не отдадут. В отделении я встретил князя Путятина. Увидев меня и Ружицкого, он быстро встал с своего места и с жандармской любезностью пригласил сесть к его столу. Ружицкий подал ему наказ, листы и удалился в другую комнату. Оставшись с Путятиным наедине, я снова протестую против учиненного надо мною насилия, обещая довести об этом до сведения государственной думы. Путятин, выслушав мое заявление и требование о возвращении наказа, ответил, что ему необходимо прежде всего с ним познакомиться. Он быстро пробежал наказ и спросил меня, обязуюсь ли я отстаивать все, выставленные в нем требования.

— Да, я обязуюсь отстаивать и проводить эти требования в жизнь — ответил я.

— Но каким путем вы хотите осуществить их? — следовал снова вопрос.

Отвечаю:

— Все эти требования будут предъявлены правительству с трибуны государственной думы.

— Ну, а если правительство не удовлетворит ваших требований, то каким путем вы думаете проводить их в жизнь, произнес Путятин, пытливо уставив на меня злобно сверкающий взгляд.

Лицо его то краснело, то багровело, правая рука его тряслась, буквы в протоколе стали выходить неровными. Я ответил, что „пока единственным средством у нас является предъявление требований, что будет дальше, об этом я не считаю нужным сообщать вам". На этом беседа с Путятиным закончилась.

Наказ не был мне возвращен.

Выйдя из жандармского отделения, я направился в редакцию „Камского Края" и, сообщая редактору Чердынцеву обо всем случившемся, просил его сделать маленькую заметку об этом. Чердынцев развел руками и заявил, что у него уже „денег не хватает на взносы штрафов". В данном случае, как он выразился, ему грозило нечто более, чем штраф.

— Вы вот ничего не знаете, обратился он ко мне,— досадно махнув рукой,— а меня сегодня уже спрашивали, для чего я поместил заметку о том, что вы с отцом Колокольниковым завтра отъезжаете в Петербург. Да... вот оно проклятое житье печатного органа, находящегося каждый час под Дамокловым мечом,— произнес он в раздумьи.

Я вышел от него в самом подавленном состоянии.

Демонстрация 14 февраля 1907 года.

Демонстрация Пермского пролетариата 14 февраля 1907 г., была одной из грандиозных демонстраций. Необходимо добавить, что она была последняя демонстрация того периода, сверкнувшая как луч заходящего солнца на фоне черной реакции. Население города Перми и Мотовилихи было широко оповещено через „Камский Край" об отъезде депутатов во 2-ю думу в Петербург. Проверяя насколько осведомлены рабочие о нашем отъезде, я пошел в Мотовилиху. Около ворот Мотовилихинского завода собралось несколько сот рабочих. Я сказал краткую речь и просил их передать остальным товарищам о том, что сегодня в 12

часов ночи уезжают депутаты в думу и необходимо поэтому всем рабочим собраться на вокзале для заслушивания наказа, вручаемого т.т. рабочими. Рабочие обещали прийти.

Уже в восемь часов вечера было видно, как из города и Мотовилихи потянулись вереницы рабочих, направляясь к станции Пермь I-я. Шли старые и молодые. Среди рабочих можно было заметить и учащуюся молодежь. Было много и женщин. Последнее обстоятельство как-бы являлось гарантией за то, что проводы будут носить мирный характер. Но среди пролетарской массы-железнодорожников и мотовилихинцев настроение было далеко не мирного характера. По мере роста толпы росло и боевое настроение. На лицах, вместо обычно выраженной аппатии и равнодушного отношения к окружающему миру, вспыхнула какая-то странная улыбка не то восторга, не то злорадства. Живые взгляды, напряженная внимательность к каждому слову, имевшему хотя какое нибудь отношение к переживаемому моменту, производило впечатление праздника. Слова произносились с особой отчетливостью и задором.

Мирно настроенные граждане, слыша ядовитые реплики рабочих, пускаемые по адресу придворной камарильи и Николая Второго, робко озирались по сторонам. К девяти часам вечера обширный зал III класса оказался переполненным. Открыли двери I-го класса, но растущая толпа наполнила и его в каких нибудь десять минут. В зале I и III классов стало душно, потребовали открыть все входные двери вокзала, народу набралось не менее, чем внутри. Мы с Колокольниковым стояли почти в конце III класса не далеко от выходной двери. Был поставлен стол, заменявший трибуну. Позади нас, у корридора, ведущего в телеграф и к начальнику станции, стояли жандармы. Кроме револьверов, они были вооружены еще винтовками. Жандармов было не менее 30 человек. Во главе их находились: полковник Петров, князь Путятин и ротмистр Ружицкий. Все эти три цербера из охранки стояли очень близко к нашей трибуне. Они хранили строгое спокойствие на лицах и внушали мысль, что

огромная толпа являлась для них вещью совершенно безобидной. Публика и рабочие, видя, что жандармы выстроившись в ряд стоят смирно, стали успокаиваться. Некоторые же подходили ко мне и, выражая свои опасения за благополучный исход проводов, все же соглашались со мной, что необходимо открыть митинг.

— Пора приступить к делу,—крикнул кто то.

— Пора!—как эхо пронеслось в зале.

Тов. Сащенко—из главных ж.-д. мастерских, будучи избран нами в качестве председателя, поднялся на стол и призвал публику к порядку. Затем собрание объявили открытым и дали мне первое слово. Поднявшись на стол и осматривая многотысячную аудиторию, я не только почувствовал, но и увидел, как жадно она ждет, не скованного никакими цепями, свободного слова. Наступила глубокая тишина. Она действовала на меня подавляюще и производила впечатление храма. Но здесь—в отличие от последнего—вместо благоговейно склонившихся в рабском смирении голов, виднелись сверкающие огнем ненависти глаза, и мучительная жажда слышать слова обличения. Я чувствовал эту жажду и сам. Присутствие жандармов создавало чрезвычайно сложное положение. Я решил не дать жандармам, хотя бы только вначале, повода для разгона аудитории. На самом же деле мое стремление, удержаться от кричащих фраз, приводило к обратным результатам: настроение аудитории повышалось. Достаточно было напомнить о 17-м октября 1905 года, как в зале поднялась буря. Чувствовалось сознание своей силы. „Правительство усыпило вас", говорил я, „поверив его обещаниям, вы забыли о том, что эти обещания не могут быть выполнены помещичьим правительством. Посылая народных представителей во вторую думу, и не готовясь дать решительного отпора в случае попытки правительства разогнать эту думу, даже октябрьских завоеваний не отстоять". Говоря о самой государственной думе, о ее составе, о ничтожестве ее прав в области законодательной, я указал, что наилучший путь для решения социального вопроса—учредительное собрание.

За мною выступил Колокольников. Его появление в длинном священническом облачении вызывает бурю восторженных оваций и криков „ура!“ Аудитория знала, что он является сторонником партии эсеров. Колокольников обратился к аудитории с краткой речью, призывая ее стать грудью в защиту представителей, идущих защищать право угнетенных трудящихся масс.

— Если я ношу рясу попа и тем самым являюсь обязанным служить только вашим поработителям, то пусть сегодня они знают, что идеалы трудящегося народа мне ближе, чем власть имущих людей, заливших нашу родину кровью невинного бесправного народа. Вы должны быть властителями земли! —повышая голос произнес Колокольников.

— Вы должны и биться за эту землю. Требуйте учредительного собрания! —закончил он под гром аплодисментов уже неистововавшей аудитории.

После Колокольникова на трибуне снова появляется т. Сащенко. Держа в руках художественной работы папку, он обращается к аудитории с просьбою выслушать наказ.

— А... наказ...— проносится гул по залу.

— Товарищ, читай громче,— слышатся возгласы из задних рядов и с улицы.

Водворив тишину, т. Сащенко начал читать наказ. Произнося каждую фразу отдельно, он старался делать ударение на особо важных требованиях. „Мы требуем предания народному суду всех палачей расправлявшихся с народом, боровшимся за свое политическое и экономическое раскрепощение“. Остаются заключительные пункты. Перед ними т. Сащенко останавливается и, обращаясь к аудитории, просит заслушать эти пункты с особенным вниманием. Напрягая резко звенящий голос, читает: „мы требуем созыва учредительного собрания избранного на основе всенародного права и установления демократической республики“.

Все чтение наказа, начиная с требования 8-мичасового рабочего дня и кончая требованием демократической республики,

сопровождалось взрывами энтузиазма. Выслушав чтение до конца, аудитория единогласно выразила желание выслушать мое мнение по наказу.

Я заявил, что состоя в рядах Р. С.-Д. Р. П., считаю защиту выставленных в наказе требований для себя обязательной, так как они выписаны из нашей программы. Затем я спросил:

— Клянетесь ли вы, что по первому зову революционной части государственной думы, вы восстанете, как один, и вырвете из рук самодержавия и буржуазии все то, о чем написано в этом наказе?

— Клянемся,—раздаются внутри и вне вокзала возгласы опьяненной от возбуждения массы.

— Долой самодержавие!—кричат в задних рядах.

Дальше уже нельзя было говорить. Я спустился на пол. В зале понемногу стало затихать. Через минуту снова поднялись крики.

— Продолжай!

Напрасно тов. Сащенко обращался к аудитории с призывом закончить митинг.

— Просим!—раздаются голоса снова, но уже слабее.

Многие стали склонны к тому, чтоб разойтись. В этот момент, когда решался вопрос, расходиться или нет, с улицы послышались возгласы: „телеграмма, телеграмма", „передайте ее депутатам", кричат оттуда.

— Экстренный выпуск телеграммы „Камского Края",—отвечают с улицы.

Телеграмма, наконец, доходит до нас. Прочитав ее, узнали: вчера в городе Красноуфимске вновь избранные депутаты 2-й государственной думы: Сигов и Ершов, при выходе из Народного дома вместе с избирателями, были настигнуты конной полицией и избиты нагайками. Оба депутата принадлежат к партии социалистов-революционеров. Известие об избиении депутатов вмиг разнеслось по залу, и произвело действие искры, поднесенной к пороху. На лицах появилась тревога, казалось, что

опасность где-то недалеко. Тревога быстро сменилась решительностью: со всех сторон раздались возгласы негодования и требования огласить телеграмму. Сообщив о событии в городе Красноуфимске, я решил сделать и соответствующие выводы.

— Товарищи,— начал я,— избиение двоих представителей народа еще раз показывает нам, насколько мы бесправны. Если вы говорите, что полицейские самая низкая тварь, то что представляем мы из себя, когда видим, что этому полицейскому предоставлено право бить вас и ваших депутатов нагайкою. Не нужно думать, что избиение ваших представителей является простой случайностью. Нет, это один из штрихов общей политики самодержавия, взявшего курс на реакцию. Если сегодня ваших представителей бьют по одиночке, то нет гарантий, что завтра их не будут бить оптом. За последнее время самодержавие, чувствуя наступление своей гибели, вступает в смертный бой с народом. Уснастив себя военно-полевой юстицией, жандармами и виселицами, оно плывет по кровавым волнам человеческого моря, несет ему тяжелые цепи рабства и нищету. Но мы, выходя из подполья, гордо заявляем о своей непримиримой вражде к нему. У самодержавия не стало былой уверенности в прочности своего существования, и оно мстит нам за разрушение его основ. Оно организует погромы и провокацию против нас. Оно старается продолжить свои дни. Товарищи, идите за теми, кто смело зовет вас в последний бой с врагами угнетенного народа.

Когда я закончил, на другом столе появился Матвеев П. А. Выступая от имени граждан, он, в противоположность обычному спокойствию своего характера, был чрезвычайно возбужден. Продолжая клеймить политику царского правительства, т. Матвеев обратился с горячим призывом к рабочим и ко всем гражданам, объединиться вокруг революционной части думы.

Пермская жандармерия спустила мне, посчитав, вероятно, неудобным создавать инцидент по поводу моего выступления. Но помириться с свободным выступлением простого смертного она не могла. Я время от времени следил за полковником Пе-

тровым и князем Путятиным. Достаточно было тов. Матвееву произнести несколько слов, как представители жандармерии стали приобретать вид пантер. Нервно теребя свои бороды, они то и дело поглядывали в сторону оратора. Тов. Матвеев, находясь — в некотором роде — под защитою аудитории, продолжал говорить. В заключение тов. Матвеев также призывал бороться за учредительное собрание. За ним выступал т. Карелин—выборщик от мотовилихинских рабочих и одновременно с ним другой выборщик—т. Тронин —от тех же рабочих. Тов. Тронин, возбужденный до крайности, начал говорить. Не успел он произнести несколько слов, как полковник Петров пришел в бешенство. Он бросился в сторону тов. Карелина и дико исступленным голосом заорал:

— Замолчать! Довольно митинговать!

В ответ ему в десяти шагах от меня из толпы громко раздались слова:

— Долой жандармерию!

— Долой жандармерию,—подхватили со всех сторон в возбужденной массе.

В то же мгновение раздался выстрел из револьвера...

Выстрел был произведен с того же места, откуда и возглас: „долой жандармов".

Не дожидаясь приказа, жандармы дают залп из винтовок, затем слышится щелкание затворов и начинается беспорядочная стрельба...

Стройная единодушная аудитория, исполненная сознания, вмиг превратилась в беспорядочную охваченную паникой толпу, все устремляются к выходам, но последние забиты той же толпой... Создается невероятная давка, слышатся душу раздирающие вопли женщин, крики, зовущие на помощь... Многие, пав на пол, не стараются вставать... Охваченные ужасом смерти, они прячут свои головы один под другого...

Иные в надежде на выход рвутся вперед, спотыкаются об упавших, и сами становятся в качестве мостовой...

В несколько мгновений у выходов вырастают горы из человеческих тел.

Жандармы, видя, что смертельная опасность еще для них не миновала, стояли и спокойно стреляли. Хотя жандармы стреляли вверх, но пули, врезаясь в потолок, бороздя штукатурку, давали рикошет, угрожая смертью лежавшим на полу.

Ранено было два человека.

В момент первого залпа меня и Колокольникова схватила группа рабочих и спрятала за одну из скамей, стоявшую недалеко от трибуны. Один из них, навалившись на меня, старался скрыть нас от грозившей опасности. Раздраженно он произнес:

— Да ведь они тебя убьют.

Наконец, выстрелы смолкли и раздался окрик полковника Петрова:

— Очистить зал!

Несмотря на уговоры товарищей, я не вышел из вокзала. Опершись на спинку скамьи, уже не думал протестовать, как накануне. Цинизм был налицо, а против цинизма возможна борьба только с оружием в руках. Ко мне приближался князь Путятин. Я решительно ничего не мог придумать, как только сказать ему:

— Поздравляю вас, господин Путятин, с великою победой. Вот видите сколько трофей будет вами принесено на алтарь отечества, указал я на валявшиеся среди пола галоши, шапки и т. п. За это благодарное потомство пермских граждан и мотовилихинских рабочих увековечит ваше имя постановкою памятника—добавил я, глядя в упор на жандармскую физиономию.

Возмущенный Путятин заявил, что на вокзалах устраивать митинги не полагается.

— Мало того, что незаконное сборище учинили, но еще и в жандармов стрелять начали,—при этом Путятин показал рукою на то место, откуда был произведен первый выстрел.

Последние слова Путятина звучали явной фальшью. Я не выдержал себя и вступил с ним в пререкания.

— Разрешите заявить вам, что выстрел из толпы, по моему мнению, был состряпан не в толпе, а в той же охранке.

Путятин ответил:

— А вот мы расследуем*) и увидим, кто из нас прав—мы или вы.

Наши пререкания закончились тем, что Путятин, вдруг обращаясь ко мне, спросил, не ушибся ли я во время давки.

— Что за чорт, какое ему дело до моего состояния, подумал я.

Глядя на его физиономию, говорю:

Совершенно невредим, только галоши одной не хватает.

— Какой № ваших голош справляется Путятин.

— 15-й,—отвечаю.

Он смотрит на меня и снова повторяет вопрос.

— Не верите,—спрашиваю в свою очередь и, сняв старую, показываю.

Путятин обращается к стоявшим жандармам и отдает распоряжение найти мою галошу.

В это время вбегает в залу моя жена, и в изумлении глядя на меня, спрашивает.

— Ты жив?!

— Вот видишь,—говорю я,—жандармы ищут мою галошу.

— Ну, а наказ твой?

— И наказ невредим.

Жандармы, перебрав с сотню пар галош, моей так и не нашли. Слышу второй звонок. Беру свой наказ под мышку и иду к поезду. На платформе, кроме жандармов, вооруженных

*) После отъезда делегатов в думу старая охранка сдержала свое обещание о расследовании беспорядков на Пермском вокзале. Виновником, разумеется, как и следовало ожидать, оказался я. Охранка сказала также и о выстреле, приписав его толпе. Между прочим, спустя тринадцать лет, в 1920 г. Пермская Губчека, арестовав Фому Лебедева, выяснила провокационную деятельность последнего, установив со слов самого Фомы, что в 1906 г. при проводах делегатов, выстрел в толпе был произведен им с провокационной целью. Таким образом, наше давнишнее предположение по поводу выстрела оказалось верным, так же как и предположение относительно самого Фомы, служившего по нашему общему мнению, в охранке. Мы выкинули его из партии еще летом 1906 года. *Авт.*

винтовками и кондукторов—ни одной души. Лишь кое-где, вдали от вокзала, собравшись маленькими кучками, стояли рабочие. Я узнал от одного железнодорожника, что т.т. Карелин и Пирожков, мотовилихинский рабочий—были схвачены жандармами и уведены. Перед самым отходом поезда на помощь к жандармам из города прискакали драгуны. Но „вооруженное восстание“ уже закончилось. Я стоял на площадке вагона и выдумывал планы мести пермской охранке за циничное издевательство над безоружной толпой.

Третий звонок. Поезд тронулся.

Поравнявшись с группою рабочих, кричу:

— Прощайте, товарищи! Долой самодержавие!

— Долой самодержавие!—кричат они в ответ.

Заметив движение жандармов по направлению к ним—они быстро рассеялись в разные стороны.

Г. Пермь. 1922 г.

Предвыборная кампания во 2-ю думу.

(Мотовилиха).

В январе месяце 1907 года в заводе Мотовилиха проводилась предвыборная кампания по подготовке к выборам во 2-ю государственную думу. Всю руководящую работу по подготовке к выборам в Перми, а также и в Мотовилихе нес тов. Артем. В Мотовилихе работали активно: Новожилов Василий, Фролов под кличкой „Зеленый", Смирнов, Иванченко В., Клыков П. и ряд других товарищей.

Перед началом предстоящей кампании прошло заседание активных работников з. Мотовилихи (в Снарядном цехе № 2) под руководством Артема. Здесь и было постановлено провести предвыборную кампанию во 2-ю думу и составлен план работы.

Решено было кандидатами намечать членов партии, пользующихся особенным вниманием и авторитетом среди рабочих масс. Здесь же были намечены кандидатами в выборщики: Иванченко В., Тронин М., Карелин, Обросов П., Оборин и еще две фамилии, которые не установлены, всего семь человек. Руководство общим собранием по выборам поручили мне.

Необходимо отметить, что в то время на Урале особенно резко выделялась Р.С.-Д.Р.П., замечалось огромное влияние отдельных большевиков в рабочих центрах; в Мотовилихе рабочие определенно шли за большевиками.

За несколько недель до выборов стали проводить собрания в заводе по тем цехам, где еще остались партийные ячейки. В порядок дня собраний были поставлены выбора во 2-ю государственную думу, цель выборов и кого необходимо выбирать. Составлялись списки кандидатов.

Рядом с нами работали эсеры; они также составляли списки, назначали кандидатов, вели свою работу параллельно.

7-го января 1907 года в Кирпичном цехе завода состоялось общее предварительное собрание рабочих завода.

Единогласно я был избран председателем собрания и секретарем Анчугин (эсерствующий). Не открывая еще собрания, я счел своим долгом удалить всю полицию и жандармов, которые без всякого стеснения заняли все проходы и выходы. Мотивируя во вступительной речи необходимость предоставить собранию открыто решать важные вопросы, относящиеся к выборам, я закончил лозунгом:

— Долой полицейскую охрану!

Собрание откликнулось и по всему огромному зданию цеха эхом пронеслось:

— Долой полицию!

Жандармы и полиция повиновались и удалились по знаку, заявляя:

— Мы позаботились поставить охрану не для улавливания ваших речей или тайн, а для порядка.

На это я ответил:

— Порядок мы установим сами, а для улавливания наших речей у вас имеются здесь же секретные шпики.

— Ладно, когда-нибудь посчитаемся,—сказал мне на это пристав.

После удаления полиции я вкратце указал на цель собрания и указал, почему необходимо послать партийных рабочих, желательно послать тех, которые смогут защищать интересы рабочих.

После меня говорил Артем.

Тов. Артем говорил долго. Он говорил не только о задачах представителей рабочих во 2-й государственной думе, много и долго говорил он о партии рабочих, о ее сущности, цели и задачах.

Несмотря на огромный состав аудитории, речь тов. Артема была выслушана при абсолютной тишине, глубоким вниманием дарили рабочие Артема.

Лишь по лицам эсеров видно было, какого сильного идейного врага видят они в Артеме.

Артем говорил очень ясно и, видимо, рабочие его понимали.

Эсеры волновались и с большой поспешностью распространяли и разъясняли рабочим списки своих кандидатов. Как наши, так и списки эсеров были, впервые, открыто отпечатаны и розданы аудитории. В списках указывалось имя, отчество и партийность кандидата. После Артема выступали очень многие. Были прения. Выступали эсеры и беспартийные.

Выборы проходили путем баллотировки. Поставлены были урны с надписями фамилий кандидатов на губернские выбора. За правильностью баллотировки наблюдала комиссия из лиц различной партийности.

После подсчета голосов оказалось, что все кандидаты, выставленные социал-демократами, прошли полностью, но тут случилось одно недоразумение. Проголосовали кандидата Карелина. Что же оказалось? Было два Карелина. Один эсер—Иван Карелин, другой—Григорий Карелин, социал-демократ. Карелин—эсер был провален при баллотировке; эсеры заявили протест. Произошла какая-то путаница.

Собрание затянулось до поздней ночи; после выявления результатов голосования в четвертом часу утра был закончен протокол собрания, при участии меня, секретаря Анчугина и двух представителей из членов собрания.

Протокол был отослан на утверждение губернатору. Здесь не обошлось без инцидентов с полицией.

В виду позднего времени начальник завода вдруг оказал мне высшую любезность—предложил свою собственную лошадь для отпрввки меня домой. Очень скоро эта непонятная любезность стала ясной: на квартире у меня с 12 час. дня ждала полиция.

Опасаясь, чтобы я не ушел куда-либо, меня торжественно доставили прямо с собрания домой, в руки полиции. На меня был наложен домашний арест.

Протокол предвыборного собрания губернатор не утвердил, в силу-ли протеста эсеров или еще каких-либо соображений— осталось не выясненным.

На другой день было вновь назначено предвыборное собрание, на котором предложено было избрать вновь кандидатов на губернский съезд.

Я не мог явиться, будучи арестованным. Между тем меня, как оказалось, ждали, как председателя, до 1 часу дня.

Полиция предложила собранию избрать другого председателя „так как Иванченко не исправен".

— Вот уже час, а его все нет!

Тогда кто-то из присутствующих сообщил, что Иванченко арестован и явиться не может.

Вопрос о моем аресте был поставлен на обсуждение собрания, которое постановило освободить меня немедленно, как председателя собрания.

Полиция принуждена была вновь послать за мной лошадь с пакетом, где говорилось о снятии с меня ареста.

Я явился на собрание, где горячо приветствовали меня, и вновь занял место председателя, объяснив вкратце причину моего отсутствия.

На этот раз полиция в полном составе присутствовала на собрании.

Вторичная баллотировка показала, что все намеченные ранее кандидаты были избраны правильно, никаких изменений не произошло.

Таким образом, все же на губернский съезд были избраны: Иванченко В., Карелин, Тронин М.

На фракционном заседании было постановлено вести агитацию среди выборщиков, съезжающихся на губернский съезд из уездов, разъясняя им линию поведения большевиков и необходимость голосования за их представителей.

Необходимо отметить, что расслоение организаций Р.С.-Д Р.П. на Урале - на большевиков и меньшевиков—очень резко сказалось именно в тот период, не говоря уже о борьбе с эсерами.

У нас же, в Мотовилихе, на предвыборных собраниях раскола не произошло—меньшевики пошли с нами.

Оказалось вскоре, что наши меньшевики прошли под большевистским флагом на губернский съезд, с тем, чтобы там уже проявить себя. Так и произошло. На губернском съезде выборщиков меньшевики от нас откололись.

Мне лично не пришлось работать по агитации перед съездом, не пришлось и быть на съезде.

Я был тогда же арестован еще до губернских выборов и обвинен по 129 статье. Ко мне в тюрьму вскоре пришел и тов. Артем.

Привели туда же и Карелина, нашего выборщика, избитого на проводах, тов. Шпагина и двух наших депутатов, избранных во 2-ю государственную думу.

Пермь 26 июля 1922 года.

В. Иванченко.

НИКОЛАЕВСКАЯ ТЮРЬМА.

(Годы реакции: 1907—8—1909)

После подавления политической забастовки, или, как ее называли, вооруженного восстания 1905 года, после целого ряда провалов и мелких репрессий, кое-как мы все-же продолжали работать.

Я вел напряженную работу в связи с развивающейся „лбовщиной".

Вскоре связь моя с группой „лесных братьев" была обнаружена. В феврале месяце 1908 года я был арестован (вторично) и обвинен уже, как политически-уголовный по 102 статье.

Политических, осужденных по 102 статье, оберегали со всей строгостью после-революционных лет: мы были изолированы от всего внешнего мира. Реакция давала себя чувствовать на каждом шагу.

Вскоре меня отправили на военный суд в Николаевку.

Мы знали и раньше, что в Нижней Туре (Пермской губернии), в знаменитой Николаевской тюрьме происходит нечто кошмарное. По рассказам товарищей, с половины 1907 года политические, попадавшие в тюрьму, проходили через те или иные истязания. Арестованных политических обязательно подвергали инквизиции в виде избиения и потом уже направляли по инстанциям: в ссылку, на поселение, на каторгу. Много политических работников было убито и избито в тот период. Указать персонально, кого избили или убили—невозможно: даже тогда мы не знали точно участи того или иного товарища—мы были отрезаны от всего мира. Друг друга мы не видели, прогулки нам не разрешались.

Инквизиция, которой подвергались товарищи, была пережита и мною.

После переезда в Николаевку, нас, осужденных по 102 ст., как и смертников, рассадили, как полагается, по одиночкам.

И здесь, в первый же вечер моего пребывания в тюрьме, пришлось быть свидетелем того кошмара, о котором с затаенным дыханием рассказывали на воле.

Вечером, часов в 11—12 ночи, среди гробовой тишины, вдруг поднимается стон и рев по всей тюрьме... Некоторое время.. и опять все тихо...

Так прошло три вечера.

Ко мне явились на четвертую ночь.

Открыли дверь одиночки.

Вызвали ближе к дверям.

Я подхожу.

Со стороны вошедших ни слова: ни вопроса, ни замечания...

Вдруг... ошеломляющий удар... потом еще...

Сшибли с ног...

Сколько времени прошло с момента удара—не знаю. Когда я опомнился, было тихо... Одиночка попрежнему закрыта.

Вдруг я почувствовал страшную боль в голове...

В результате выяснилось, что у меня прорвана ушная перепонка.

Хотя я и перенес подобное избиение, но оказалось, что в то время инквизиторский режим, царивший в тюрьме, был уже ослаблен. Самый разгар избиений уже миновал.

Я отделался сравнительно дешево.

Вскоре практикуемые побоища политических закончились.

Кто то со стороны поднял это дело. Будто бы даже судили некоторых административных лиц.

„Бойня" политических продолжалась в Николаевке приблизительно около года, с средины 1907 по 1908 гг.

Организаторами систематических избиений политических был инспектор Николаевской тюрьмы Блохин и помощник начальника тюрьмы—Калачев.

Вскоре Калачев был убит одним из „лесных братьев“.

Пермь, 26 июля—1922 г.

P.S. Справка. Это было летом в 1908 году. На углу Екатерининской и Долматовской была квартира семинарской „кассы“ (коммуны), где жили Николай Кузнецов, Виссарион Первушин и Калачников Михаил. Здесь был приют и для нелегальных. Дня за три до убийства Калачева на эту квартиру приехал товарищ под кличкой „Мирон“. Появился он неожиданно, держал себя молчаливо и сообщил, что он приехал из Вятки. На третий день так же неожиданно исчез.

Но в день его исчезновения на Вознесенской площади был убит организатор расправы в Николаевской тюрьме Калачев—тут же покончил с собой и его убийца.

Когда Кузнецов и Первушин, узнав об убийстве Калачева, зашли в мертвецкую, где напоказ всему городу было выставлено тело „убийцы Калачева“, то нашли там мертвого „Мирона“. Квартирная хозяйка также была в мертвецкой. Очевидно, она донесла полиции, кто давал приют „Мирону“. Через несколько дней Кузнецов, Первушин и Калачников были арестованы и высланы в Архангельскую губернию.

Черкасов.

[illegible] своего аппарата Насташевской порвать Шестова и [illegible] [illegible] Кордина.

[illegible]

[illegible] Кругликов это [illegible] и [illegible] Шестову [illegible] Пантюшиной и Журавлевой была квартира [illegible] [illegible], где жили Николай Кулешов, Перхушин и Казначеев. [illegible] последних дня за три до убийства [illegible] Кулешова на их квартиру [illegible] под кличкой „Мирон" [illegible] Плешкова [illegible] [illegible] и сообщил, что он [illegible] Катей. На другой день, так же неожиданно [illegible]

Узнав о том, что [illegible] на [illegible] сообщила [illegible] Насташевской [illegible] не [illegible] с собой и его убили.

[illegible] Казначеев и Перхушин, узнав об убийстве [illegible] [illegible], что [illegible] „Казначеев", то [illegible] „Мирона" [illegible] Они [illegible] вместе [illegible] кто [illegible] „Мирону". Через [illegible] Кулешов, Перхушин и Казначеев были арестованы и [illegible] в Архангельскую губернию.

Отдел третий.

А. Шпагин.

„На пароходе".

(С натуры).

Поместившись в каюте масленщика, в качестве его двоюродного брата, я этим самым был гарантирован от внезапных набегов жандармов и шпионов, сновавших в то время по всем вокзалам, поездам и пристаням. Самодержавное правительство Николая II-го, подавившее вооруженное восстание, задалось целью окончательно искоренить дух крамолы; тюрьмы и застенки были переполнены десятками тысяч борцов за великое дело освобождения трудящихся, но, несмотря на это, в воздухе носилась уверенность в том, что драма еще далеко не закончена, города, казалось, замолкли, за то раскаты их бурь ушли в глухую деревню и там со всей силою злобы, накопленной веками, бушевали над развалинами дворянских усадеб, то тут, то там зловеще вспыхивало зарево пожаров уничтожающих все, что напоминало о диком произволе и беспощадной эксплоатации.

После декабрьской кровавой расправы с московским пролетариатом, а также и в других городах, самодержавие было глухо к стонам народа и требованиям государственной думы.

Несмотря на оргию диких расправ, в народных массах настроение было чрезвычайно бодрое, все казалось, что вот—вот должно совершиться что-то такое, а что, ясно, конечно, никто или редкий мог себе представить.

Всякое проявление смелости в обращении с властями встречалось со стороны толпы восторженным одобрением. Приведу один из таких фактов, имевший место на пароходе „Фортуна", вдобавок скажу, что действующим лицом оказался я сам.

Будучи два дня на пароходе, я успел уже познакомиться почти со всеми пассажирами. Большинство из них были костромские крестьяне, ехавшие в Пермь и другие города Сибири.

На третий день гуляя по палубе парохода, я подошел к довольно большой компании крестьян и стал вести с ними беседу. Многие из них, сидя на палубе, играли в карты. Завидя меня с книгою, они спросили, не могу ли я им почитать что-нибудь интересное. Недолго думая, я сел в самую середину толпы и объяснил им сперва заглавие книги. Затем приступил к чтению.

Нужно сказать, что книга Александрова была в те времена действительно интересной. В ней автор очень подробно и ярко описал дикие расправы карательных экспедиций и расстрелы на Московско-Казанской жел. дороге после декабрьского вооруженного восстания в Москве.

Вдруг в самый разгар чтения подходит командир парохода и грубо обрывает меня, спрашивая, что мы тут делаем.

— Сами видите что,—отвечаю спокойно.

Толпа мужиков подняла головы, в недоумении стали переглядываться между собой. Затем один из них спросил меня:

— А что эта книга разрешена цензурой?

— Конечно разрешена, вот—смотри.

Мужик посмотрел на обложку и убедившись, что цензура есть, тряхнул решительно головой и задорно поглядел на командира, как бы спрашивая его, а что ты сделаешь после этого. Затем, обращаясь ко мне, он так же твердо заявил:

— Читай, молодой человек, не обращай внимания на всякого чорта. Это, ведь, не картежная игра, никаких прав ему не дадено, чтоб запрещать цензурные книги читать.

— Верно, —подхватили все, —и я снова начал читать.

Но не успел произнести несколько фраз, как командир, взбешенный демонстративным чтением, заорал во всю глотку и заявил, что читать эту книгу не позволит. Обращаясь ко мне, с вытаращенными глазами он стал грозить кулаком.

— Тебя с этой книгой нужно в „Ершов монастырь“ спустить

После этих фраз я встал и, сделав возмущенный вид, обратился ко всем окружающим:

— Товарищи, вы все видите, как противно слушать черносотенной душе слова истины, это одно, и во-вторых, этот толстопузый паук больше предпочитает для вас пьянство, чем чтение хороших книг, проясняющих ваше сознание. Позвольте вас спросить, разве мы для того добыли свободу слова и печати 17-го октября, чтобы какой-нибудь член союза русского народа затыкал нам глотку?!

В ответ на мои слова со всех сторон послышались возгласы одобрения.

Один кричит:

— Самого его, дьявола толстопузого, нужно отправить в „Ершов монастырь".

— Нет, его нужно сперва заставить попоститься, а то он с таким пузырем не утонет,—добавил другой.

Дальше ничего нельзя было разобрать.

Командир „Фортуны", увидя такой прием, трясся от злобы. Его физиономия то вспыхивала, делаясь красной, как кумач, то искривляясь, багровела, напоминая покойника. Всякая попытка с его стороны произнести хоть одно слово, встречалась потоками насмешек и брани. Наконец, почувствовав, что бой проигран, он круто повернулся и выкатился как шар, сопровождаемый криками и свистом толпы.

Проводив командира-черносотенника, все мирно уселись и стали слушать историю кровавых расправ. Редкая строка не вызывала чувство возмущения за невинно пролитую кровь. Когда я увидел, что почва является достаточно подготовленной, книга стала служить только канвою—началось подстрочное и междустрочное чтение. Если говорилось о беспощадных расстрелах со стороны кого-либо, следовало объяснение, что верный слуга царя иначе делать не мог.

Если Дубасов разрушил пол-Москвы, то царь его за это наградил. Напрасно мужички думают, что царь не знает, как

расправляются с крестьянами. Помещики ближе к царю, чем бедный ограбленный народ. Досталось тут и кадетской государственной думе, хлопотавшей о земле для крестьян.

— Если вы,—говорил я,—согласитесь взять землю у помещиков, за, так называемый, справедливый выкуп, вы снова попадаете к ним в кабалу.

— Значит это один обман—государственная-то дума,—вдруг обращается ко мне один из слушающих.

— Слушай, а ты не перебивай. Молодой человек, сказывай дальше, как должно быть по-твоему, жадно впившись глазами в меня.

— Елабуга,—вдруг слышится возглас.

Все, как один, встали, готовясь к выходу,—кто за продуктами, а иной просто так, погулять по берегу. Я тоже приготовился, но не к выходу. Стоя поодаль, я стал следить за командиром.

Мне думалось, что он, пристав к берегу, может пригласить полицию для наведения порядка на корме своего парохода. Оказалось, что мои подозрения не оправдались.

Пароход, простояв минут двадцать у пристани, стал отваливать, а кормовые пассажиры, усевшись в кружок, снова приступили к чтению книги.

Чтобы не подвергать моего мнимого двоюродного брата опасности и не раскрыть установившейся связи со мною, мне пришлось купить проездной билет и окончательно перебраться к кормовым пассажирам.

Но мое присутствие на пароходе было известно команде еще до Елабуги; пришлось обменяться билетами с одним из слушателей, едущим из Нижнего-Новгорода до Перми; затем был изменен метод чтения книги. Один из слушателей должен был обязательно стать наблюдателем и в случае появления командира предупредить.

Когда последний появлялся на палубе, чтение прекращалось, а вместо этого, на сцену выступала гармоника и пикала мотивы частушек.

Вскоре послышался и припев:

Витте дал нам манифест,
Горемыкин ставит крест.
Эх, ты, дума, думушка—
На базаре кумушка.

Все торгуешься с царем,
Полетишь ты кубарем.
Эх, не время ли, кума,
Понабрать бы ума.

Не ходить бы в думушку,
Лучше взять дубинушку
И ударить бы всем нам,
По дворянским по спинам.

Не ликуйте Господа,
Скоро будет вам беда.

— Ай да Митрофан, так бы вам и надо, живоглотам,— одобрительно заметил один из артели, лежа на палубе.

Но Митрофан, как бы не слыша ничего, увлекся частушкой и продолжал наигрывать, притопывая ногой и припевая:

Собирайтесь мужики,
Закрывайте кабаки,
От царева кабака
Раззоренье мужика.

Наигравшись досыта, Митрофан подсаживался к нам в кружок и чтение продолжалось. Черносотенный командир, хотя и появлялся на палубе, но близко к нашей компании не подходил.

П. Черкасов.

Ученики.

Александр назначил встречу на Егошихе под тем предлогом, что нужно осмотреть место для маевки, хотя очевидно было, что здесь маевки устраивать нельзя.

Александр хотел увидать Ольгу наедине, вдали от людей и шпиков.

Ольга смутно догадывалась, что встреча на Егошихе назначена неспроста. Пристальные взгляды Александра она ловила на себе не раз и не раз ловила Александра на том, как при прощании он особенно долго задерживает ее руку.

Пристальные взгляды и пожатия она чувствовала и сегодня, когда была одна, пока печатала написанную Александром прокламацию. На щеках и на руке было что-то жгучее, холодная желатиновая масса казалась сегодня горячей.

Ольга, стоя перед угловым трехногим столиком с гектографом, глядела в сад на голубое небо, на перистые облачка, забывала взглянуть на часы, и с каждым листом выходило недоразумение: один лист не додержит—получается бледный оттиск, другой лист передержит—и вместе с листом отстает от гектографа желатиновая масса.

Сделала тридцать оттисков, и дальше пошли невозможные экземпляры. Пока размышляла, смыть или не смыть форму, раздался звонок.

Наскоро засунула Ольга и гектограф, и отпечатанные экземпляры в пружины кушетки в кабинете отца и вышла на звонок.

Вернулась бабушка из церкви, а там скоро пришел и отец из банка

Обед тянулся. Пирог из свежих хариузов отец жевал особенно долго. Громко чмокал губами, и медленно выплевывал кости.

Ольга несколько раз порывалась встать и уйти, но удерживало то, что начнутся расспросы о здоровьи и объяснения затянутся дольше.

Наконец, отец, взяв „Русские Ведомости“, коротко сказал:

— В пять разбудите,—и ушел в кабинет.

Ольга наспех собрала посуду, вынесла ее на кухню, выхлопала скатерть, ласкающейся походкой подошла к бабушке:

— Я к Ниночке иду, не ждите к чаю, будем химию учить.

Сказала, покраснела и выбежала в прихожую.

Александр ждал уже час. Предстоящая встреча волновала его. С утра ничего не сделал. Нужно было просмотреть последнюю книгу „Мира Божьего“, но слишком ярко светило солнце, а неопределенные мысли убегали куда-то вдаль от книги.

Вышел из дому на два часа раньше. По пятам следовал шпик. Но Александр шел не спеша, заломив шапку набекрень и насвистывая. В логу бросал в воду камешки, веточкой отводил ручейки и делал маленькие запрудки. „Любовавшемуся природой“ с горы человеку надоело, очевидно, смотреть на мальчишествующего шалопая. Он зевнул несколько раз, повернулся и ушел. Александр шмыгнул в ельник и обходя не стаявший еще снег, чтобы не оставить следов, как вор, пробирался за кладбище. Ольга должна была подойти с другой стороны—от Слободки.

Минут пятнадцать Александр сидел на жерди, жмурясь на солнце и нежно потягиваясь, без думки в голове. Им начало овладевать беспокойство, наконец Александр сердится, и когда в кустах показалась бархатная шапочка с белым пером, Александр не двинулся с места.

— Простите, я кажется запоздала,—начала Ольга.

Александр холодно протянул руку и бросил небрежно:

— Листовки готовы?

Ольга смутилась.

— Только тридцать.

— Как тридцать!! - оторопел Александр.—С двух оригиналов и тридцать оттисков?!

— Я только первый использовала, гектограф испортился,— оправдывалась Ольга.

— Черт знает, что такое,—выругался Александр,—с первого оригинала, по крайней мере, восемьдесят штук надо. Еще того не доставало, чтобы без прокламаций остаться.

Он сердился грубо и открыто.

— А вы приходите к нам,—молвила Ольга,—завтра, пока я второй оригинал снимаю, вы новый напишете.

Александр окончательно вскипел.

— Еще недоставало, чтобы я шпиков к вашей квартире привел. Да, наконец, это вообще черт знает что: и листовку составь, и реферат подготовь, и последний журнал разбери, и о прибавочной стоимости беседа, а тут еще оригиналы для гектографа переписывать. Покорно благодарю... свою руку полиции давать.. А там еще Филипп ждет.

Александр говорил с горечью, ему было очень обидно, что его хотят заставить еще вновь переписывать листовку. Но при воспоминании всех работ, какие на нем лежали, Александру представилось, что он один везет на себе всю организацию, работая как вол, а остальные почти ничего не делают. Ему стало искренно жаль себя. Умиление собой вкралось в душу. Уже без гнева он заговорил.

— Ольга, вы понимаете как много работы,—и все одному. Устаешь, нервничаешь, кажется бросил бы все,—он посмотрел вдаль, поднял голову вверх и полушепотом заговорил,—но революционный долг предписывает, страдания народа зовут...

Ольга была растрогана, она положила руку на плечо Александра и, заглядывая в глаза, сказала:

— Александр, дорогой, послезавтра все сделаю: завтра бы напечатала,—не успею, всего на три часа одна в доме остаюсь.

— Добре,—сказал Александр,—значит после завтра будет готово,—и он уже шутливо болтал:—после завтра после обеда, когда ваш почтенный папаша отдыхает, а ваша достопочтенная бабушка готовит самовар на кухне, к вам позвонит репетируемый вами гимназист с ранцем за спиной. Чтоб все было готово к тому времени... По рукам!..

Александр крепко сжал Ольгину руку и, не выпуская ее из своей руки, говорил:

— Погода-то чудная. Места мы осматривать не будем. Я обошел до вас все, подходящего нет, зайдем лишь на ту луговину.

Они двинулись, держась за руки, как маленькие дети. Близость Ольги и то, что она не сопротивлялась, не выдергивала руки, румянец на щеках, все это заволакивало глаза туманом. Александр наклонился и поцеловал руку, Ольга не отдернула ее.

Через два часа они возвращались в город. Каждый что-то рассказывал и каждый не слушал. Оба были переполнены весенней юностью и напоены жгучими лучами солнца.

Даже шпик, который нашел их возвращающимися в город, глянул обоим им в глаза, ухмыльнулся в накладную бороду и решил:

— Ну забастовало. Не до бунтарства теперь,—когда свое бунтует.

II.

Филипп сидел в своей светелке и правил тисы. К нему пришли Павел, Мелентий и Николай.

Мелентий, прежде чем итти к Филиппу, забежал в казенку, купил полуштоф и так, с полуштофом в руке, пришел к Филиппу, чтобы все видели, зачем идет человек.

Такое условие было на этот день: свои заводские придут будто выпить, а Александр принесет медный чайник с отпаянным рожком, в починку...

Собрание должно быть небольшое, но собраться сегодня было необходимо, потому и решили сойтись на 5—10 минут у Филиппа без конспирации.

Полуштоф и чашка с кислой капустой стояли на столе, но люди не собрались. Недоставало еще Якова из сортировочного и Александра из города. Но Яков сегодня в вечерней смене, а Александра, неизвестно, что задержало.

Кошка мяса не караулит,—в ожидании Александра хватили по стаканчику острой и горьковатой жидкости.

После этого всем хотелось говорить о своем, о том, что занимало всех.

Заговорил Павел.

— Напрасно мы это в заводе затеяли, не зная, кто с нами пойдет. Всыплемся и больше нет ничего.

На прошлом собрании был большой спор, как праздновать маевку Александр предлагал массовку в лесу, заводские спорили:

— Надо в заводе себя показать: организация у нас большая, рабочие с нами.

Они предлагали устроить демонстрацию потому, что настроение рабочих боевое, надо дать ему выход и показать рабочим их силу.

Все единогласно, кроме Александра, голосовали за демонстрацию, но насчет плана голоса разбились.

Яков настаивал на том, чтобы выйти всем из завода с красными флагами.

Павел предлагал в завод не ходить: „робости там больше у людей". Устроить манифестацию он предлагал на Вышке, причем по его плану предполагалось так, что несколько человек, за которыми идет слежка, пойдут одиночками в лес, отведут за собой шпиков и полицию, все же остальные рабочие стянутся на Вышке.

Вышка—выступала за речкой. Поднялась на двадцать сажен над всей местностью, как лоб,—с трех сторон обрыв, а с че-

твертой крутой подъем, стоит как крепость неприступная, хоть сотня казаков лезь на нее—можно камнями сбить.

По мнению Павла удобство манифестации на Вышке было такое, что здесь можно задержаться дольше и произнести речи.

Яков возражал. По его мнению на Вышку многие из рабочих не пойдут.

— А на заводе мы захватим всех за собой, силища будет,— уверял он.

В прошлом заседании Яков взял перевес. Решено было начать манифестацию от завода. Сегодня нужно было только распределить роли и составить подробный план; его должен был дать Александр.

Но Александра нет.

Филипп три раза выбегал из светелки в избу посмотреть на стенные часы. Время давно вышло. Выпили еще по стаканчику, а Александра нет и нет.

— Александр засыпался, решил Филипп, придется свой план вырабатывать.

— Составлять надо,— согласился Павел.—Только как эту самую демонстрацию к заводу прицепить: ну зайдешь ты в цех, крикнешь: выходи робята. Наши-то сразу побегут, ну, а другие как задержатся, не окружат, да разом не хлынут. Все-таки заминка будет. В одном цехе так, в другом так, ну, а на дворе то тем временем, может, уже полицейский наряд окажется, встречать нас—передовиков—голубчиков будут,—Павел развел длинными жилистыми руками.

— А ты крыльями-то не маши,— сказал Николай.—Пусть встречают. Сколько их будет? Сотня, полторы, а у нас сотни две своих верных будет.

Завязался спор. Павел предлагал переменить решение и устроить манифестацию на Вышке.

Николай говорил:

— Решение менять нельзя.

— Можно,—спорил Павел,—по цехам все равно не дано знать.

Александра в тот вечер не дождались и решили проводить Павлов план.

До праздника оставалось два дня. Через Якова от Александра литературу получили, но решили до праздника ее не распускать, чтобы полиция не видела никаких приготовлений.

Яков накануне виделся с Александром, когда получал от него литературу. Александр дал ему подробный план, но по Александровому плану, согласно первоначальному решению, начать манифестацию должен был сортировочный цех из завода.

Якову, не бывшему на последнем собрании и не знавшему о принятом там плане, с Филиппом, Николаем и Павлом увидаться не пришлось, работали в разных сменах. Но Яков подумал, что в праздник все соберутся в заводе и незачем предупреждать ранее.

Правда, в цехе пронеслось известие, что 1 мая рабочие на работу выходить не будут. Но Яков постарался оповестить всю смену, чтобы накануне, в ночную, собрались все и утром из завода не расходились.

1-го мая при утренней смене народа в цехах было мало.

Большинство из утренней смены на работу не вышли, а вышедшие собрались кучками и не работали

В сортировочном из дневной смены явилась только половина, ночная была налицо.

Разбрелись по всем цехам гонцы от Якова. Из всех цехов посыпали рабочие. Сортировочный у самых ворот, Яков стоит впереди с красным флагом, глаза горят. Кричит на весь двор:

— Да здравствует рабочий праздник 1-го мая!

Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног...

Свои подхватили, остальные сгрудились к певцам, сняли замки с ворот и широкой лавиной выкатились на улицу.

По всему селению разнеслись боевые призывные клики:

Вставай, подымайся рабочий народ!

И на эти призывные звуки со всех дворов стали высыпать новые кучи людей. Но прошли один угол, прошли другой. А на третьем в галоп встретила казачья сотня.

Команда: „в нагайки"...

Толпа шарахнулась в стороны. Голова процессии оказалась отрезанной. Городовые и казаки врезались в голову процессии и били пиками, нагайками. Якова со знаменем сшибли с ног, топтали ногами и в бесчувствии унесли в участок.

Из домов вылезали новые людские кучи, но, видя сплошное бегство и наседающую полицию, шарахнулись обратно, наглухо закрывая двери...

Полиция и казаки справили победу. Рабочая толпа разбита, а на Вышку еще задолго до назначенного там по Павлову плану сбора был выслан конный разъезд для наблюдения за всем заводом.

Через неделю собрание комитета удалось собрать, но Якова уже не было. Из города кроме Александра явились еще двое.

Только здесь выяснилось, что было два плана, почему и произошла неудача. И во всем оказался виноватым неявившийся на прошлое заседание Александр.

Настроение у всех было подавленное.

Николай встал, сумрачный подошел к Александру:

— Эх, скулы бы тебе своротить, варнаку.

У Александра блеснула слеза:

— Ну бей...

— Чего тут бить, вышвырнуть тебя надо совсем... И тоже нельзя, пожалуй в провакаторы пойдешь... Пристрелить тебя надо,—вот что,—шипел Павел тонкими сжатыми губами.

Все это унижало, оскорбляло Александра, он, белый как снег, сидел, не двигаясь на месте, нечем ему было даже оправдаться.

Александра не исключили. Сделали ему строгий выговор и обязали завязать связи с тюрьмой и организовать сборы на заключенных.

Решили вперед заводские дела городским не поручать.

— Вы грамотные, ученики, ну и учите нас, а дело ставить будем мы,—так заявили городским.

Особенной обидой прозвучало это слово „ученики", вместо студенты, как будто они какие-то маленькие школьники.

Но городские смолчали эту обиду.

Б. Милютин.

Тоже отпраздновал...

Урядник Маркелов сегодня опоздал на 2 часа к обеду. Пришел домой голодный и усталый. Обругав подвернувшуюся под ноги собаку, он начальственным голосом крикнул:

— Марья, обед в одну секунду.

Маркелов снял сапоги, бережно повесил на стену атрибуты своего урядниковского господства—шашку и „Смит-Виссон,—сел за стол, вытащил засиженную мухами чернильницу и стал писать.

„Доношу Вашему Высокоблагородию, что по случаю принятых мер ожидаем благополучного проведения первого мая".

Усмехнулся и подумал: „А здорово я их накрыл. Особенно Вальку. Чорт полосатый, тоже сицилист. Нет брат, голубчик, не на таковского напал. Все вижу, все знаю".

Приложил печать и подписался.

— Пожалуйте, Афанасий Петрович, пригласила жена.

Водка, горячий суп смягчили грозное настроение, сложившееся вследствие усиленной работы. Афанасий Петрович размечтался.

— Марья, награду ожидаю,—сообщил он жене.

— Что вы, Афанасий Петрович, за что же?

— Бунтовщиков накрыл.

— С нами Пресвятая Богородица, каки-таки бунтовщики?

— А которые с царем хотят того, значит...—сделал выразительный жест рукой Афанасий Петрович.

— Матушки-светы, да как они, нечестивцы этакие, Бога-то не боятся?

— Бога-то не боятся, а вот нашего брата потрухивают, самодовольно прибавил Афанасий Петрович...

В дверь постучались. Вошел родственник по жене, рабочий Гриша.

— Ну, что скажешь?

— К вам по делу, Афанасий Петрович.

— Садись, коли по делу, рассказывай.

— Пригласить Вас, Афанасий Петрович, пришел. Завтра ко мне пожалуйте, рождение у меня, значит, завтра будет, 21 год исполнится, совершеннолетие, так сказать, не откажите.

— Гм, совершеннолетие, здорово! Во сколько часов приходить-то?

— В 12, Афанасий Петрович.

— И будет водка?

— Нельзя без этого, будет.

— Ну-ну, прийду.

Гриша ушел.

Афанасий Петрович залег спать Вскоре богатырский храп раздавался по всему дому.

В 12 часов, первого мая 1903 года, урядник Маркелов, одевши парадный костюм, начистивши особым составом сапоги (сам пристав научил), пошел в гости.

У Гриши собралось человек двадцать заводской молодежи.

Ласковое весеннее солнце так манило на улицу, что все единогласно решили перенести празднование в лес.

Пошел и Маркелов. Расположились на лужайке, молодежь в стороне. Маркелов с одним стариком рабочим—около бутылок.

Содержимое бутылок быстро переходило в желудок и скоро пьяный голос Маркелова отчетливо раздавался по лесу.

— Ведь, сказать по совести, ежели бы не я, так эти бунтовщики устроили бы штуку.

— Правильно, Афанасий Петрович, устроили бы, —поддакивал собеседник.

— На-ко, поди, прокламацию нашел. Висит в рамке, где объявления помещаются, черным шрифтом напечатано: „Долой са-мо-державие“. Ах, говорю, сукины вы сыны этакие, нет на вас христианского креста. Са-мо-дер-жавие долой, г-ык, а оно это самое самодержавие, оплот, а как же можно без оплота. А, без оплота, г-ык. Нет брат, я стреляная птица, меня скоро не проведешь.

К компании, расположившейся на лужайке, постепенно присоединялись кучки гуляющих рабочих. Скоро в саженях 100 от ораторствующего Маркелова собралось человек до двухсот. Один из рабочих, размахивая в воздухе руками, что-то говорил.

— В день первого мая нам необходимо заявить свой протест против царизма... поддержать его... Убийца царь... доносились отдельные фразы...

— Ты меня не проведешь, —уверял пьяный Маркелов своего собеседника.

— Никак даже невозможно —убежденно говорил рабочий.

— Я ведь наскрозь все вижу. Который бунтовщик, сразу его хватаю, вот так, —показал Маркелов, —и никакой меня сицилист не обманет...

Вставай, поднимайся, рабочий народ—звенела песня...

— Я, брат, на хорошем счету у начальства. Вот теперь награду жду, потому за усердие должны вознаградить. Я, так сказать, опора, г-ык, престола, без меня будет худо.

— Помилуй Бог, как худо—поддакнул собеседник.

Нам не нужно златого кумира,
Ненавистен нам царский чертог.

— И всех этих сицилистов без сожаления, без всякого в тюрьму... орал пьяный Маркелов... Водка взяла свое, —урядник свалился и захрапел...

Рабочие, расходясь с удачно проведенного собрания, всунули в руку Маркелову первомайскую листовку.

В восемь часов вечера в лесу был найден пьяный урядник заводского поселка Маркелов, в руках у которого обнаружена листовка с надписью Р. С. Д. Р. П. „пролетарии всех стран соединяйтесь". Долой самодержавие, да здравствует революция". Проведенным дознанием выяснено, что Маркелов явился соучастником устроенной рабочими маевки.

Так гласил протокол.

„Маркелова арестовать, произвести строжайшее дознание", последовала резолюция господина пристава"...

СТИХИ ПОДПОЛЬЯ

10-го июля 1905 года*).

Сошлись рассудить мы о праве своем,
Орда казаков налетела,
Послышался залпа ружейного гром,
И в воздухе плеть засвитела...
Хунгузы царя не жалеют плетей...
Нет ружей у нас под рукою—
Избили нечестно нас, жен и детей,
Кровь наша лилася рекою...
Снесли старику они череп долой,
Мозг выпал, смешался с травою...
А ружей у нас, братья, нет под рукой,
Покончили-б с дикой ордою!
Но близок уж час, мы позор отомстим,
Оружье себе мы достанем.
Погибнет злодей, все опричники с ним—
Свободны, счастливы мы станем.

Зав. Мотовилиха.

ПОБЕГ**).

То не соколы сизокрылые
Улетели в небо прочь,
То борцы нам сердцу милые
Убежали в эту ночь.
Из тюрьмы, из заточения,
Чтобы волю повидать,
Позабыть свои мучения,
Вольной грудью подышать.
Ночь была темным-темнешенька,
Ветер глухо бушевал,
Встали храбрые ранешенько
И себе всяк клятву дал:

*) На смерть Борчанинова отца.
**) Поется на мотив „Нелюдимо наше море"...

Не бояться громких окриков
Средь зловещей тишины,
Не бояться громких окриков
Охранителей тюрьмы.
И связавши крепко накрепко
Длинным жгутом простыню.
В час глухой они спустилися
Из окна сонной тюрьмы.
Лишь один солдатик смелый,
Славной стражи часовой,
Был свидетель той пропажи
В час полночный, роковой.
Но солдатика лихого
Не нашли уж под окном,
Лишь шинелька удалого
Тут валялася с ружьем.
Шапка тоже тут лежала
Вместе с ними на снегу,
Но о бегстве не сказала
Грозной страже ни гу-гу.
Слава вам, борцы свободы,
Что решилися бежать,
Знать просилось для народа
Сердце снова работать.
Слава славному солдату,
Что себя не пощадил
И подавши руку брату
Ко свободе путь открыл.

Песня радует поэта
И ликуют все борцы
На свободу песня эта
Пусть летит во все концы.

6 марта 1906 г.

На память о Парамонове.

(Убитом в Красноуфимской тюрьме).

Сквозь решетку любовался
На свободу милый друг—
Выстрел яростный раздался
Облился ты кровью вдруг,

Ты без стона опустился
На пол камеры сырой,
Без мучений ты простился
С жизнью тяжкой трудовой.

Ты сражен свинцом проклятым
За свободный труд, народ,
Смерть твоя—позор солдатам
Их убийц всяк проклянет...

Где солдат тебя убивший?
Он законами прощен
Бога, заповедь забывший,
Он начальством награжден.

Что о счасти разбитом?
Злоба, злоба торжествуй!
О борце, в тюрьме убитом,
Брат несчастный не тоскуй.

Он как с многими так было,—
Пострадал любя народ.
Зло проклятое сдавило,
Но пробьемся мы вперед...

Нас ведут туда стремленья
К жизни равного труда,
Близок, близок час отмщенья
Отомстим за все тогда...

О тебе борец почивший
Не забудут никогда.
Тебя вспомнит полюбивший
Жизнь тяжелую труда.
Мы—товарищи—с тобой,
Дело общее—одно.
И с сердечною тоскою
Вспомним имя мы твое.

Вечная память борцу за свободу.
Ты жизнь свою кончил в бою среди стонов.
Служа безкорыстно родному народу.
Вечная память тебе Парамонов.

1908 год. Кунгур.

Молитва социал-демократа*).

Рано утром встает социал-демократ,
Член Великой Российской „единой".
Пролетарскую плоть в буржуазный халат
Облекает с суровою миной.
Поплескавши небрежно на личность водой,
И о массе подумав при этом,
На камни он пал пред иконой святой,
Пред великого Маркса портретом,
„О, Великий учитель"! молился эс-дек,
„Ты, чья схема во-век приложима везде,
Чьи слова изменять невозможно.
Повели—чтоб эсеры не знали побед
Чтоб эсеров разрушились козни,
Чтобы даже младенцы смотрели на свет
С точки зрения классовой розни.
Повели, чтобы шли мы всегда впереди,
Чтобы пала общинная Троя,

*) Вышло из стана эсеров.

И деревню, учитель, скорей поведи
По пути буржуазного строя.
Что-б создал поскорей капитал батрака
Что-б обширное вел производство,
Чтобы он отрывал от земли мужика,
Дал ему с пролетарием сходство.
Повели, чтобы вечный аграрный вопрос
Стал скорее аграрным ответом,
И устрой это так, чтоб еще длинный нос
Получили эсеры при этом.
Так молился эс-дек, восставая от сна..
Но в ответ на мольбу „социала"
Маркс изрек: отойди от меня сатана
И прочти третий том „Капитала".

---

* * *

Спи наш пристав тихо сладко,
Баюшки баю
Прокламацию я эту
Смело наклею
И исправнику пошлю я
Экземпляр один.
Получив ее, он тотчас
Твой повысит чин.
Ты-ж, от радости великой,
Погрузишься в сон
И дай бог, чтобы подольше
Продолжался он.
В это время расскажу я
Братьям мужикам,
Что-бы подать не платили
Барам да царям,

Что-бы землю отобрали
Мужики у них,
Что-бы петлю накидали
Крепкую на них.
И уж дружно тогда встанет
Богатырь народ,
И корону и порфиру он
С царя сорвет.
Спи Ильинский тихо сладко
Баюшки баю
Прокламацию я эту
Смело наклею.

(Найдена 10-го мая 1908 года в с. Березовке, Кунгурского уезда).

ДУДА.

Выбирайтесь-ка, ребята, поскорей,
Грянем песню мы крестьянскую дружней!
Полно нам под дудку царскую плясать,
Не пора-ли на своей дуде сыграть..
Сколько времени на нашу на беду,
Господа да кулаки дудят в дуду;
А начальство, знай, похлестывает кнутом,
Чтоб резвей мужик выкидывал козлом.
Семенит он, до истомы семенит,
Из кармана грош последний, знать, летит.
Чиновье да кулаки берут гроши,—
Очень уж крестьянски деньги хороши.
Тут и поп гляди акафисты поет,
Да руками те же денежки гребет,—
„Ах ты подлый, долгогривый сатана,
Ведь и так поди давно мошна полна!"
До каких же пор нам, братцы, все плясать?

Нет, давайте на своей дуде играть.
Пусть теперь попляшет это воронье,
Растрясет маленько чревушко свое.

* * *

(Поется на мотив Варшавянки).

Стонет Россия под властью жестокой,
Гибнут ряды непокорных рабов,
В тюрьмах и шахтах в Сибири далекой
Царские слуги хоронят борцов.

Но мы поднимем их красное знамя,
Мы их рабочую песню споем:
С ней мы повсюду священное пламя
В сердце рабочего люда зажжем.

Наша борьба и свободное слово
К славному бою народ поведет,
Россия проснется от сна векового
И заржавелые цепи порвет.

И разнесем мы своими руками
Троны позорные русских царей,
Троны, хранимые только штыками
И убаюканные звоном цепей.

Смелей же несите их красное знамя,
Песней могучей будите народ,
Каждое слово—священное пламя,
Сердце рабочего люда зажжет!

Припев: Время настанет, Россия воспрянет.
Русский народ цепи порвет. (2 раза).

ДОКУМЕНТЫ.

Отдел четвертый.

Копии листовок Пермской организации Р. С. Д. Р. П.

(*с 1900—1907—8 года*). *)

№ 1.

Братья—рабочие!

Настает и для нас время борьбы за нашу свободу, за лучшую жизнь, за счастье. Рабочие больших русских городов уже изверились в возможность при существующем у нас полицейско-монархического правления добиться улучшения своего положения путем стачек. Правительство всеми мерами препятствует рабочим в их борьбе с владельцами фабрик и заводов. Лишь только рабочие устроят стачку, как жандармы и полиция начинают хватать их в тюрьмы и ссылать. Довести рабочих до последних пределов терпения, вызвать какое-нибудь буйство с их стороны—это первая задача нашего правительства, потому что после того оно со спокойной совестью пускает в ход нагайки и ружья. В течение последних 10 лет все усилия рабочих привели к ничтожным результатам. Сокращен рабочий день кое-где и прибавлена плата. Правительство, чуя грозную силу пробуждающегося сознания в рабочих, издало фабричный закон 97-го года, как будто заботясь о рабочих, но ничтожный сам по себе закон этот вскоре почти был уничтожен циркулярами министров. Рабочие увидели, наконец, что они не могут рассчитывать на помощь правительства. Наше правительство не защитник, а самый сильный враг рабочих. Чрезмерно продолжительный рабочий день (10—12—14 час.), нищенский заработок, губительные для зооровья фабрично-заводские помещения и жилища рабочих, постоянное недоедание, полная необеспеченность рабочих в случае старости, болезни или смерти,—все это угнетает рабочих во всей России, как в центральных губерниях, так и у нас в Перми. Выйти из этого тяжелого положения рабочие могут только тогда, когда все фабрики и заводы будут принадлежать им, т. е. всем трудящимся в равной мере, когда каждый будет получать столько, сколько заработал, когда распоряжаться

*) Изданы на гектографе и часть отпечатанных в типографской „технике“.

работами будут выбранные самими рабочими знающие люди. Такой строй называется социалистическим. К нему стремятся сознательные рабочие всей Европы (России, Германии, Франции, Англии, и Америки). Переход к такому строю возможен будет только тогда, когда большинство рабочих поймет его превосходство, лишит заводовладельцев и фабрикантов (стерты гектограф. чернила) доли, которую они захватывают себе из заработка рабочих. Все рабочие, стремящиеся к социалистическому строю, уговорились не работать в день 1-го мая. Этот день считается праздником сознательных рабочих. В этот день как бы подсчитываются грозные силы рабочих, готовых выступить на борьбу за счастье всех обездоленных. Несколько иной смысл имеет у нас в России празднование 1-го мая.

В больших городах (Петрограде, Москве, Киеве и др.) десятки тысяч рабочих вместе со студентами выходят на площади и открыто протестуют против существующих форм государственного правления. Они требуют свободы печати, свободы слова, сходок, стачек; требуют, чтобы безграничная и бесконтрольная власть министров была бы заменена выборной властью. Правительство отвечает на это требование нагайками полицейских и казаков. Но с каждым годом число людей, заявляющих свое требование, все растет. В прошлом году участвовали в таких демонстрациях тысячи—нынче десятки тысяч людей. Даже войска в некоторых городах (Петербурге и Туле) отказывались „сражаться" с безоруженной толпой. Правительство теряет свою последнюю опору—солдатский штык. Остаются только нагайки и шашки жандармов и полиции. Эти опричники беснуются, хватая кого попало, сажая честных людей в тюрьмы и отправляя их в ссылку.

Но правда сильна. На смену заключенным и сосланным являются новые борцы. И дело народного освобождения не погибает, а быстро приближается к развязке. Еще несколько дружных усилий и монархический строй рухнет—русский рабочий станет свободным.

Товарищи, наши далекие братья завоевывают для себя и для нас свободу. Неужели мы будем молча смотреть на их борьбу и только воспользуемся ее плодами? Как честные товарищи по несчастью, мы должны им помочь. Мы должны последовать их примеру и присоединиться к ним, открыто потребовав от правительства той же свободы.

На первой же раз, пока мы не знаем друг друга, воздержимся от открытого требования. По примеру наших далеких товарищей в знак нашей готовности бороться за свою свободу и счастье—не выйдем на работу 1-го мая.

1 мая никто из рабочих не должен работать!

Мотовилиха 1901 г.

№ 2.

Устав рабочей организации.

Политические условия заставляют рабочих организоваться по отдельным группам (кружковая система). Рабочая организация состоит из групп рабочих, преследующих одну и ту же цель и принявших следующую программу:

1. На каждом заводе наиболее созначельные и энергичные рабочие составляют группу, служащую центром для всех организованных рабочих этого завода (центральная группа).

2. Центральная группа следит за всем, что происходит на заводе и ведет хронику событий на нем, а также следит за текущей общественной жизнью и о важных моментах ее сообщает своим товарищам.

3. Центральная группа руководит борьбой рабочих на заводе в частности за улучшение их положения и в общем за лучшее будущее всего народа.

4. Среди рабочих центральная группа организует кружки, или присоединяет к организации уже существующие.

5. Член центральной группы, организующий кружок, считается его представителем до тех пор, пока кружок не выберет другого.

6. В каждом кружке должно быть не более 10 человек.

7. Новые члены принимаются в кружок или в центральную группу только лишь по рекомендации 2-х старых членов, если никто не выскажется против принятия.

8. Каждый член может быть исключен по желанию трех четвертей всех членов.

9. Центральная группа организует заводскую кассу, в которой все члены всех кружков и групп обязаны каждую получку вносить 2 коп. с каждого заработанного рубля.

10. Члены кружков, не платящие взносов, не считаются членами организации.

11. Половина всех взносов поступает в стачечный фонд.

12. Каждый рабочий, платящий взносы, имеет право рассчитывать на денежную помощь кассы.

13. Если средства кассы истощены, центральная группа обращается за помощью в кассы других заводов, указывая, на что нужны средства.

14. На накопление средств или на специальные цели центральная группа может назначать сбор, указывая его цели.

15. Обязательные экстренные взносы могут быть назначены с согласия большинства членов.

16. Только в случае стачки получается помощь из стачечного фонда.

17. Центральная группа ежемесячно дает отчет о состоянии кассы.

Устав кассы.

1. В члены кассы может поступить каждый рабочий по рекомендации 2-х старых, если никто не высказывается против.

2. Каждый член обязан каждую получку вносить в кассу 2 коп. с каждого заработанного рубля. 20 коп. ежемесячно.

3. Каждый член кассы имеет право на получение помощи из кассы в случае стачки, болезни, несчастья и т. п. или на ссуду, которую он обязан уплатить к назначенному сроку.

4. Из средств кассы $^1/_2$, т. е. 50% идет в стачечный фонд и может быть расходуем лишь во время стачки.

5. От 2-х до 5-ти процентов взносов употребляется на устройство библиотеки.

6. 25 проц. идет на пособие рабочим пострадавшим в несчастных случаях, несправедливо выгнанных с завода за защиту интересов всех рабочих, или по каким-либо подобным причинам, и не имеющих заработка в настоящее время.

7. 20 проц. употребляется на ссуды рабочим. Ссуда выдается с обязательством возвратить ее или в срок до 1-го месяца—это краткосрочная ссуда, или же на срок 6 месяцев—это долгосрочная ссуда.

8. Для сбора ежемесячных сборов на каждый кружок в 10 человек выбирается ими один сборщик.

9. Сборщики выбирают из своей среды кассира и кандидата на кассира на 1 год.

10. Фамилию кассира знают только сборщики, но отнюдь не члены кружков.

11. Расход денег кассиром производится с согласия сборщиков. В затруднительных случаях сборщики спрашивают всех членов.

12. Все члены кассы с просьбами о пособии или ссуде обращаются к своему сборщику, а уж он ведет дела с кассиром.

13. Кассир обязан ежемесячно давать отчет о состоянии кассы сборщикам, а сборщики знакомят с положением дел всех членов.

14. Деньги кассир должен хранить у кого-нибудь из надежных знакомых и записи фамилий должны вестись особыми (стерты гектогр. чернила)

15. Каждый член должен знать о месте хранения денег и записей.

№ 3.

К рабочим.

Что делать нам, рабочим отдаленных уральских заводов? Ждать, когда рабочие других мест завоюют для нас лучшую долю? Но ведь пока солнце взойдет — роса очи выест. Довольно нам терпеть холод, голод и всякие унижения! Не будем больше молчать, а потребуем от начальства облегчения работ и лучших расценок. Для того, чтобы начальство обратило внимание на наши требования, мы должны прекратить работы, устроить стачку. Но многие ли из нас в состоянии долго перебиваться со своими семьями без заработка? Они потребуют помощи, но кто же поможет рабочему человеку? Он сам должен подумать о самом себе. Везде, где начинается рабочее движение, образуются тайные кассы рабочих. Рабочие вносят ежемесячно по 10—20 или более копеек, и вот из этих грошей образуются сотни и даже тысячи рублей. Из этих денег выдаются пособия нуждающимся во время стачки, из этих же денег помогают рабочие тем товарищам, которых жандармы сажают в тюрьмы и высылают в глухие северные губернии за участие в рабочем движении. На эти же деньги рабочие достают такие запре-

щенные (нелегальные) книги, из которых можно узнать о положении дел в других городах, научиться различать своих врагов от друзей, узнать, как лучше всего бороться со своими врагами. Но жандармы и сыщики и тут не дремлют. Подслушивая, подглядывая, подкупая слабых людей, они всеми силами стараются разузнать, кто собирает деньги, у кого они хранятся. И часто они успевают в этом: сажают сборщика и кассира, отбирают деньги. И рабочим приходится начинать свое дело сызнова. Вот поэтому и надо позаботиться, устраивая кассу, о том, чтобы как можно меньше людей знало, у кого хранятся деньги.

Разрешаемые правительством открытые кассы рабочих не приводят к желаемой цели. Прежде всего, как случилось, например, в Москве, агенты правительства, узнав на собраниях более смелых и способных рабочих, посажали их в тюрьмы, и кроме того правительство не дает рабочим воспользоваться своими деньгами во время стачки, словом эти разрешаемые кассы только искусные ловушки, в которые попадались многие доверчивые рабочие.

В Петербурге, Москве и др. городах России часто применяется иной способ. Несколько человек (5—10) составляют кружок. Кружок выбирает одного сборщика. Несколько сборщиков выбирают одного уполномоченного, а уполномоченные выбирают правление (человек 5), которое распоряжается выдачею денег. Все выборы должны быть в строгой тайне. Участники кружка знают только своего сборщика, которому передают деньги и в случае стачки требования о пособии. В свою очередь сборщики знают только своего уполномоченного и через него сносятся с правлением, которое из своей среды уже и выбирает кассира. Если в каком кружке и оказался бы шпион или слабый на язычек человек, он все равно не мог бы выдать кассира, потому что не знал бы его. Кружки рабочих необходимы еще и потому, что в них читают книги, обсуждают прочитанное и совещаются о своих делах. В больших городах выборные от нескольких заводов собираются иногда вместе, решают такие общие дела, как, например, издание своей рабочей газеты (тайной), устройство стачек (при чем рабочие других заводов помогают забастовавшим), празднование всемирного праздника рабочих (1 мая) и другие дела.

В Перми рабочие начинают сознавать свою силу и недалеко уже то время, когда они потребуют улучшения своего положения. Надо только подготовиться к тому, чтобы требования были внушительны, а для этого сослужат большую службу касса и кружки рабочих.

Найдена 22-го марта 1902 года.

№ 4.

По поводу арестов 21-го февраля.

Опять жертвы.... новые жертвы, жертвы насилия, жертвы за свободу и лучшую жизнь.

„Темные силы нас обступили,
Хлещет неистово варварский кнут".

Всюду борьба, много борцов пало и падет в этой борьбе, но еще более встанет под знамя, на котором начертан славный девиз: „Да здравствует свобода! Долой самодержавие, долой деспота царя"! Этот боевой клич раздается все громче и громче и, как эхо, перекатывается из конца в конец нашего многострадального отечества. Борьба все разгорается. Отовсюду слышны беспокойные крики, всюду недовольство настоящим строем. Волнение и борьба из крупных рабочих центров и университетских городов проникают в самые отдаленные и захолустные углы матушки—Руси. Скоро проснется она от своего векового сна, разбуженная казацкою плетью, встряхнет с своих плеч всех паразитов, сосущих ея кровь, и тогда конец царскому абсолютизму и самодержавию.

„Что ни день, что ни час
Царь врагов сам себе наживает,
И в России давно страшной злобой полно
Все, что мыслит, живет и страдает".

Но с другой стороны и царские опричники и сторонники настоящего режима становятся наглее и наглее. Всюду рыщут они, стараясь вытравить малейшее проявление свободы, но это, конечно, напрасно и тщетно, разве можно уничтожить то, что прирождено каждому человеку: стремление к свободе.

В последнее время и у нас в Перми царские опричники начали проявлять свою деятельность весьма усердно, они врываются в дома мирных граждан, производят там незаконные обыски, наносят оскорбления, садят в тюрьмы, подвергают пыткам, производя допросы по пятнадцати часов к ряду и т. п.

С первого числа этого месяца томятся в одиночных заключениях до 15-ти человек.

Пермь 22-го февраля.

№ 5.

Копия с копии.

Товарищи! Инженер Назаров в последнее время опять выпустил свои когти, должно быть позабыл гранату, которую подбросили ему летом. Загородился Назаров железными ставнями, окружил себя сторожами и стал потешаться над нашим братом. Он не только управитель, но еще жандарм, и полицейский и сыщик. Чуть собрались на фабрике 3—4 человека—он тут, как тут. Едет из города, встречает рабочего,—без разговора к себе на сани и давай распрашивать: кто, откуда, зачем. С полицией у него самая тесная дружба. По первому знаку полицейских он беспощадно увольняет рабочих за ссору с полицейскими во время получки и еще двух рабочих за пустяшный безпорядок во время народного чтения с туманными картинами. Он грубо и дерзко обращается со всеми нами, и в особенности грубо с теми, кто приходит просить к нему работы. Начнут говорить с ним—он сейчас же крикнет вагонщика и велит гнать с фабрики. После праздников Назаров обрадовал нас угрозой оштрафовать за невыход на работу и уж оштрафовал несколько рабочих.

Товарищи! Если мы молча и терпеливо будем сносить все выходки этого царского опричника, так скоро нам и житья не будет. Неужели мы рабы или крепостные Назарова. Нет, покажем, что мы свободные люди и умеем защищать свои права, свое человеческое достоинство.

Товарищи! Нам нужно сговориться между собою и потребовать удаления Назарова, а чтобы начальство исполнило наше требование, мы должны

прекратить работу, пока не будет Назарова. Будем действовать смелее и тогда мы добьемся своего.

Мотовилихинский Комитет.

Верно: *Пермский Уездный Исправник (подпись).*

№ 6.

Товарищи!

Профессиональный рабочий союз является оплотом рабочего класса в борьбе с правительством и капиталистами за лучшую экономическую долю. Вряд-ли нужно говорить о том, что положение рабочих желает много лучшего в смысле материальной обеспеченности и правовой гарантии. Рабочий класс, несмотря на свои энергичные усилия, никак не может добиться права влиять на дух законодательства в желательном для себя смысле, чтобы положить конец тем актам произвола, в которых сказывается отношение правительства и капиталистов к рабочим. Малейшее проявление самодеятельности рабочих „предусмотрено" разными статьями закона и карается, как „государственное" преступление: видно темные дела палачей свободы, „играющих в руку жадной своре", боятся света.

Находясь в таком безправном положении, рабочий класс все-таки глубоко верит в возможность лучшего будущего. Он не опускает ни одного благоприятного момента для заявления „помазанным" деспотам о своих нуждах. Одною из таких мер воздействия для рабочих являются стачки. Ближайшая цель, которую преследует стачка, повышение заработной платы. Благоприятный исход всякой стачки обуславливается тем, из толкнувшихся сторон, капиталисты или рабочие могут дольше продержаться. Между тем, для неорганизованных рабочих последнее прямо невозможно: ведь не у всякого рабочего есть на „черный день". Грозный произвол голодной смерти вносит раздвоение в среду рабочих, заставляет их бросать стачку и идти в фабрику в те же, если не худшие условия, против которых они только, что восставали. Что толку, если правительство всегда может не только исполосовать стачечников нагайками, но и уморить их голодом. Понимая эти дефекты в тактике борьбы рабочих за улучшение своего положения, профессиональный рабочий союз и ставит своею задачею оказывать рабочим во

время стачки, а так-же безработицы, материальную поддержку из того денежного фонда, который образуется из взносов членов союза. Поэтому правление профессионального рабочего союза считает долгом напомнить членам союза о своевременном внесении ими в кассу положенных уставом взносов.

Товарищи! помните, что наша сила пред капиталистами заключается в значительности тех средств, которыми мы можем располагать на случай возможной стачки. Помните это и не отказывайтесь внести свою трудовую копейку на наше общее дело.

№ 7.

„Он будет строг, потомства суд.
Он долго ждет, но верно мстит".

Насилие и произвол правительства у нас в России обыденное явление, с ним нам приходится встречаться каждый день, каждый час. И если правительство не стесняется здесь на воле, так что же происходит там, в тюрьме, где оно стоит лицом к лицу со своим врагом — революционером, изолированным от товарищей, лишенных возможности аппелировать к общественному мнению. Изредка до нас оттуда доносятся глухие вопли и стоны и мы обязаны доводить их до общего сведения. Сейчас сообщаем следующие два возмутительных случая: 9-го января жандармы посадили в тюрьму в отдельную камеру старика крестьянина Добрянского завода П. Ф. Тюмина. Обстановка тюрьмы и угрозы жандармов так сильно на него подействовали, что он сразу перестал принимать пищу и целые дни на коленях молился богу. На третий день начались припадки буйного помешательства: он бил окна, метался по камере. Тюремное начальство не задумалось над средством лечения. Больного посадили в карцер... Но он конечно и там не успокоился, где на него надели смирительную рубашку, завязали руки назад и продержали в таком ужасном положении целых двое суток. Мириады клопов и блох, которыми кишит карцер, так изъели тело несчастного, что на нем не осталось живого места. Только на пятый день позвали врача и несчастного мученика наконец отправили в приют для душевно-больных, где он находится и в настоящее время. Второй не менее ужасный случай произошел на днях 1-го июня, жандармы арестовали 21—22-х летнего крестьянина

Добрянского завода Балдина. В течение месяца слабый здоровьем Балдин просидел в отдельной камере, отрезанный от людей, не имел возможности заполнить время даже чтением книг (он неграмотный). Истомленный непосильной работой еще до тюрьмы организм его не вынес одиночного заключения. 28-го июня его отвели в тюремную больницу. На другой день он уже никого не узнавал, метался на постели и падал на пол, бредил и звал своих родных. Его сразила мучительная болезнь, по всему вероятию воспаление мозга (вначале рвота, потом жар, потеря сознания и бред). Весьма вероятен смертельный исход, почему понадобилось такое истезание? Ответ ясный. Истязанием заключенных, поркой волнующихся крестьян, убийством забастовавших рабочих держится царский трон, и чем сильнее растет волна народного недовольства, тем мстительнее становится наш враг—царское правительство. Дни существующего у нас произвола сочтены: „близок победы торжественный час“. Тогда, только тогда, будут подведены все счеты за безчеловечное обращение с революционерами — „Смеется хорошо тот, кто смеется последний“.

8 го июля М. Е. Балдин умер в Александровской больнице. За несколько дней до этого пришла бумага об его освобождении.

Пермский Комитет Российской Социал-Демократической рабочей партии.

№ 8.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

В памяти все еще живо воспоминание о набеге царских войск на Златоустовских рабочих, на их жен и детей. 15-го июля совершен новый кровавый подвиг нашего правительства на ст. Михайлово Закавказск. ж. д., убито 10 и ранено 18 рабочих. Таковы по крайней мере цифры, опубликованные правительством, по частным же сведениям гораздо больше. Убиты железно-дорожные рабочие как и златоустовские, якобы за бунт.

На михайловской бойне правительство воочию показало всю свою деятельность, коварность и подлость. В Баку была грандиозная стачка: тысячи листков и прокламаций призывали рабочих на борьбу, они бросали работу

и шли на улицу, чтобы принять участие в демонстрациях против нашего азиатского строя: на улицах развивались красные революционные знамена. Но, несмотря на это небывалое революционное движение, бакинские рабочие не были расстреляны (по крайней мере правительство об этом молчит). Почему же это так. Неужели наше правительство признало за рабочими право защищаться против капиталистов и бороться за достижение гражданских прав.

Нет, не потому оно не расстреляло тысячной массы. В Баку, где забастовало до 50 тыс. рабочих, каждый ружейный выстрел отозвался бы в сердце забастовщиков и вызвал бы жгучую ненависть против царского правительства. Вот этой то ненависти оно боится. Стрелять же по сотне забастовщиков в глухой провинции и потом самому сообщать наглую ложь, а всем другим зажимать рот — вот по истине царской поступок, которым может гордиться самодержавное правительство.

Но свинцом, кровию и ложью не возможно заставить терпеливо нести нужду и горе, революционная волна захватила широкие рабочие массы и русская рабочая партия уже располагает достаточными силами, чтобы борьбу за свободу стачек, рабочих союзов, свободу слова и печати сделать всероссийской народной борьбой против самодержавного строя.

Недалеко то время, когда каждый выстрел в рабочих, защищающих свои человеческие права, будет вызывать гнев и негодование во всей революционной рабочей армии и будет призывать к свержению проклятого самодержавия.

Долой самодержавие.

Да здравствует политическая свобода.

Пермский Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Июль 1903 г.

№ 9.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Товарищи, вы, конечно, слышали о грандиозной стачке, охватившей весь юг России. Напомним еще эти многозначительные события.

В начале июля в Баку вспыхнула всеобщая стачка. Началась она на нефтяных приисках и керосиновых заводах, а потом постепенно перешла на осталь-

ные промышленные и ремесленные заведения города. Прекратилось движение на железной дороге; пароходы стояли в портах не нагруженными. Остановились вагоны трамвая; погасло электрическое освещение; забастовали типографщики, мелкие ремесленники, чернорабочие, прачки, водовозы, ассенизаторы и т. д. и т. д.

Общее число забастовавших простиралось до 50 тысяч, жизнь с фабрик и заводов перенеслась на улицы Здесь происходили народные собрания, обсуждались животрепещущие вопросы и постановлялись решения. Из Баку движение распространилось по всему Закавказью: вскоре забастовали мясники, оффицианты, типографщики (Батум), портовые рабочие, матросы, нефтяные заводы (и всю Закавказскую железную дорогу), на станции Михайлово стреляли: убито 10 и ранено 16 человек.

В Одессе стачка началась с портовых рабочих. К ним вскоре присоединились матросы, а к матросам рабочие с фабрик и заводов, служащие на трамваях, железно-дорожн. рабочие и т. д. и т. д. 15-го, 17-го, 18-го и 19-го июля происходили грандиозные демонстрации, в которых участвовало до 80 тысяч человек. В результате достигнуты значительные уступки.

По последним сведениям была также демонстрация в Николаеве. Пароходное движение по Черному морю между Кавказом и Крымом и между Крымом—Одессой прекратилось. Движение разросталось все шире и шире. По Юго-Западным дорогам оно передалось в Киев: здесь забастовали жел.-дор. рабочие. 25 июля они собрались перед жел.-дор. мастерскими, произошла стычка с войсками. По правит. сообщениям, 3 убито, 27 ранено. В тот же день в Киеве была демонстрация на Подоле. Опять стреляли, 3 смертельно раненых. Забастовка принимает всеобщий характер: забастовали заводы, булочники, типографщики.

Ничего подобного еще не бывало в России. В стачке принимали участие все рабочие и без различия профессии, стачка широкой волной захватила не только крупные промышленные заведения, но и мелкие. Промышленная жизнь остановилась и растерявшиеся капиталисты принуждены были выслушивать требования рабочих:—8 час. рабочий день, повышение заработка, человеческое обращение и целый ряд других требований были предъявлены рабочими.

Многие требования были удовлетворены. Эти стачки наглядно показали всем, насколько вырос южный рабочий, он уже не склоняет покорно свою голову перед капиталистами, старающимися выжать из рабочих все соки; южный рабочий в этом движении проявил большую классовую солидарность и для него великий призыв соц.-дем. партии „Пролетарии всех стран, соединяйтесь" служит уже руководящим лозунгом в пролетарской борьбе. Наши южные товарищи не ограничились требованиями, касающимися улучшения условий труда, они кроме того показали свою политическую зрелость,—они шли на улицы и площади и устраивали грандиозные собрания и демонстрации с красными революционными знаменами, на которых гордо красовались требования: „Долой самодержавие", „Да здравствует политическая свобода".

Почему, товарищи, мы не поддержали южных товарищей рабочих?

Пермский Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Август 1903.

№ 10.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

„Наших сподвижников юные очи,
Может ли вид эшафота пугать".

23-го августа военно полевым судом в Таганроге приговорены к смертной казни через повешание Александр Брайловский, Дмитрий Колосков и Адриан Куксин.

За какие же потрясающие душу преступления они приговорены к смертной казни. Они, отвечает нам наше царское правительство, участвовали в „безпорядках" в Ростове-на Дону 2-го марта. Что это за „безпорядки", правительство нам ничего не говорит, разъясним же это мы за него.

В Ростове были не безпорядки, а рабочая уличная демонстрация. Несколько тысяч рабочих с пением революционных песен и с возгласами: „Долой самодержавие", прошлись по улицам города, неся над собою Красное рабочее знамя.

Зачем наши товарищи шли на улицы. После грандиозной ноябрьской стачки, во время которой правительство убило несколько десятков рабочих, ростовские рабочие воочию убедились, что борьба за 8-ми часовой рабочий день, за высокую плату, за человеческое обращение не может быть вполне успешною до тех пор, пока у нас самодержавная власть. Ростовские рабочие хорошо поняли связь господствующего произвола в мастерских с ничем неограниченной властью и пошли на улицу, чтобы протестовать против бесправного положения, как русского рабочего, так и вообще всего русского народа. Вся наша жизнь скована тисками самодержавной власти. У нас нет самых насущных политических прав: ни свободы стачек, собраний и союзов, ни свободы слова и печати. Нами правят не выбранные нами люди, а крепостники и кровожадные деспоты, назначенные царем. У нас вместо неприкосновенности личности—полный полицейский жандармский произвол. Вот против этого то произвола и вышли протестовать наши ростовские товарищи.

Зачем правительство предало их военно-полевому суду. Уже целое десятилетие царское правительство всеми способами ведет борьбу с рабочим движением и бессильно подавить его. Сотни рабочих уж расстреляны за участие в стачках, а стачки не только не прекратились, а захватили всю Россию. Несмотря на все эти жестокости нашего правительства, революционное сознание рабочих за последнее время растет все шире и шире. Рабочие начинают уже выходить из душных мастерских на улицы и требовать политической свободы. Наше коварное правительство хорошо понимает, где таится погибель его и вот потому то демонстрантов отдает в руки военно-полевых судов с их неизбежными виселицами вместо правосудия.

Но может ли нас вид эшафота пугать. Нет, товарищи, эшафотами и пушками нельзя остановить освободительного движения многомиллионного рабочего класса. Пусть геройский подвиг наших ростовских товарищей за святое рабочее дело будет служить нам примером, как следует вести борьбу с нашим кровным врагом. Когда, товарищи, будут такие же смелые и самоотверженные борцы по всей России, тогда придет конец царскому насилию и издевательству над русским народом.

Долой самодержавие. Да здравствует политическая свобода.

Пермский Комитет Российской Социал-
Демократической Рабочей Партии.

Сентябрь 1903.

№ 11.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

К рабочим жел.-дор. мастерских.

Во вторник мы все, как один человек, бросили работу после 3-х часов. Мы требовали восстановления попранных прав. Что же сказал нам начальник мастерских:—он просил нас выбрать депутатов. Какая злая насмешка,—разве мы не знаем, что депутатов наших арестовывают, как политических преступников. Все наши требования начальник признал незаконными. Все царские законы против нас. Товарищи! Долго мы молча переносили всякие насилия и оскорбления от своего начальства и ждать нам больше нечего.

Вспомните, товарищи, как нынешним летом рабочие юга России геройски отстаивали свои права за лучшую жизнь. Пора и нам открыть борьбу. В отдельности каждого из нас начальство может вышвырнуть из мастерской, как ненужную вещь. Но когда мы соединимся, мы грозная сила... В наших руках, товарищи, распространить забастовку по линии и остановить движение поездов. Будем, товарищи, дружно продолжать так хорошо начатую забастовку до тех пор, пока не будут исполнены наши требования.

Мы требуем:

1. Чтобы под все праздники работы кончались в 3 часа.

2. Мы требуем повышения расценок и поденной платы, так как существовать по человечески на получаемые нами гроши невозможно.

3. Мы требуем 8-ми часового рабочего времени.

4. Мы требуем человеческого с нами обращения. Мы—не скоты и поэтому окриков и издевательств начальства мы дольше не можем сносить.

5. Мы требуем, чтобы начальство наше удалило из нашей среды шпионов и наушников. Эти презренные гадины, как, например, Бояршинов, из главных мастерских положительно отравляют нашу жизнь.

Долой самодержавие.

Да здравствует Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пермский Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

30 сентября 1903.

№ 12.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

К рабочим Мотовилихинского завода.

Наконец то на днях, товарищи, показался отчет горнозаводской лавки, который по уставу должен утверждаться общим собранием не позже марта месяца. Долго думали заправилы лавки над отчетом, а скрыть все мошенничества все-таки не удалось. Например, сахар везде оптом покупается не дороже 5 руб. 60 коп. за пуд, а они покупали якобы по 6 руб. 4 коп., чай же стоящий в оптовой покупке не дороже 1 руб. 25 коп. за фунт, который продается у нас за 1 руб. 60 коп. (они покупают якобы 1 руб. 35 к.). Итак с каждого фунта чая 10 коп. заправилы кладут себе в карман, с 5524 фун. украдено не менее 552 руб. 40 коп. на одном чае. Да и в самом отчете концы с концами плохо сведены. Напр., на странице 22-й и 23-й, 1-я графа сверху—„крупчатка первого сорта" поставлена в покупке за пуд, 1 руб. 78 коп., т. е. понесено по 7 коп. убытка на каждом пуде, на всех 650 пудах убытку 45 руб. 50 коп. Что же мы видим в отчете? Там показана прибыль 79 руб. 75 коп.

Но по всему видно, что отчет составлен только для того, чтобы провести и обморочить нас. На наши трудовые денежки богатеют и строят дома члены правления и ревизоры, выбранные из нашего же брата рабочего. Все эти плутни начальства и прислужников по лавке происходят от того, что мы не смеем нигде обличить открыто плутни начальства.—Вся чистая прибыль указана в отчете 5500 руб., между тем в других обществах при таких же оборотах чистая прибыль достигает громадных размеров. Ложно показана и оборотная сумма круглый год 189.715 руб. 51 коп., она на самом деле гораздо больше при таком большом количестве рабочих—покупателей.

Товарищи, пользы нам от лавки нет никакой. Вы сами хорошо знаете, что товары в ней часто бывают недоброкачественные, а цены непомерно высокие, напр., за крупчатку, которая на рынке продается по 1 р. 70 к., мы платим по два рубля и т. д. Наша лавка для нас петля на шее. Давайте дружно добиваться, чтобы нам жалованье платили деньгами, а лавку закрыли.

Мотовилихинский рабочий комитет.

Издание Пермского Комитета Российск. Социал-Демократической Рабочей Партии.

Появилась 7-го октября 1903.

№ 13.

Российская Социал Дамократическая Рабочая Партия.

Подвиги Пермского Помпадура.

„Мечты, мечты. Где Ваша сладость"?

Наш Помпадур помешался на том, что он губернатор. К своему огорчению, будучи только исполняющим должность, он из сил выбивается, чтоб показать, что он самый настоящий губернатор. „Я покажу, что значит настоящий губернатор". Это его главная забота. Объезжая вверенную ему губернию, он исступленно кричал на старшин, собираемых для встречи его прев-ства земскими начальниками, колотит о пол ногами, визжит, как завязший в подворотне поросенок, ломается как Петрушка, ругается как извозчик. Ибо таков, по его понятиям, должен быть настоящий губернатор. Мужики везде принимают его за пьяного.

В Кунгуре доброхотные гребцы, члены местного яхт-клуба, по просьбе исправника, согласились прокатить Помпадура в лодке. Напрасно прождав часа 4, гребцы отлучились на минутку, чтобы перекусить, а в эту-то миминуту и пожаловал Помпадур со своей свитой. Произошла задержка. Помпадур пришел в бешенство, разразился бранью. При всем честном народе он стал пушить исправника с верхней полки и велел ему тотчас же подавать в отставку. Полицейские чиновники могут перенести от своего начальства всякие поругания. Молча перенес поругания и Кунгурский исправник, молча подал в отставку, в то-же время он написал жалобу на губернатора в сенат, но, говорят, потом струсил и взял ее обратно.

По улице идет веселая кучка гимназистов. Вдруг их останавливает неистовый вопль. „Стой"! И сам Помпадур сходит с экипажа и, грозный и гневный, идет навстречу. Он замахивается палкой, кричит: „Скоты, мерзавцы! Вы знаете, кто я такой.—Я пермский губернатор. Шапки долой. Во фронт. Я вас арестую". И весь этот переполох только из-за того, что мальчики, зазевавшись, не сняли перед ним шапки. Дети, конечно, поняли на этот раз, что такое настоящая власть и что такое настоящий губернатор.

На гостей своей жены он кричит: „невежа, когда входит губернатор, должна вставать". Приехавших к нему с приглашением на свой школьный праздник дам, он заставляет ждать в приемной больше часа. Потом начи-

нается кривлянье: он говорит, что ему некогда, бормочет какие-то пошлости на счет женщин и просит праздник отложить. Дамы говорят, что праздник храмовой и отложить его нельзя. „Даже для начальника губернии“.... игриво возражает Помпадур, ломаясь.

Ломанье—это его специальность. Он единоличным распоряжением закрывает родильный дом Общества Красного Креста, находя это учреждение не отвечающим целям общества. В Шадринске он разносит местный комитет все того же Красного Креста, просит закрыть его и приказывает снять вывеску. И все это почему, думаете. Только потому, что комитет не в ладах с председателем уездного съезда.

И чем больше он бесчинствует, тем больше раболепствуют перед ним лакеи и холопы. В уездах его встречают везде как царскую особу, с хлебом — солью. И непременно на серебряном блюде. В этом отношении из страха не угодить соперничают друг перед другом земские начальники, вводя в большие убытки мужиков, городские головы, председатели земских управ.

В Чердыни Помпадур, большой любитель клубнички, встретил свою старую знакомую, заброшенную сюда капризной судьбой, даму полусвета, некую Р., и воспылал. Побросав все дела, он всецело предался неге любви: все время проводил у своей очаровательницы, гулял, катался с ней на пароходах, и сопровождавшие его чиновники и именитые горожане принуждены были быть невольными свидетелями заигрывания и нежничания влюбленных. После, когда уже в квартире один на один Помпадур предавался с очаровательницей радостям бытия, начальник местной полиции должен был до 5 часов утра торчать около дома, охраняя покой его превосходительства.

Он приказывает привести к себе через полицию купца Осипова и грозит ему тюрьмой за то, что тот, наскучив присылать товар ему на показ, сказал посланному: „спросите его п-ство, не лучше ли ему самому пожаловать в магазин“. Осипов человек болезненный, в приемной губернатора с ним сделалось дурно.

Недавно Помпадур потребовал, и тоже через полицию, ссуду в 2000 р, из общества взаимного кредита. Бедные банковые заправила поставлены были в большое затруднение, но все-таки имели столько гражданского мужества, чтоб отказать, сославшись на устав, по которому на получение ссуд имеют только право члены общества.

Наушничество, доносы, сплетни, интриги, угодничество и великая подлость уже и теперь вытеснили из чиновничьей среды хоть сколько-нибудь серьезное отношение к делам. Все, что ни есть самого низкого, подлого, презренного, смело поднимает голову. Говорят, что Помпадур уже и взятки стал брать. Быстрота и натиск. Вот, что значит настоящий губернатор.

Путешествуя по заводам, он везде держал себя вызывающе по отношению к населению и благосклонно по отношению к заводам. Заводы устраивают ему обеды, пиры, увеселения, он даже останавливается в заводских домах и везде афиширует свое благоволение к заводам. И все это после только что произведенной генералом Савичем „ревизии", которая имела в виду показать горнозаводскому населению „внимание" к его обидам и нуждам со стороны высшего начальства. „Я не согласен с генералом Савичем: по моему земля не нужна населению, она нужна заводам", заявляет Помпадур.

Политические взгляды нашего Помпадура — ушат помоев со страниц „Московск. Ведом.". „Гражданина", ушат, из которого Помпадур так охотно окатывает как отдельных лиц, так и целые корпорации (напр. земских служащих).

Много у нас бывало разных губернаторов, были из них и очень глупые, но такого вырождающегося идиота, как Наумов, еще не бывало.

Назначение неумолимо глупых и подлых губернаторов теперь в моде. Это знамение времени, с особенной яркостью проявившееся у нас.

Наше гнилое самодержавие в борьбе с растущим рабочим движением опирается не на моральную силу, а на насилие. Вот поэтому, то Николай II облекает властью таких крупных злодеев и мерзавцев, как Плеве, и его ставленников, мелких сошек, как Наумовы.

Сохранить на долго царскую корону при помощи г-д Наумовых — это „бессмысленные мечтания" слабоумного Ники — Милушы. Мы гробокопатели нашего самодержавного строя можем только воскликнуть:

Мечты, мечтны. Где ваша сладость.

Долой самодержавие. Да здравствует политическая свобода!

Да здравствует Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия!

Пермский Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

17 октября 1903.

№ 14.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Если-ж погибнуть придется в тюрьмах и шахтах сырых,
Дело всегда отзовется на поколеньях живых.

Самодержавие рушится. Рушится под тяжелыми и грозными ударами рабочего класса, который вырос духовно за последние 5 лет, сознал свои задачи и вполне созрел для политичеекой борьбы. Грозная армия пролетариата растет не по дням, а по часам. Рабочее движение захватывает самые глухие уголки России, и Красное пролетарское знамя чуть не каждый день развивается на улицах городов и заводов. Царские опричники чувствуют, что не далек уж тот день и час народного суда, мечутся в смертельном ужасе, организуют все темные силы, наполняют города и деревни сворами сыщиков и жандармов, арестуют, мучают, ссылают, вешают, стреляют, надеясь этим спасти пошатнувшиеся основы самодержавия. Но армия пролетариата растет, на место одного павшего является несколько новых борцов Пермские жандармы и полиция не отстают от других, вытравляя крамолу. 1-го октября своры полицеских целую ночь рыскали по квартирам обывателей, врываясь туда обманом, не давая времени одеваться—подлые опричники не признают даже женской стыдливости—по одному лиш устному приказанию Широкова. Результаты набега—25 арестовзнных: 5 рабочих и остальные интеллигенты: и несколько обысков, в то числе в Мотовилихе и в Смышляевской библиотеке. Но нам не страшны тираны и их бесчеловечная жестокость. Общее дело никогда не умрет, напротив усиление режима нагайки означает лишь рост народного сознания и революционного движения, ибо чем более растет движение, тем более правительство боится его и тем свирепее оно старается задавить малейшее его проявление, что в свою очередь вызывает еще большее возмущение. Уже слышны раскаты приближающейся бури. Недалек тот момент, когда сплоченная армия рабочего класса дружным натиском свергнет ненавистное его самодержавия.

Российская Социал-Демократическая рабочая партия призывает все слои общества, угнетаемые азиатски-бесчеловеческим правительством, присоединиться к армии пролетариата в его великой борьбе за освобождение народа от про-

извола и бесправия, и мы, Пермские социал-демократы, как часть этой армии, призываем всех чувствующих этот гнет объединиться вокруг знамени девиз которого: „долой самодержавие, да здравствует политическая свобода.

Пермский Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

15 октября 1903.

№ 15.

Вызов, сделанный кучкой лиц, уцелевшей от погрома жандармских набегов на рабочих и интеллигенцию с целью приостановления соц.-дем. движения, был обдуман и представлен на рассмотрение и утверждение рабочих собраний; этот проэкт рабочей организации по образцу Петербургской организации рабочих. Что этот предлагаемый проэкт организации своевременен — в этом нельзя—грешно сомневаться. Почему? Товарищи, как вам известно, благодаря усиленным арестам и высылкам, движение, на взгляд жандармов, как будто приостановилось; действительно, теперь жандармы могут сказать себе, что еще одно усилие и они уничтожат крамолу или приостановят ее рост на долгое время, так как давно уже на Пермских заводах и мастерских не появлялось листков и прокламаций, выпуск же „рабочего бюллетеня“ этой рабочей газеты прекратился. Благодаря арестам и сыску, оставшиеся в живых интеллигенты и рабочие притихли и сидели по своим углам, приготовляясь к должному отпору, жандармским набегам и облавам. А эти облавы и набеги не прекратятся до тех пор пока, не будет впереди ни одного интеллигента социал-демократа, а оставшиеся рабочие, будучи без руководителей, должны будут волей неволей смолкнуть и будут без труда рассеяны жандармами. И вот, чтобы избегнуть этого, мы, рабочие, должны быть готовы чтобы принять жандармский удар своей грудью и встретить гостей так, чтобы они раскололи свои лбы о нас, а для этого нам нужно организоваться, т. е. привести в известность свои силы и распределить работу так, чтобы не было возможности разбить нас. Товарищество — великое дело и каждый из нас, войдя в организацию и работая под соц.-дем. знаменем, будет знать, что он не один и что рядом с ним работают его товарищи, которые и могут заменить его на случай ареста, а ведь говорят: „на людях и смерть

красна". Состоя в организации, можно работать сравнительно безопаснее, так как тогда не понадобится каждому члену иметь непосредственные сношения с интеллигенцией, следовательно, не подвергаться риску быть выслеженным и всадить как себя, так и других лиц.

1. Р. П. должен быть лицо, пользующееся авторитетом среди рабочих своего района. 2. Должен зорко наблюдать за настроением своего района и давать отчет в этом Комитету, 3. Район. представ. должен иметь в своем распоряжении лиц, которые могли бы его заменить на случай его ареста, дав им заранее связи. 4. Р. П. должен иметь в своем распоряжении типографию, приобщив к сему и своих заместителей, 5. Р. П. должен вести счет всем организованным рабочим, чтобы он имел возможность в данную минуту знать, сколько он может выставить организованных рабочих для какого либо дела. 6. Р. П. должен заведывать кассой согласно с пунктом 3 районной организации дело сбора денег. Касса организации должна быть поставлена возможно конспиративнее—одна из причин, почему о кассе совершенно не упомянуто в программе. Программа сбора денег районных касс вырабатывается на районных сходках.

№ 16.

Товарищи. Мы стоим теперь накануне великих событий. Посмотрите, до каких несчастий довело весь русский народ самодержавное правительство извергов и тиранов, правительство продажных царедворцев и прихвостней капитала. Царское правительство бросило русский народ в безумную войну против Японии. Сотни тысяч молодых жизней вырвано у народа и погублено на Дальнем Востоке. Нет слов для описания всех бедствий, которые несет с собой эта война. Из за-чего она? Из-за Манчжурии, отнятой нашим грабительским правительством у Китая. Из-за чужой земли льется русская кровь и раззоряется наша страна. Все тяжелее становится жизнь рабочего и крестьянина, все туже затягивают на них петлю капиталисты и чиновники. А царское правительство посылало народ на грабеж чужой земли. Бездарные царские генералы с продажными чиновниками погубили русский флот, растратили сотни и тысячи миллионов народного достояния, потеряли целые армии —война все продолжается и несет с собой новые жертвы. Народ раззоряется,

останавливаются промышленность и торговля, надвигаются голод и холера, а царское правительство в диком ослеплении идет старым путем, оно готово погубить Россию лишь бы спасти кучки извергов и тиранов, оно начинает — кроме войны с Японией войну с русским народом. Никогда еще не переживала Россия такого пробуждения от сна, забитости и неволи, как теперь. Зашевелились все классы общества от рабочих и крестьян до помещиков и капиталистов, поднялись голоса негодования всюду, в Петербурге и Кавказе, в Польше и Сибири. Народ требовал везде прекращения войны, народ требует учреждения, свободного народного правления, созыва депутатов от всех граждан без исключения в Учредительное собрание, для назначения народного правительства, для избавления народа от той пропасти, куда его толкает царское самодержавие. Петербургские рабочие, числом до двухсот тысяч человек, пошли к царю со священником Г. Гапоном в воскресение 9-го января, чтобы изложить эти народные требования. Царь принял рабочих, как врагов, царь расстрелял тысячи безоружных рабочих на улицах Петербурга. Борьба кипит теперь по всей России, бастуют рабочие, требуя свободы и лучшей жизни, льется кровь в Риге и Польше, на Волге и на юге, подымаются всюду крестьяне, борьба за свободу становится общенародной борьбой. Царское правительство обезумело: преследования, произвол чиновников, нет свободных народных сходок, нет свободных народных газет, не открываются тюрьмы, где томятся борцы за дело свободы.

Царское правительство старается натравить один народ на другой, оно устроило побоище в Баку, наклеветав татарам на армян, оно готовит теперь новое побоище евреев, разжигая в темном народе ненависть к ним. Товарищи, мы не позволим дольше так надругаться над русским народом. Мы встанем на защиту свободы, мы дадим отпор всем, кто хочет отвлечь народный гнев от нашего настоящего врага. Пусть выбраны будут народные депутаты всеобщим, прямым, тайным голосованием. Пусть выйдут из тюрем и вернутся из ссылки все борцы за свободу. Пусть открыто устраиваются сходки и печатаются без надзора простых чиновников народные газеты. Пусть вооружится весь народ, дадут ружье каждому, чтобы сам народ, а не кучка грабителей, решал свою судьбу. Пусть соберутся по селам свободные крестьянские комитеты, чтобы свергнуть помещичью крепостную власть, чтобы изба-

вить народ от чиновничьего надругательства, чтобы вернуть крестьянам отнятые у них земли.

Да здравствует свобода рабочего и крестьянского народа!

№ 17.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ко всем рабочим и работницам.

Товарищи! Весь народ с большим вниманием следит за собравшейся Думой. Всякий следит за ее работой. И чиновники, купцы, помещики, крестьяне, заводчики и рабочие. Одни верят, что Дума хочет и может дать амнистию и все свободы и даже землей наделить крестьян; другие,—что Дума хочет все дать, да мешает царское правительство; третьи,—что Дума не хочет дать ни всей власти всему народу, ни всей земли крестьянам. Кто из них прав?

Самый закон 11 декабря был силой вырван у правительства. Он издан, когда в Москве и других городах текли реки народной крови. Вслед за изданием этого закона по всей России начинает правительство усиленно „успокаивать" рабочих и крестьян, „умиротворять" страну: тысячами казненных без суда и по суду... Десятками тысяч запертых за решетками; тысячами сосланных в „отдаленные губернии"; объявлением всей России на военном положении, чрезвычайной и усиленной охраны; карательными отрядами в Сибири, на Кавказе и в Прибалтийском крае, закрытием фабрик и мастерских, массовым увольнением по заводам и фабрикам „неблагонадежных", разгоном и избиением рабочих собраний.

Залив кровью Россию, правительство надеялось потопить стремление народа к свободе.

Правительство ошиблось. Притеснения царских насильников научили всех. В декабрьские дни народ понял, что заодно с правительством только убийцы и грабители. При выборах народ ясно показал, что он добивается свободы. В Думе почти нет сторонников царского правительства. Но нет там и сторонников рабочего класса.

В борьбе с царскими опричниками впереди всех шел рабочий класс. Под знаменем своей рабочей—социал-демократической партии он наносил удар за ударом самодержавному правительству. Он заставил расширить избирательный закон. Плодами победы воспользовался не пролетариат. Не имея возможности вести свободной предвыборной агитации, не желая выбирать кандидата в тюрьму—рабочая партия отказалась от участия в выборной комедии. Выставляя боевым лозунгом созыв Всенародного Учредительного Собрания на основании всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов самим народом—рабочие отвергли царскую подачку. Но темная рабочая и крестьянская масса продолжала верить в Думу, верить, что Дума даст свободу.

С большим нетерпением ждали все ответа Думы на царскую тронную речь. Многие полагали, что ответ будет резким и определенным. Вышло не так. В своем ответе Дума не требовала, а просила, как милости, от обагренного кровью царя—амнистии. Много наших товарищей, томящихся в тюрьмах, протестовали против таких просьб. Они шли впереди в борьбе с царским правительством. Они не милости просят, а требуют освобождения, как своего права. Дума отказалась от равного, прямого и тайного избирательного права. Она не выставила своим лозунгом созыв Всенародного Учредительного Собрания. Клич, воодушевлявший в борьбе тысячи рабочих и крестьян, Дума отбросила. Она не упомянула о разоружении армии, на штыках которой только еще и поддерживается царское правительство. Она оставляет в руках старого кровавого правительства всю власть. Она не упоминает о передаче всей власти народу. Она не признает за крестьянами права на всю землю. Она стремится к сделке с царем. Часть власти ему, часть—капиталистам—верхняя палата—и третья часть всему народу. Дума против конфискации (передачи без выкупа) всей земли народу.

Забывая требования, за которые с 9 января 1905 года пролили реки крови, за которые гибли и январские мученики, идя с верой в царя к Зимнему Дворцу, и декабрские герои, сражаясь на баррикадах—Дума показала, что требования народа—не ее требования.

На мольбу Думы об амнистии правительство ответило отказом. Оно не хочет снять и военного положения, и усиленной и чрезвычайной охраны. Оно не перестает хозяйничать во всей стране. Казни продолжаются. Дума поста-

новляет отмену смертной казни—через несколько дней 8 рабочих в Риге повешено. Дума „разговаривает" о свободах, а царское правительство „действует". Организует черносотенные погромы. Арестовывает массы рабочих. Разгоняет собрания. Избивает мирных граждан. Тысячами посылает крестьян и рабочих „в отдаленные губернии" и на каторгу.

Так действовало правительство, когда не было Думы. Так продолжает вести свою линию и теперь, когда в Думе „народные представители" разговаривают о свободах.

Товарищи рабочие! Издевались над нами царские опричники раньше, насилуют наших жен, дочерей, сестер и теперь. Бьют и теперь. Долгую упорную борьбу вели не за такую Думу, не за такую свободу. Помирая на баррикадах, наши товарищи до последней капли крови защищали кровавое красное знамя. Они боролись за требования, написанные кровью на знаменах. Они знали, что свободу даст не царское правительство, не Государственная Дума, которая созвана царем же, а народ сам возьмет власть в свои руки.

Правительство придумывает новые и новые казни, посылает карательные экспедиции по всей России, заготовляет блиндированные поезда, приготовляется снова пролить реки крови... Не хочет ли оно передать власть Думе? Нет. Обагренное кровью народа—оно уступит только перед дружным напором крестьян и рабочих. И в настоящее время, как и прежде, мы должны помнить, что только сплотившись под знаменем своей партии, не надеясь на Думу, а приготовляясь к борьбе, к последней отчаянной схватке с купающимся в нашей крови врагом мы добьемся свободы. Как прежде, так и теперь дело свободы решит борьба не в Думе, а на улице.

Подумайте—кто прав?

Организуйтесь! Готовьтесь к новой битве! Становитесь под красное рабочее знамя социал-демократии! Пусть погибнут враги народа, пусть не льется по улицам городов и деревень народная кровь! Всю власть в руки народа! Он сам для себя создаст полную свободу! Только при полной свободе мы, рабочие, сможем строиться в могучие рабочие колонны. Сбросив с себя рабство политическое—гнет царя и чиновников—мы сможем затем уничтожить и рабство экономическое—добьемся социализма.

Мы боремся за Учредительное Собрание на основании всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов.

Мы добиваемся демократической республики.

Мы стремимся к социализму!

Мы идем под красным знаменем Российской Социал-Демократической Рабочей Партии!

Пермский Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Май 1906 г.

№ 18.

Пролетарии, всех стран соединяйтесь!

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия

Товарищи-рабочие. 14 мая по произволу полиции не было допущено собрание учителей.

На полицейский произвол интеллигенция, студенты и др. учащаяся молодежь ответили демонстрацией. Вечером того же дня еще более сильной демонстрацией ответили вы.

Отдельные группы демонстрировали на другой день.

Из них полиция арестовала около 30 человек рабочих и бросила в тюрьму.

Тов. рабочие, не выдавайте своих товарищей, не давайте их в обиду полиции и жандармам.

Вооружайтесь и спешно готовьтесь к новой общей демонстрации, чтобы требовать их немедленного освобождения.

Произвол и личное административное усмотрение сатрапов Наумовых будет продолжаться и давать о себе знать полицейскими нагайками, солдатскими пулями и штыками до тех пор, пока живо самодержавие.

До тех пор полиция будет давить, топтать и бросать в тюрьмы прежде всего и больше всего вас, товарищи рабочие.

До тех пор полицейский произвол будет препятствовать вашему общему рабочему делу—борьбе за счастье всех и каждого.

По драконовским законам самодержавного правительства вы лишены права защиты своих интересов, своего рабочего дела.

Только „народное представительство", только представители интересов рабочего класса будут защищать ваши, товарищи, интересы и нужды, а не царское правительство.

Только при политической свободе будет успешной ваша борьба за рабочее дело.

Долой самодержавие!

Да здравствует народное представительство, избранное всеобщей, равной, прямой и тайной подачей голосов!

Да здравствует социализм!

Пермский Комитет.

№ 19.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи—рабочие, все мы можем горячо приветствовать друг друга с началом открытой борьбы с самодержавным правительством в нашем уральском крае. Демонстрация 14-го мая в Перми показала, что рабочие не хотят больше сносить своего бесправия, бедности и невежества. Они желают участвовать в политической жизни страны для блага всего народа; желают создать такие условия, при которых борьба с обирающими их капиталистами была бы возможна; желают, чтобы образование стало делом всего народа, а не кучки счастливцев и народные деньги тратились бы на нужды всего народа и под контролем всего народа.

Самодержаное правительство, разорившее всю страну непосильными поборами и налогами, убившее на полях Манчжурии сотни тысяч наших братьев, тратящее народные деньги на роскошь двора, на казнокрадов чиновников, наглых жандармов, полицию и сыщиков, должно быть свергнуто.

Это правительство оставило коснеть страну в невежестве, загородив народу доступ к просвещению, чтобы он не сознавал своего бесправия, оно содержит целые полчища солдат, забитых, замуштрованных до того, что те

поднимают оружие против своих же братьев рабочих и крестьян, когда те борются с капиталистами, отстаивая свои интересы. Наконец, это правительство не издало ни одного закона, который охранял бы права народа. Все собрания и сходки рабочих оно разгоняет штыками и нагайками. Ораторов рабочей среды бросают в тюрьмы и ссылают.

Вы видели, как 14 мая в Перми на мирную толпу были направлены полиция и солдаты, а на другой день царский лакей Наумов объявил войну населению, обещая стрелять в каждое сборище. Но не удалось самодержавному правительству задавить народное самосознание. Чаша народного долготерпения переполнилась. Везде раздаются крики: „долой произвол, долой самодержавие“. Товарищи, готовьтесь к последней схватке с самодержавием, но помните, что правительство еще сильно, в его руках вооруженная свора полицейских, жандармов и сыщиков, да и невежественные, забитые солдаты, не сознавая ясно, что тяжелое положение их создано тем же правительством, становятся на его сторону. Вооружайтесь же и вы товарищи, силу можно отразить только силой. С оружием в руках добудем мы себе свободу и право на человеческое существование.

Долой самодержавие! Да здравствует вооруженное восстание!

Пермский Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

№ 20.

Пермский Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии считает своим долгом оповестить рабочих, что на 25 мая он никакой демонстрации не назначал. Все слухи на этот счет исходят, вероятно, от полиции с целью вызвать рабочих на неорганизованную демонстрацию и подвергнуть их зверскому избиению. Товарищи, не выходите 25 мая на демонстрацию.

Пермский Комитет.

№ 21.

Требования рабочих завода Мотовилихи.

Мы хорошо понимаем, что, предъявляя нижеследующие требования, мы добиваемся лишь временных и частичных улучшений. Мы знаем, что коренного изменения в нашем положении мы добьемся лишь тогда, когда добьемся уничтожения частной собственности на средства производства, т. е. когда мы добьемся социалистического строя. Для того, чтобы добиться этого, нам нужна политическая свобода, т. е. свобода печати, слова, совести, собраний, союзов, стачек. Такую свободу нам может обеспечить только демократическая республика и мы с оружием в руках будем добиваться ее.

Самодержавное правительство должно быть свергнуто: оно ведет ненужную никому войну, вредную рабочему классу, оно разоряет весь народ непосильными налогами, безрассудно расхищает народные деньги, оно держит в невежестве и бесправии весь народ. Для того, чтобы иметь возможность бороться за наши политические требования и за нашу конечную цель, социализм, нам нужны более сносные условия существования, каковых нам не дает завод. Для достижения этой нашей цели мы требуем:

1. 8-мичасовой рабочий день для всех без исключения и для чернорабочих.

2. Полное запрещение сверхурочных работ.

3. Расширение фабрик настолько, чтобы уничтожить все ночные работы от 10 часов вечера до 6 часов утра.

4. 6-тичасовой рабочий день для подростков от 15 и до 18 лет.

5. Обеспечение рабочих на случай болезни, старости и неспособности к труду полной или неполной. Размер пособий определяется с согласия выборных от рабочих.

6. Учреждение смешанной комиссии из представителей от рабочих и администрации поровну для установления заработной платы, браковки, внутреннего распорядка на фабриках, приема и увольнения рабочих.

7. Еженедельный срок расплаты в рабочее время в помещении мастерских.

8. Устройство в самом заводе приемного покоя.

9. Подручные должны получать плату от завода, а не от рабочих, заработная плата подручным должна быть не менее 40 копеек.

10. Поденная плата взрослых рабочих не должна быть менее 80-ти копеек, а также для чернорабочих.

11. Огмена обязательных сборов на красный крест, приют и пр.

12. Свобода собраний в помещении завода для обсуждения своих нужд

13. Замена десятников выборными от артели.

14. Отмена обысков.

15. Вежливое обращение.

16. Удаление шпионов по требованию рабочих.

17. Удаление управителя Назарова.

18. Освобождение всех арестованных после 14 мая.

19. Право пользоваться книгами из заводской библиотеки. Приобретение книг производится с согласия рабочих.

20. Неприкосновенность всех стачечников.

21. За время стачки должна быть выдана рабочая плата.

Пермский Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

№ 22.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь.

К мотовилихинским рабочим.

Товарищи! На выставленные вами требования начальство заявляет, что это требования, выдуманные небольшой кучкой рабочих зачинщиков забастовки, мешающих другим работать. Так-ли это? Правда-ли, что рабочим ненужно сокращения рабочего дня, ненужно увеличения заработной платы, но нужно, чтобы в рабочем прежде всего признавали человека, чтобы рабочий имел возможность открыто и свободно отстаивать свои интересы. Правда-ли, что вас не гнетет порядок, поставивший рабочего в крепостную

зависимость от заводской администрации, начиная от мастера до управителя. Правда-ли, что не тяготят цепи полицейского правительства, спутавшего вас кругом, насильно удерживающего рабочего в невежестве, чтобы он не слыхал о лучшей жизни, не тянулся к свету, не желал большого. И не стыдно, товарищи, заводскому начальству так нагло заявлять нашим депутатам, что рабочие всем довольны! Чем может быть доволен рабочий? Он беден, забит, невежествен. Каждую минуту ему дают чувствовать, что он раб и не должен сметь выражать свое мнение. Подлый поступок Назарова с депутатом, только исполняющим свои обязанности и отстаивающим интересы выбравших его товарищей, ярко показал вам, что пока вами распоряжаются ставленники полицейского правительства, желающего подавить у рабочего всякую мысль о свободе, нечего и думать об улучшении условий труда. Позволяя выбирать депутатов, начальство играло комедию: пусть-де выбирают, а мы посмотрим, и тех кто станет горячо бороться, заберем в тюрьму или выбросим на улицу.

Не позволяйте же, товарищи, такого издевательства над собой, не принимайтесь за работу, пока не освободят арестованного товарища и не удовлетворят все ваши требования, главное-же поймите, что, пока над вами царствует самодержавное правительство, Строльманы и Назаровы будут творить их волю. На каждое ваше требование они ответят тюрьмой, казацкой плетью и обманом. Только правительство из свободно выбранных народом создаст законы прочно, обеспечивающие рабочему возможность борьбы с капиталом.

Долой самодержавие! Да здравствует всенародное учредительное собрание.

Пермский Комитет Российской Социал-
Демократической Рабочей Партии.

№ 23.

Требования рабочих Пермских пушечных заводов, предъявленные господину Начальнику во время забастовки, бывшей с 5-го по 21 июля 1905 года.

	Требования рабочих	Ответы Начальника завода
1	Освобождение депутата ЮРША с. д. тех, кто арестован в прошлую забастовку, принять на работу.	Арестованы по распоряжению властей и освобождение Юрша и остальных по предыдущей забастовке от меня не зависит.
2	По уполномочию депутатов от рабочих общее собрание постановило закрытой баллотировкой удалить М. Назарова и мастера Вас. Крапивина.	Постановление это не нахожу возможным привести в исполнение.
3	Учреждение смешанной комиссии представителей от рабочих и администрации поровну, для установления заработной платы, браковики, внутреннего распорядка на фабрике и увольнение рабочих. При чем депутаты в в комиссии имеют право решающего голоса, а не только совещательного.	Согласен только по отношению браковки и внутреннего распорядка. Заключения комиссии приводятся в исполнение, только в случае утверждения их Горным начальником.
4	Утверждение членов комиссии, выбранных от рабочих, не зависит от администрациии.	Не согласен.
5	Депутаты всех цехов завода должны иметь право собираться вместе для обсуждения вопросов, общих для всех рабочих.	(Не согласен). Могу согла ситься только на отдельные каждый раз с согласия Горного начальника и при участии по одному представителю каждого цеха.
6	Восьмичасовой рабочий день для всех рабочих баз исключения.	Не согласен.
7	Обеспечение рабочих на случай бобезни, старости, неспособности к труду, полной или неполной; размер пособий определяется смешанной комиссией.	Обеспечение и порядок определения пособий уже установлен учрежением касс горнозаводского Т-ва. Правами 1901 г. о пенсиях.

	Требования рабочих	Ответы Начальника завода
8	Немедленное устройство приемного покоя в помещении завода, с дежурным врачем или фельдшером специалистом по глазным болезням.	Приемный покой устраивается.
9	Поденная плата чернорабочим должна быть не менее 80 к., женщины должны получать 60 к., мастеровые по испытании смешанной комиссии должны получать не менее 1 руб.	Платы устанавливаются комиссиями пункта 3-го. Вопрос о повышении поденных плат во всех случаях, где это сделать следует, должны решаться в каждом цехе по соглашению с выборными цеха.
10	Замена десятников выборными от рабочих на окладное жалованье.	Выбор десятников должен быть от заводоуправления.
11	Вежливое обращение с рабочими, которое утверждено, но не исполняется.	Должно соблюдаться.
12	Разрешить подписку среди рабочих на устройство библиотеки для рабочих на правах публичных библиотек, при чем к сумме, собранной по подписке рабочих, заводоуправление должно добавить одну треть. Библиотечный комитет должен выбираться из лиц рабочих без вмешательства администрации.	Не имею права привести в исполнение.
13	Неприкосновенность всех стачечников.	За забастовку заводоуправление преследовать не будет.
14	Замена неучей мастеров образованными техниками специалистами.	Весьма желательно, но выполнимо по мере возможности.

	Требования рабочих	Ответы Начальника завода
15	Устройство низшего горнотехнического училища немедленно (согласно V-го съезда горнопромышленников 1896 г. и согласно Высочайше утвержденного мнения Государственного Совета об открытии технических учебных мастерских и курсов).	Могу только представить на разрешение высшего Начальства.
16	За время стачки должна быть выдана поденная плата всем рабочим без исключения, так как забастовка была вызвана администрацией завода.	Не согласен.
17	Назначать цену на изделия прежде их обработки.	Нахожу необходитым, приму меры.
18	Рабочие, проработавшие год и более на заводе, пользуются ежегодно 2-хнедельным отпуском с сохранением полной поденной платы.	Ходатайство я своей властью удовлетворить не могу, так как это противоречило-бы установленным на казенных заводах правилам и законам в условиях найма. Бедет представлено на разрешение высшего Начальства.
19	Все рабочие, утратившие временно трудоспособность как от увечий, так и от условий работы за время болезни получают от заводоуправления: женатый $^3/_4$, а холостой $^1/_2$ платы независимо от того, состоит или не состоит рабочий членом Горнозаводского товарищества.	
20	Всем рабочим от заводоуправления должны выдататься квартирные деньги, семейному не менее 4 руб., а холостому 2 р. в месяц.	
21	Женщины замужние, работающие на заводе, должны освобождаться от работ на две недели до родов и на четыре после родов, при чем они за это время получают полную поденную плату.	

	Требования рабочих	Ответы Начальника завода
22	Рабочим, жены которых по освидетельствовании врача окажутся больными и неспособными исполнять хозяйственные работы, заводоуправлением выдается особая сумма, не менее 4 руб. в месяц для нанятия прислуги.	Ходатайства я своей властью удовлетворить не могу, так как это противоречило-бы установленным на казенных заводах правилам и законам в условиях найма. Будет представлено на разрешение высшего Начальства.
23	В случае смерти рабочего или его жены последнему заводоуправление должно выдавать пособие в размере 20 р., по смерти ребенка 8 р. и рождения 10 рублей.	

№ 24.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Свобода или смерть. Так поклялись петербургские рабочие над трупами павших рабочих товарищей 9 января.

Свобода или смерть. Эту страшную клятву вслед за Петербургскими рабочими произнесли рабочие всей России. Нам, рабочим Мотовилихи, остается присоединиться к этому голосу и поклясться той же клятвою—свобода или смерть. Вчера на нас безоружных, на наших детей и женщин высланы были казаки, в нас стреляли, били нагайками, давили лошадьми. На месте побоища остались убитые и раненые. За что пролилась та кровь? За что льются потоки рабочей крови на улицах Петербурга, Варшавы, Лодзи, Риги, Иваново-Вознесенска и других городов?

Этой кровью товарищи, самодержавие решило залить пожар рабочего движения, охвативший всю страну. Этой кровью оно надеется устрашить миллионы рабочего люда, воставшего на защиту своих прав. Но устрашит ли? Нет, товарищи, этим правительство нам только показало, что рабочему придется силой вырвать из когтей самодержавного орла право свободно бо-

роться за улучшение своего существования, силой изменить государственный порядок, чтобы иметь необходимую для нас свободу собраний, свободу союзов и стачек, свободу слова и печати. Мы вырвем эту свободу только с оружием в руках. Иного средства нет, товарищи. Мирно бороться нам не дают, за стачку нас бросают в тюрьмы, ссылают, расстреливают. Нам, своим подданным, царь объявляет войну, против нас высылают войска. Приготовимся же и мы дать дружный отпор коронованному врагу, встретим следующий натиск все вооруженные.

Свобода или смерть! Иного выхода нет и не будет. И нашей стачки мы не кончим, пока не добьемся всего, что потребовали. Кровь, пролитая на сходке 10 июля, кровь товарищей рабочих, расстрелянных повсюду, где идет борьба за политическое освобождение России, не дают нам забыть этой клятвы.

Да здравствует борющийся с оружием в руках русский пролетариат!

Долой царя, расстреливающего безоружных детей и женщин

*Пермский Комитет Российской Социал.-
демократ. рабоч. партии.*

11 июля 1905 г.

№ 25.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Итоги последних событий.

Кровавая расправа царского правительства 9 января с мирными рабочими положила начала борьбы российского пролетариата с самодержавием. Все больше и больше рабочие массы захватывает сознание, что без политической свободы нельзя добиться улучшения своего положения. Преступная война с Японией окончательно открыла народу глаза на сущность самодержавия, показала ему, кто его враг. Кровь стынет в жилах, как бросишь взгляд на год войны: убитых при Ляо-Яни, Шахе, в Порт-Артуре, Мукдене и друг. местах даже по сообщениями правительства, которое скрывает свои потери, до пятисот тысяч человек. А сколько в плену, сколько больных и раненых. Часть искалеченных солдат вернулась уже на родину, чтобы лечь тяжелым бреме-

нем на свои голодные семьи. Рассказы их о муках, которые терпит солдат острою от голода и холода, раненый от недостатка ухода и лекарств, когда кругом царские холопы — чиновники и титулованные князья тащат все, что плохо, лежит, убивая веру в царя даже в темных крестьянских массах. Разбитый и потопленный флот стоил сотни миллионов рублей, а всего истрачено на войну по самому умеренному расчету до 2-х миллиардов руб. Эти деньги собраны с полунищего народа, которому отказано даже в первоначальном образовании. Легкомысленно начав войну, чтоб отвлечь пробудившееся народное внимание от окружающего его безобразия, царь не останавливается ни перед чем и продолжает собирать на убой новые войска. Конец его хозяйничанию близок. Широкая волна негодования народа охватила всю Россию. Целый ряд забастовок во всех промышленных центрах сопровождается, на ряду с требованиями экономических улучшений, зловещими криками „Долой самодержавие"!

Во многих местах на юге и западе высланные услужливо на помощь капиталу для усмирения „взбунтовавшихся рабов" войска и полиция наталкиваются на вооруженное сопротивление рабочих; а крестьянское волнение, охватившее Россию, отзывается на кровавые расправы заревом пожаров и разорением помещичьих усадеб—этих остатков крепостного строя. Учащаяся молодежь (студенты высших и средних учебных заведений) прекратили занятия, не желая заниматься при воздействии штыка и нагайки и несут свои силы в ряды борющагося народа. Царь, не желая слышать народный голос и расстаться с бесконтрольной властью, учиняет кровавые избиения народа с помощью войска и казаков. Как держит себя полицейская свора и „черные сотни" не стоит и говорить. Но день расчета недалек. Даже забитые солдаты, этот оплот самодержавия, поколебался: то и дело слышно об отказе части солдат стрелять в толпу, несмотря на ответственность, не у всякого ведь поднимется рука стрелять в своих братьев. А во флоте и совсем неладно. Матросы уже не в состоянии выдерживать больше побои грубых офицеров, голодать и спокойно ждать, когда их отправят для потопления. 20 июня телеграф принес известие, что матросы самого большого броненосца Черноморского флота „Князь Потемкин" взбунтовались, выбили всех офицеров и, приняв командование выбранных товарищей, направились в Одесский порт. Там они были встречены сотнями тысяч рабочих, прекративших работу.

Произошло страшное кровопролитие при столкновении рабочих с солдатами, вызванными для усмирения. Тысячи товарищей—рабочих пали от пуль в борьбе за свободу. В продолжение нескольких дней вся Одесса была охвачена восстанием. „Князь Потемкин" благополучно выбрался из порта. На пути он встретился с броненосцом „Георгий Победоносец", который также поднял знамя восстания, связав и высадив всех офицеров. Правда, часть команды изменила через день делу свободы и выдала 70 товарищей на расстрел кровожадному правительству. Не надо этому удивляться, темным забитым, запуганным матросам непривычна роль свободных людей. Товарищи, это первые раскаты революционного грома. Готовьтесь к борьбе, чтобы не быть застигнутыми врасплох и оказать поддержку всеобщему движению.

Организуйтесь и ждите призыва, т. к. первыми выступят товарищи—рабочие больших промышленных центров, как более многочисленные и лучше организованные. Помните, что успех борьбы зависит от дружных совместных действий. Как только раздастся призыв товарищей, поднимем и мы знамя борьбы за политическую свободу, которая одна даст нам возможность бороться за социалистический строй.

Долой самодержавие!

Да здравствует народное самоуправление!

Пермский Комитет Российской Социал-демократической рабочей партии.

№ 26.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь

К железнодорожным служащим.

Во ответ на ваши дружные петиции железнодорожное министерство не только строгое, но и милостивое, ответило объявлением военного положения на всех железных дорогах и изданием министерского циркуляра об учреждений особой комиссии по пересмотру устава пенсионной кассы. В состав этой комиссии входят по назначению все заведывающие местными комитетами пенсионной кассы и депутаты по выбору от каждой железной дороги, при чем

выборы должны быть двустепенные: каждая служба выбирает по запискам избирателя, а избиратели выбирают депутата от дороги, которые, съехавшись в Питер, без сомнения будут выбирать особую комиссию для редактирования нового устава пенсионной кассы.

Как видно, разыгрывается тоже кукольная комедия, какая проделывалась сенатором Шидловским и министром финансов Коковцевым. Но рабочие поняли всю гнусность подобного заигрывания и отказались от участия в комиссии. Фабриканты тоже не пожелали плясать по дудке Коковцева.

Министр князь Хилков, надеясь на нашу забитость и политическую незрелость, думает заглушить ваше недовольство пересмотром устава кассы, но он глубоко ошибается; ваши товарищи, собравшиеся, в Варшаве, Вильне и Москве, единодушно решили никакого участия в Хилковской комиссии не принимать; они знают по опыту, что дело не в пересмотре глупого устава пенсионной кассы, а в необходимости для каждого политической свободы и и гарантий неприкосновенности личности. Не может быть речи о комиссии, имеющей в виду улучшить положение служащих, где выгоняют их по неблагонадежности.

Вы помните, что и на Пермской дороге ваших товарищей без всякого следствия и суда сажали в тюрьмы и ссылали в Архангельскую губернию, а когда они были освобождены, то жандармский сподвижник начальник железной дороги Матренинский счел неудобным их снова принять на службу. Всем известна заботливость того же Матренинского об открытии библиотеки.

Поддержать не ваших далеких сослуживцев на других дорогах отказались в Хилковской комиссии.

Дело же в жалких комиссиях, пытающихся поддержать разлагающееся самодержавие, а в дружном стремлении всех к его полному уничтожению.

Поэтому долой самодержавие!

Да здравствует политическая свобода!

Пермский комитет Р. С.-Д. Р. П.

Июль 1905 г.

№ 27.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К мотовилихинским рабочим.

Товарищи рабочие! Прошло еще очень немного времени с того момента, когда вы, недовольные условиями труда на Пермском пушечном заводе, временно прекратили работу и потребовали изменения условий.

Выставляя свои требования, вы прекрасно понимали, что удовлетворение их немного вам даст, что прочное улучшение возможно только с изменением всего государственного строя России, т. е. с завоеванием политической свободы, когда страной будут управлять выборные от народа и изменять законы в интересах трудящихся классов.

Часть ваших требований администрация обещала удовлетворить. Между прочим была обещана смешанная комиссия из представителей от рабочих и администрации и дано честное слово начальником завода Строльманом никого не преследовать за стачку.

Как же исполнены эти обещания? Некоторые из ваших товарищей уже уволены под разными предлогами, один даже без права поступления на другие казенные заводы, затем 18 июня трое рабочих 1-го орудийного цеха были переведены с отрядных работ на ремонтные, несмотря на их протесты. Когда один из депутатов потребовал разобрать это дело в смешанной комиссии, то начальство дало окрик: „Не твое дело, не комиссия, а начальство само разберет“. Для чего же, спрашивается, нужна рабочим комиссия, если не для разбора возникающих недоразумений с начальством. Вы видите теперь, товарищи, как держат свое слово правительственные прихвостни.

Не допускайте же произвола, настаивайте на своем праве, не давайте в обиду товарищей, иначе всех Вас, наиболее сознательных и потому кажущихся начальству опасными, будут притеснять и увольнять под разными предлогами. Учитесь же, товарищи, бороться!

Ведь впереди вам предстоит огромная и трудная борьба за дело свободы всего рабочего класса, за коренное улучшение—улучшение его быта.

Да здравствует, объединенный дружной борьбой за общие интересы, рабочий класс! Долой произвол! Да здравствует политическая свобода!

Пермский Комитет Р. С.-Д. Р. П.

№ 28.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Гремели выстрелы, лились потоки крови, и наши братья тысячами умирали на далеких полях Манчжурии. Кадильный дым тяжело навис над страной, фальшиво звучали песнопения о „мире всего мира" и резко свистала нагайка жестокого царского опричника Плеве. Первый год войны нес острые уколы национальному самолюбию русского общества; вынужденное мириться с турецкими зверствами царского правительства, общество надеялось хотя на военное могущество России. Кровавые дни Ялу, Тюричена, Шахэ, гибель Артурского флота разбили эту надежду и показали все ничтожество русского правительства. Крайние строгости и гонения Плеве служили лишь к увеличению числа недовольных, и 13 июля злодей Плеве пал от руки Сазонова.

Правительство растерялось, объявило „весну" и выставило напоказ весеннего жаворонка Мирского, который начал распевать либеральные трели о „доверии к обществу", а не к народу.

Крестьянские волнения 1902 г., политические демонастрации рабочих, всеобщая стачка на юге России в 1903 году, все это достаточно свидетельствовало, что „низы" просыпаются и перестают быть надежной опорой для самодержавного произвола.

Кровавое Владимирово воскресенье напомнило правительству о существовании мятежных и решительных „низов". Рабочий класс понудил его на реформы, 18 февраля правительство предложило обществу союз для умиротворения народа. Шесть месяцев работала Булыгинская комиссия, а 6 августа был опубликован проект „народного" представительства. По этому проекту, утвержденному Николаем Последним, самодержавный произвол остается по прежнему; главная власть принадлежит бюрократии (чиновничеству), а представители от „народа" имеют право лишь совещательного голоса и то не по всем вопросам.

Представителей в государственной думе могут иметь крестьяне, горожане и землевладельцы дворяне. Общее число народных представителей не должно превышать 500 человек, т. е. каждые 270 тысяч могут послать одного

представителя. Крестьяне на волостных сходах выбирают уездных выборщиков, последние, съезжаясь в губернском городе, выбирают своего депутата в госуд. думу. Крупные домовладельцы выбирают и немногие квартиронаниматели избирают из своей среды уездных выборщиков, а те в свою очередь выбирают своего представителя. Таким же точно образом выбираются депутаты от землевладельцев дворян. Как видно из вышеуказанного, выборы от крестьян трехстепенные, а от горожан и землевладельцев двухстепенные.

Государственная дума имеет право обсуждать роспись государ. расходов, предварительно составленную министром финансов; предлагать государств. совету проекты законов и делать запросы министрам, если на это дает согласие в каждом данном случае кабинет министров. Таким образом с учреждением государственной думы ничто существенно не меняется в государственной жизни России, ибо дума имеет право лишь совещательного голоса. Мы видим, что правительство в гос. думу имеют лишь имущие классы, т. е. фабриканты, купцы, землевладельцы, домовладельцеы, зажиточные крестьяне. Весь же рабочий класс России, достигающий в общем 10 миллионов, побудивший правительство к реформам, лишен возможности права представительства своих нужд. Капиталисты же, заседая в думе, проведут лишь выгодные для себя законы. Значит, 4000 жизней рабочих погибли 9-го января бесплодно. При таком строе не может свободно развиваться классовая борьба капиталистов и пролетариев.

Ясно, что правительство дало не народное, а сословное представительство, установив при этом высокий имущественный ценз; ясно, что бюрократия ищет поддержки у имущих классов, чтобы в союзе с ними легче было утихомирить городскую и деревенскую бедноту, рабочий класс и деревенских пролетариев.

Но это им не удается. События двух последних лет оставили значительные следы в народном сознании, уяснили народу его нужды и научили его распознавать друзей и врагов. Всем увещеваниям правительства и буржуазии мы противопоставим свои требования, и вместо их игрушечной конституции потребуем демократической республики, которая обеспечивала бы рабочему классу свободную борьбу за его мировую конечную цель, за социализм. С оружием в руках восстанем мы против угнетателей и вместо самодержавия царского правительства добьемся самодержавия народа, т. е. сосредоточения всей верховной государственной власти в руках Законо-

дательного Собрания, составленного из представителей всего народа и образующего одну палату—представителей, выбранных на основании всеобщего, равного, прямого избирательного права с тайной подачей голосов.

Долой самодержавие!

Да здравствует всенародное учредительное собрание!

Пермский Комитет Р. С. Д.-Р. П.

1905 г.

№ 29.

Российская Социал.-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи рабочие! Без всякой причины, по своему произволу Горным начальником остановлен Мотовилихинский завод и расчитываются восемь тысяч рабочих. Если рабочие прогнали с завода Сепайна и Крапивина, то они давно заявляли требование их уволить; если они обругали вором Шафаловича, так Горный начальник знает, что тот расхитил десятки тысяч денег рабочих в Горнозаводском Товариществе. Вы теперь видите, что значат для Горного начальника рабочие?! Он, не задумываясь, пускает на голод и нищету 8 тыс. рабочих и свыше 25 тыс. детей, женщин, стариков,—семей рабочих, лишь бы защитить воров и деспотов. Мстя за них рабочим, он одобрил и поощрил воровство Шафаловича, открытое взяточничество и обирательство рабочих г. Крапивина, деспотизм и издевательство г. Сепайна. Что же представляет из себя сам этот защитник грабежа? Каков г. Строльман, таковы и все капиталисты и их приспешники, все они всякими способами грабят рабочих, но прийдет время и рабочие могучей рукою разделаются со всеми капиталистами и навсегда. Пока-же, товарищи, вам нет основания терять свое: за беспричинное увольнение заводоуправление должно рабочим уплатить за две недели вперед поденную плату со дня расчета, а также уплатить за прогульные дни по день расчета, т. к. рабочие не работали не по своей вине. Правила, напечатанные в рабочих расчетных книжках, говорят то же. Если же заводоуправление откажется исполнить эти требования, то все рабочие должны отказаться получать расчет.

Если же вы получите расчет, то заводоуправление будет считать расчеты с вами законченными и погонит вас в шею. Товарищи, вы не должны позволять, чтобы по прихоти начальника вы голодали, а потому будьте настойчивы, требуйте свое, отвоевывайте ваши права и свободу. Сила же ваша, товарищи, в единении и организованности, а потому будьте единодушны и организуйтесь в социал-демократические организации, тогда наступит скорый конец капиталистам.

Долой капитализм! Да здравствует социализм!

Мотовилихинский Районный Комитет

Перм. Группы Р. С.-Д. Р. П.

Сентября 27.

№ 30.

Российская Социал.-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи рабочие! Начальство показало себя во-всю: за то, что мы больше не в состоянии были выносить ежеминутные и всяческие оскорбления Сепайна, за то, что в нас заговорило простое чувство собственного достоинства и товарищеской солидарности, оно лишило нас работы. Тысячи товарищей выброшены на улицу и подвергнуты всем страданиям от безработицы. „Ни с места", грозит нам начальство, „вы рабы, вы должны терпеть все наши выходки и глумления, вы рабы, вас можно оскорблять всегда и всюду"! Что за цель такого обращения? Цель та: начальство видит, что мы начинаем просыпаться, начинаем сознавать свои интересы, стоим друг за друга, что мы можем и решили бороться и вот, чтобы запугать нас, отбить всякую охоту к борьбе, нас решили проучить голодом. Но запугать нас нельзя. Нужда, бесправие, угнетение, оскорбление на каждом шагу придают нам смелость, не позволяют нам опускать руки. Нам нельзя не бороться иначе и мы погибнем, и наши дети. На вызов начальства мы ответим: „мы не хотели бросать работы, *мы требуем немедленного открытия завода*". Если же наше требование не будет уважено,

тогда нужно всем товарищам крепко стоять друг за друга, ведь дело идет о всех нас.

Нас много, нас много! Вставайте же братья!
Не надо ни слез, ни бесплодной мольбы......
Проклятье насилью, тиранам проклятье!
Мы долго страдали, вставайте же, братья, и будем борцы
—не рабы.

Мотовилихинский Районный Комитет Р. С.-Д. Р. П.

№ 31.

Российская Социал.-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи, геройская борьба рабочего класса вырвала у царя манифест, в котором он дарует нам свободу слова, печати, собраний и, как будто бы, возможность участия в законодательной жизни страны. Но чтобы эта свобода, купленная ценою жизни многих тысяч борцов, целой рекой крови наших братьев, не осталась свободой на бумаге или не досталась богатым классам населения, необходима упорная борьба для проьедения ее в жизнь. Создать законы, охраняющие законы трудящегося населения, дать рабочим восьмичасовой рабочий день, страхование рабочих на случай потери трудоспособности, защитить их жен, детей от произвола капиталистов, может только правительство, выбранное всеобщей, равной, прямой и тайной подачей голосов всем народом. Свобода собраний дала нам возможность внести сознание в ряды всего борющегося пролетариата. Напрягайте же, товарищи, все силы, чтобы довести до конца дело свободы и созвать учредительное собрание, пока со стороны правительства только обещания, нет еще настоящей свободы.

Требуйте же скорейшего созыва учредительного собрании. Да здравствует свободный народ!

Пермский Комитет С.-Д. Р. П.

№ 32.

Российская Социал.-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

По поводу манифеста 17-го октября.

Товарищи и граждане! Царству кнута и нагайки, царству произвола больших и малых земных богов—царя и министров, приставов и полицейских приходить конец. Царь пишет в своем манифесте, что он дарит своему народу свободу. Свобода нам не подарена, она не царская милость. Нет, она завоевана нами. Потоки народной крови снесли гнусный режим, груды пролетарских трупов проложили путь к свободе.

Широкими потоками разлилось по России рабочее движение. После революционных январских дней царь почувствовал, что трон его колеблется, царское правительство поняло, что расстрелами, да избиениями не подавить народного возмущения. Царь обещал народу реформы, он писал милостивые манифесты, а в то же время его верные слуги—казаки, полиция и черные сотни проливали кровь народа. Улицы Одессы, Лодзи, Иваново-Вознесенска, Нижнего и многих других городов оросились кровью многих тысяч рабочих. Но вот теперь прокатилась новая волна пролетарского движения. Почти по всей Руси прокатилось железно-дорожное движение, поднялись рабочие массы в Харькове, Екатеринославе, Москве и т. д., в Петербурге 4 дня происходило сражение между рабочими и войском. Царь сдался. Он хочет спасти свою жизнь, остатки своей власти и жалует нам свободу собраний, неприкосновенность личности и т. д.

Товарищи! Рано еще предаваться радости, рано служить молебны, рано праздновать победу. Ведь народный тиран еще жив, в его распоряжении чиновники, солдаты, казаки, в его груди жажда отомстить победителю—народу, жажда вновь завоевать себе безграничную власть, вновь поработить народ.

У нас в Перми в тот же день, когда объявлен был манифест, казаки избивали рабочих, черные сотни срывают наши собрания, распространяют листки и призывали бить евреев. У нас, как, вероятно, и в других городах, правительство собирается отомстить за вырванные у него уступки.

Товарищи! Мы слишком много жертв принесли в борьбе за свое освобождение, за освобождение всего русского народа: мы не можем остановиться на половине пути. Наше дело окончательно свергнуть царское самодержавие и заменить его демократической республикой.

Поэтому, товарищи и граждане, мы должны организоваться, вооружиться, чтобы взять действительную свободу, ту, которая нам нужна, которую никакие цари и его слуги не смогут у нас уже отнять.

Пермский Комитет Р. С.-Д. Р. П. (объединенной группы).

1905 год.

№ 33.

Российская Социал.-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К рабочим г. Перми и з. Мотовилихи.

Товарищи. Манифестом 17 октября объявлена конституция. Она существует еще на бумаге, но и эту бумажную конституцию пришлось завоевать великой ценой—потоками народной крови и десятками тысяч человеческих жизней. Нужда, нищета, голод держат в своих цепких руках народные массы, слезы и безысходное горе почти в каждой бедной семье. Стон стоит над всей нашей бедной родиной. Глухое брожение недовольства идет повсюду, чувствуется страшная тяжесть жизни.

Откуда это, где корень зла, где враг? Народ не видит, беспросветная тьма и невежество плотно обхватили его. Понемногу стали открываться глаза у народа.

Рабочие скоро увидали своего врага. Капиталисты оседлали рабочих, пьют его силы и кровь, из всех бесчисленных богатств, созданных рабочей рукой, они дают рабочим ничтожные крохи. Такое-же ярмо надели помещики и деревенские кулаки и на все крестьянство, и трудящийся люд порабощен трутнями—богачами.

Увидали рабочие и своего заклятого врага—самодержавное правительство. Оно поддерживало капиталистов—эксплуататоров, оно тушило каждый луч света, душило все живое, честное, справедливое, оно наполняло тюрьмы

лучшими людьми, казнило народных героев, расстреливало рабочих и крестьян, травило и науськивало темные силы хулиганов и черной сотни на неповинных евреев, армян, учащихся и интеллигентов. Оно кровью затопило улицы городов и деревень и бесконечные вереницы трупов убитых ими свозило на кладбище. Полное бесправие народа. Везде насилие и произвол властей. Взяточничество, грабежи и доносы вошли в обиход. Голод стал постоянным гостем на всей русской земле. Правительство-же, не смущаясь этим, увеличивало подати, облагало налогами спички, сахар, чай, водку, пиво, табак и прочие продукты, потребляемые беднотой.

Бедняк платит податей и налогов больше, чем богач. Мало всего этого, оно затеяло бессмысленную войну с Японией, всадило миллиарды народных денег, убило, искалечило до 600 тысяч сильных, здоровых людей, народных кормильцев, бросив на шею остальных семьи убитых и искалеченных. Бездарные генералы губили людей, грабители чиновники, крича о патриотизме, расхищали средства, собранные на войну. Всему народу война открыла глаза. Народ не мог больше терпеть. Отдельные вспышки и бунты перешли во всеобщее восстание. Везде во всех городах, заводах, поднялись рабочие, сомкнулись в грозную, сплоченную рать и под руководством своей социал.-демократической партии они дружно кинулись на самодержавие. Целый год беспрерывно шла смертельная борьба рабочих, к ним примкнули крестьяне и последняя царская опора—солдаты. Заметался в страхе Николай Кровавый и его правительство.

Все испробовано: ни тюрьма, ни ссылка, ни казни, ни расстрелы ничто не помогало—и вот начал он успокаивать народ палочками: посыпались бумажные комиссии, манифесты, государственная дума, но трудно уже было обмануть рабочих, они требовали всю власть народу, все права человека и гражданина. Последняя всеобщая забастовка по всей России, схватки во всех крупных городах, все это показало самодержавному правительству, что власть его пала безвозвратно, что приблизился день суда, когда победитель народ вспомнит все бесконечные его преступления. Царь спешит, пока не поздно, бросить новую, последнюю подачку—конституцию. Он решился поделиться своей властью, но поделиться только с капиталистами и помещиками, рабочие-же и другие беднейшие классы населения не могут провести столько своих представителей, чтобы они могли успешно защищать их ин-

тересы, издавать полезные им законы. Депутаты—богатеи задавят своей численностью депутатов от рабочих, не дадут возможности облегчить жизнь рабочих. У царя же осталось еще слишком много власти, чтобы он мог преследовать свои, а не народные интересы—вернуть то, что у него вырвал, теперь народ.

Властвовать будут царь, капиталисты да помещики, опять во всем будут виноваты рабочие, опять начнутся расстрелы рабочих, опять нельзя будет им свободно бороться с капиталистами. Нет, народ должен теперь же добиться всей безраздельной власти. Он сам должен устроить свою жизнь, сам издавать нужные ему законы и крепко держать завоеванные власть и свободу. Наша цель не маленькие уступки, а самодержавие народа. Установить такой порядок может не царь и его чиновники, а учредительное собрание из депутатов народа, выбранных всем народом. Каждый, достигший 21 года, мужчины и женщины, богатые и бедные люди, всех национальностей и вероисповеданий должны выбирать лучших и честнейших из людей и сами должны иметь право быть избираемыми.

Подача-же голосов должна быть *тайной*, чтобы не могли богачи и чиновники оказывать давление угрозами или подкупом на бедный зависимый люд.

Богатые и образованные, как бедные и неграмотные, не должны иметь по 2 или больше голосов, а нужно пользоваться всем *равным* правом голосования.

Также выбирать нужно *прямо* депутатов, а не выборщиков, иначе выборщиками могут выбрать не тех, кого-бы мы хотели иметь своим депутатом. Выборщиков меньше, чем всего народа, их легче подкупить или застращать.

Только при таких выборах мы можем надеяться, что в учредительное собрание попадут люди, знающие нужды народа, умеющие стойко защищать нужды народа, не считаясь ни с чьей другой волей, ни с царской, ни с волей богачей.

Также путем всеобщего тайного, прямого и равного голосования народ выберет представителей в парламент и всех чиновников и судей на все городские и земские должности. Все выборные, до министров включительно, будут ответственны перед народом и за каждое их преступление будут ка-

раться судом. Тогда-то не будет им возможности воровать народные деньги, облагать народ непосильными податями, затевать ненужную войну и посягать на народную свободу.

Такое государственное устройство называется демократической республикой. Его добивается рабочая социал.-демократическая партия потому, что только при таком порядке рабочим можно будет свободно бороться за улучшение своего экономического положения и за окончательное освобождение от рабства капиталистов.

Товарищи, будем-же бороться за демократическую республику!

Долой самодержавие царя!

Да здравствует самодержавие народа!

Да здравствует российская социал.-демократическая рабочая партия!

Пермский Комитет (объединенные комитет и группа).

№ 34.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи! Царское правительство берет одной рукой то, что она дает другой... Давно ли нам обещали свободу собраний, совести, слова, неприкосновенность личности... И что же. Эту свободу, добытую такою дорогою ценой, кровью сотен тысяч борцов, у нас уже хотят отнять... Правительству мало стало казаков, шпионов, солдат и оно организует „черные сотни". Поднялись пресмыкающиеся, защелкали зубами лютые звери. Губернатор, думцы архиерей, из губернаторского дома, с балкона думы, в соборе призывают и ободряют хулиганов к насилиям. Жандармы, шпионы, городовые шныряют в толпе переодетые и возбуждают к насилиям темную массу. Обиралы—лавочники, высасывающие последние гроши у бедняков, присоединились к ним. Почему? Они боятся, что при новом строе им придется отвечать перед народным судом за свои безобразия и стараются вернуть прежний произвол. Они натравляют народ на социалистов за то, что они разъясняют народу, что ему нужно для облегчения его тяжелого положения и водворения правового порядка. Они открыто лгут, будто социал-демократы посягают

на чужие верования, убеждения и имущества, будто они прибегают к насилиям... Неправда, товарищи. Не верьте им: это они валят с больной головы на здоровую... Это черносотенцы били стоявших в шапках во время их шествия, это они набрасывались, как разъяренные звери, на мирных манифестантов. Это они производят погромы по всей России. Это они грабят, убивают, мучат.

Ведь видели, как мирно проходили социал-демократы. Как они борются словом, борются убеждением, а не кулаком, так как за ними правда, к кулаку же прибегает человек неправый. Именно социал-демократы требуют созыва Всеобщего Учредительного Собрания на основе всеобщего, равного, прямого избирательного права с тайной подачей голосов, чтобы потом в парламенте мирно бороться против капиталистов за улучшение быта рабочих.

Правда, социал-демократы прибегают к оружию, но лишь для необходимой самообороны, что разрешается всеми законами. Посмотрите, например, на столкновение 22 октября. Демонстранты с красными флагами мирно прошли по Сибирской и, увидев идущих на них черносотенцев под трехцветным флагом, свернули от них на Екатерининскую улицу, чтобы отклониться от всякого столкновения. Но направленные архиереем, губернатором, думцами и шпионами хулиганы погнались за ними, набросились на них сзади, стали бросать в них камнями, избивать отдельных лиц и стрелять из окон и из-за дверей. Что же можно было с ними поделать, как не пустить в ход оружие? Кровь пострадавших пусть падет на натравителей!

Кто же любит свою родину, кто желает избавления ее от гнета и насилия, пусть будет готов до последней капли крови защищать свободу, так как только при свободе возможно развитие страны.

Долой черносотенцев! Вооружайтесь против них!

Пермский Комитет Р. С.-Д. Р. П.

(Объединенный Комитет и группа).

№ 35.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи рабочие.

Рабочие Очерского и Павловского заводов, собравшись в числе 60 чел., решили объявить бойкот полиции за издевательство над населением заводов и окружных деревень.

Товарищи. Бойкот полиции означает прекращение всякого с ней сношения. Если стражник или урядник живет у вас на квартире, надо выгнать его, если полицейские просят о какой-либо услуге, не надо оказывать ее, не надо им ничего давать, не водиться с ними, ничего им не продавать. Вообще надо смотреть на полицейских так, как если-бы они, эти хулиганы, пьяницы, были пустым местом.

Товарищи! Правительство и его помощник (войско, чиновники и полиция) позабыли про манифест 17-го октября и, несмотря на думу, продолжают травить русских граждан. Полиция тут особенно старается. Получая содержание из народных средств, установленная для охраны граждан, полиция готова стащить последнюю рубашку с бедняка и грабит не хуже разбойников.

Здешняя полиция, конечно, не лучше, чем в других местах. Хуже еще. Та пьяная компания стражников, что разгуливает по Очеру и вокруг него, не защитники наши, а злые псы, что кидаются на своих хозяев. Ведь не мы существуем для полиции, а полиция для нас. Пора посадить этих псов на цепь. Пора, товарищи. Припомните хоть одно доброе дело полиции. Нет такого дела. А мерзостей не перечтешь. Пристав вместо того, чтоб охранять спокойствие жителей и хоть малость сдерживать своих егерей, развратничает где-то на стороне, а егеря его славные дома дела обделывают, пьянствуют, мучат и калечат рабочий народ. Надо-же им знать меру.

Скоро придет настоящий конец полицейским собакам, потому что свободный народ не потерпит их, но, пока что, товарищи рабочие, сделаем им великий пост, объявим им бойкот. Пусть они 60 хулиганов демократия, (стерт. гект. черн.) но пусть они знают, что с нас взятки гладки, потому что мы объявляем им бойкот за все их безобразия.

Товарищи рабочие, присоединитесь к решению ваших 60 товарищей, сознательных рабочих, объявите бойкот всей очерской и павловской полиции.

Гоните полицейских со своих квартир, не оказывайте им никаких услуг, не продавайте им ничего (особенно крестьяне), не говорите с ними, не подавайте им руки, сторонитесь от них, как от зачумленных.

Говорите это другим, уговаривайте их присоединиться к нашему решению, знайте товарищи, что в единении—наша сила, и что не мытьем, так катаньем, а заставим мы полицию убраться отсюда.

Товарищи, кроме того не покупайте ничего в лавке Казакова,—он предатель (дал 1000 рублей на постройку конюшен для стражнических лошадей) и лизоблюд пристава—самодура и всего начальства. Все, кто за полицию, – против рабочего народа. Бойкот тому, бойкот до тех пор, пока он не станет на сторону рабочих.

Долой полицию! Долой самодержавие!

Да здравствует Всенародное Учредительное Собрание, выбранное, вместо думы, на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права.

Июнь, 1905 год.

Очерская организация Р. С.-Д. Р. П.

№ 36.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

В воскресенье, 13 ноября, в 3 часа в Мотовилихе в Народном доме состоится социал-демократический митинг.

Пермский Комитет Р. С.-Д. Р. П.

№ 37.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К солдатам.

Товарищи солдаты. Не легка ваша жизнь, вдали от семьи и родного дома, в душных казармах проводите вы долгие годы: караулы, дежурства и в награду за них полуголодное существование, да грубости начальства вот ваша доля.

Последнюю радость ухитряются отнять у вас офицеры: за примерами ходить не далеко: командир Райков отказал в деньгах, которые вы раньше получали по праздникам на булку и водку. Остатки пищи, которые делились промеж вас, теперь отняты в пользу каптенармуса; ротный Васильев ставит под ружье, да сажает под арест за каждый шаг, за каждый не ладный вздох. Солдаты, ваши офицеры—полные вам хозяева, и вы им крепостные. Подумайте, товарищи, откуда ваши страдания и как из них выйти.

Ваши офицеры уверяют вас, что вас держат для усмирения бунтовщиков, что „внутренние враги“ во всем виноваты. Не верьте клевете и лжи. Слушайте, солдаты, правдивое слово.

Не вы одни страдаете, страдает весь русский народ, страдают рабочие, страдают крестьяне, страдают солдаты с матросами, страдают потому, что шайка чиновников с царем во главе самодержавно правят всей Русью, опекают народ, как малых детей; лишают его права свободно говорить и мыслить, права жить свободной жизнью. Стонет рабочий под гнетом непомерного труда, изнывает крестьянин от непомерных податей и безземелья, а у правительства на народную нужду один ответ: штыки и пули. Кровью народной обагрена вся Русь. Чаша терпения народного переполнилась. Все живое и честное поднялось на борьбу за лучшую, свободную жизнь; поднялись во многих местах солдаты с матросами. Солдаты, почему вы по первому приказу готовы броситься с оружием в руках на своих братьев—рабочих? Вы боитесь присяги? Но почему же вы не боитесь нарушать заповедь: „Не убий“? Поймите, что вы присягали по приказу, вопреки своей воле, под страхом ссылки в Сибирь или в дисциплинарный батальон, такую присягу не грех нарушить даже согласно евангелию.

Или вы боитесь дисциплины солдатской? Знайте же: ваша сила в единении; поддерживайте друг друга и сила вашего начальства будет сломлена. Знайте, что во многих местах армия поняла уже, что ее долг—защищать народ, а не царское правительство. Матросы с броненосца „Потемкин“ подняли красное знамя и перед лицом всего мира заявили, что становятся в ряды борющихся рабочих; солдаты и матросы ходили в Кронштадте с красными знаменами и пением революционных песен, песен свободы; солдаты и даже некоторые офицеры приходили в Петербурге на рабочие

собрания и клялись присоединиться к революционному народу; наконец последние газеты принесли известия о восстании солдат во Владивостоке.

Солдаты и запасные! Боритесь за ваши права. Народ завоевал себе уже свободу собраний. Требуйте и вы для себя свободы приходить на народные собрания. Запасные, требуйте, чтоб вас немедленно отпустили на родину. Солдаты! Ваш долг защищать народ. Ведь вы сами вышли из него. Ваше оружие направляйте против ваших врагов рабочего класса. Не слушайтесь офицеров. Не обагряйте своих рук в крови рабочих. Присоединяйтесь к народу. Долой убийц, обогряющих руки в крови народа.

Да здравствует революционная армия!

Да здравствует Российская социал-демократическая рабочая партия.

Пермский Комитет.

№ 38.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Кровь пролита.

Геройский пролетариат Москвы и Петербурга уже несколько дней бьется с правительственными войсками. Бой кипит. С той и другой стороны—пушки и пулеметы. Рекой льется кровь борцов за освобожденье всей России.

Мотовилихинские рабочие не остались безучастными к великому делу освобождения всей России.

В то время, как земские служащие и разные союзы занимались словопрениями и всесторонне обсуждали вопрос, принять ли участие в политической забастовке, геройский пролетариат Мотовилихи прекратил движение поездов по железной дороге и привел товарищей, работавших на заводах Каменских и Любимова, к сознанию необходимости примкнуть к политической забастовке.

Рабочие кровью заплатили за великое дело освобождения России.

Царские опричники—казаки—тяжело ранили доблестных борцов за свободу. Царский сатрап Стрижевский расклеил объявления о запрещении носить, хранить и продавать оружие. Прокурор и начальник охранной сво-

лочи Самойленко „вкупе и влюбе“ составили список лиц, которых предположено арестовать, чтобы „обезглавить“ рабочее движение в Перми и Мотовилихе.

Но пусть трепещут царские опричники и палачи. Им не раздавить пролетариата. Братский союз рабочих склеен кровью из товарищей. Он крепок, и не своре царских слуг разбить его: эту свору раздавит лавина рабочего движения.

Пусть они опубликовывают свои постановления, пусть составляют свои списки. На всякие насилия пролетариат ответит вооруженной рукой.

Пусть же льется кровь неповинных. Ее пролили царские палачи. Она падет на их головы и из нее вырастет наша свобода.

Да здравствует вооруженное восстание и Демократическая республика!

Пермский Комитет Р. С. Д. Р. П.

1905 г. декабрь.

№ 39.

Российская Социал-демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Кто истинный защитник трудящихся.

Наступают выборы, и буржуазная партия—от самых левых до самых правых—вдруг вспомнила о тех, чьим трудом живет и богатеет их класс. Рабочие, приказчики, конторщики, мелкие служащие—вдруг сделались предметом буржуазного внимания. До сих пор в них видели только наемников и выжимали из них прибыли. Теперь в них увидели избирателей и хотят из них выжать голоса.

Правда, не все буржуазные партии прибегают к тем же приемам. Какие нибудь правопорядцы, октябристы, торгово-промышленники,—кулаки по воспитанию, городовые по замашкам — просто стараются заставить своих подчиненных голосовать за их партию. Но если „образованные“ буржуа, „гуманные“ буржуа—например, кадеты и иже с ними—они стараются убедить „своих“ рабочих и служащих, что в их интересах подавать голоса за кадетов. Кадеты, мол, хотят достигнуть „народной свободы“, а народная свобода

выгодна всем трудящимся и угнетенным. Хорошо поют „просвещенные" господа фабриканты, заводчики и землевладельцы. Да верно-ли они поют?

Какая свобода нужна народу? Та ли, что нужна господам фабрикантам и землевладельцам, или несколько другая? Буржуазия имеет все: у нее в руках несметные богатства, образование, науки, искусства, все материальные и духовные блага. Ей не хватает только власти. И вот она добивается такой политической свободы, которая передала бы ей возможно большую частицу власти. А так как покамест власть находится в руках бюрократии, то буржуазии приходится привлекать к себе народ, угрожать бюрократии народом, а народ заманивать обещанием свободы. Вот почему кадеты и назывались партией „народной свободы", хотя до настоящей народной свободы им дела мало. Свобода же, которая нужна буржуазии, сводится к тем необходимым крохам, без которых нельзя урвать частицы власти.

Такая-ли свобода нужна народу, т. е. рабочим, ремесленникам, приказчикам, мелким служащим, крестьянам? Нет. Для этих малоимущих слоев населения борьба за политическую свободу непременно сопровождается борьбой за улучшение их экономического быта. Получить рабочим или служащим политическую свободу без сокращения рабочего дня, без охраны труда, без страхования на случай старости и болезней и т. п., получить крестьянам, политическую свободу без земли — это значит получить только половину свободы. Ибо человеку, закабаленному каторжным трудом, очень трудно пользоваться своей свободой. Вот почему всегда, когда неимущие классы боролись за политическую свободу, они обязательно выдвигали в этой борьбе и экономические требования. Буржуазия же, с своей стороны, приветствуя политическую борьбу народа с бюрократией, всегда очень яростно боролась против его экономических требований.

Вспомните хотя бы знаменитую октябрьскую стачку. Пока шла чи..о политическая забастовка, пока производился дружный натиск на старый порядок, буржуазия рукоплескала рабочим. Купцы сами закрывали магазины, фабриканты распускали рабочих, беспрекословно платили за прогульные дни, богатые господа собирали деньги на помощь рабочим. Появился манифест 17 октября. Буржуазия ликовала, рабочие начали организовываться. Они выдвинули свои экономичечкие требования, — они начали осуществлять захватным путем 8-мичасовой рабочий день. Буржуазия заволновалась. Свободы

ударили ее по карману. Она начала бороться, но уже не с бюрократией за „народную свободу“, а с рабочим за свои барыши. Наступила вторая стачка. Кадеты завопили о дезорганизации хозяйственной жизни страны. Они начали метать громы и молнии на головы рабочих, подрывающих народное хозяйство, т. е. доходы капиталистов. Буржуазия была уже на половину удовлетворена манифестом 17 октября, а то, чего ей еще не хватало, она рассчитывала получить мирным путем через Думу. Стачки рабочих, обострившие борьбу и грозившие превратить ее в открытую битву за власть народа, а не за господство кадетов, приводили кадетов в бешенство. Это бешенство их перешло всякие границы приличия, когда вспыхнуло Московское восстание, и особенно, когда оно было подавлено. Под гром голутвинских расстрелов, под стон умирающих кадетские газеты осыпали грязью побежденных на московских улицах рабочих, вопя о „безумии стихии„ и „стихии безумия“.

Но буржуазия не ограничилась бранью на рабочих, она поспешила использовать „победу“ минов и риманов на пользу своего кармана. Началось постепенное восстановление того порядка, который царил на фабриках и заводах до „свобод“. Опять начали удлинять рабочий день и сокращать заработную плату. Когда рабочие протестовали, им предлагали убираться вон, а если эта „мера кротости“ не помогала, прибегали к решительным мерам, распускали всех рабочих данной фабрики и потом набирали вновь, но уже по спискам, составленным черносотенцами. Сознательных революционно-настроенных рабочих выбрасывали на улицу.

И не только по отношению к рабочим поступала так буржуазия. Тоже самое проделывала она с приказчиками, конторщиками, служащими в общественных и частных учреждениях и т. п. Здесь тоже пришлось бороться с попытками репрессий, с попытками отнять воскресный отдых, удалить революционеров и пр.

Вот как защищала интересы рабочих буржуазия—и реакционная и либеральная без различия. И всегда она будет так поступать, да иначе поступать она не может. Ибо ей нужна политическая свобода для себя, а не для народа. Народ же ей нужен, как покорное готовое к повиновению стадо. Поэтому буржуазия до тех пор только гладит народ по головке, пока он добывает свободу для нее. Когда же он начинает требовать свободы и для

себя, буржуазия отдает его на расправу военно-полевым судам и карательным экспедициям.

Рабочие, приказчики, служащие и крестьяне,—все, кто хочет добывать действительно народную свободу, свободу, которая облегчила бы положение работников и передала бы власть самому народу, не должны доверять буржуазным партиям, как бы они себя ни называли. Все буржуазные партии неизбежно обманут их. Одна только партия рабочего класса способна и готова последовательно бороться за власть народа и честно защищать интересы всех угнетенных. И под знаменем этой партии—Российской Социал-демократической Рабочей Партии—должен сплотиться весь пролетариат, к нему должны примкнуть и все те малоимущие слои населения, которые стонут под двойным игом бюрократии и буржуазии.

Граждане, выбирайте социал-демократов!

Екатеринбургский Комитет Р. С. Д. Р. П.

№ 40.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи рабочие! капитализм в своем величии, доходящем до бесстыдства, прижал вас... заглушил ваши думы, руки ваши сковал, уши затянул пленкой страха... язык прилип к гортани, вы остаетесь безучастными зрителями своего собственного унижения.

Взгляните, товарищи, на свою рабскую тяжелую жизнь Узнаете-ли вы себя, если посмотрите глазами 1904—6 годов. Нет вы не те, вот вы идете робко озираясь и спеша, по темным и пустынным улицам и каждый из Вас несет и мелкие повседневные работы, и тихую покорность, и бессильную гнетущую злобу на свою измятую фабриками жизнь. Огромные машины стучат, вертятся, живут... Вы безмолвно, без думы стоите за станками, ваши глаза тупо смотрят на работу, ваши уши привыкли к шуму и вы, товарищи, не слышите раздающегося кругом стона, ваш мозг не работает, машина притупила его и только руки двигаются за работой взад и вперед тоже как машины, вы работаете долго, напряженно, точно околдованные и только

свист к смене пробуждает вас. Вы расправляете свои онемевшие члены и тихо шлете проклятие тому, кто, как вампир, тянет капля по капле вашу кровь, вашу силу. Тому, кто заставил вас работать, чтобы забрать продукты вашей работы себе потихоньку, чтобы не услышало мелкое начальство и приспешники его. Вы шлете проклятие тому, кто не дает вам ничего, как только вечный беспросветный труд на других, обрекая вас и ваши семьи жить только сегодняшним днем, не давая возможности даже заявить малейшую претензию тому, кто не хочет, чтобы вы организовались в плотные и прочные союзы, ибо ваш союз—смерть капитализму; вы творцы всех земных благ, но не для себя, а для горсти тунеядцев. Вы, в которых вся мощь и сила всего земного шара, вы в цепях у капитализма, вас заковали в эти цепи и в то же время вы не хотите даже попытаться их сбросить, вы подчиняетесь законам, которые выдумали и выдумывают для вас другие, как будто вы не можете или не хотите желать для себя блага.

Будьте смелы и тверды, идите к независимости! Кого вы боитесь? таких же людей, только худших, чем вы. Будьте хитры и осторожны. Будьте предприимчивы и дружны. Стремитесь к организации, становитесь плечо в плечо в боевые ряды Р. С. Д. Р. П., дабы подходящая волна революции не застала вас врасплох, и вы победите того, кто порабощает вас, вас, великих тружеников мира.

Р. С. Д. Р. П., являясь защитницей ваших интересов, товарищи, ведя борьбу с капитализмом и правительством, зорко следит за их действиями и призывает вас в свои ряды для успешной борьбы.

Прочь ненавистная опека дворян!

Долой царя—обманщика!

И да здравствует учредительное собрание!

Вперед под знамя Социал-демократической рабочей партии.

№ 41.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

По поводу убийства казаков 1906 г.

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь"!

„Стонет и тяжко вздыхает
„Бедный, забитый народ.......

ТОВАРИЩИ!

Снова акт насилия, снова жертва царского произвола! На днях военным судом приговорен к повешению наш товарищ Запольских. Не за то, конечно, что, находясь на войне, он потерял армию, флот, сдал крепость; не за то, что кормил солдат гнилыми сухарями, заражал их болезнями, воровал казенные деньги, поставлял негодные снаряды; не за то, что позорно бежал с поля битвы, оставив подчиненных без руководства на расстрел неприятелю; не за то, что выдавал неприятелю тайны расположения армии и ее планы—нет!—За это не предают военному суду. За эти дела царских офицеров и генералов наградили крестами да хорошими пенсиями. Товарищ Запольских на военной службе не был,—он обыкновенный честный и порядочный рабочий. За что же его судили военным судом, за что приговорили к повешению?

Дело было так. Три пьяных казака ворвались па вечеринку рабочих. На просьбу удалиться, казаки стали грозить расправой, подобной той, какую они учинили в декабре прошлого года на улицах Мотовилихи над рабочими, беззащитными женщинами и малыми детьми. Казаки хвалились своими прежними и грозили новыми насилиями. Они сыпали соль на незажившие еще раны рабочих. Это было вечером, а ночью нашли на улице двух убитых и одного раненого казака. Военные власти решили мстить. Горе тому, на кого падет подозрение. Горе тому, кто попадает в руки слуг кровожадного царя.

Раненый казак указал на трех лиц. Как при внезапном нападении ночью мог различить лица, да еще и точно указать их тяжело раненый человек—это тайна военных властей. Но им надо было кого-либо повесить и три названных лица должны были поплатиться.

Тогда товарищ Запольских, с целью избавить хотя двух от жестокой руки палачей, берет всю вину на себя. Но мог-ли один Запольских убить

трех вооруженных казаков? Конечно нет. Так бы решил обыкновенный суд и несомненно оправдал-бы его за неимением улик. Но военному-ли суду разбираться в уликах, ему заранее приказано доставить крови своему господину—царю. Запольского приговорили к смертной казни через повешение. Но даже наемный убийца—военный суд—хлопочет о замене смертной казни каторгой. Наемный убийца видит неповинную жертву и спрашивает у нанявшего его, стоит ли ее убивать, ведь ни к чему не причастна, но он держит наготове нож и по первому знаку господина убьет жертву, потому что он наемный убийца и за ослушание господин рассчитает его.

Эта новая виселица еще раз говорит каждому честному человеку, что жить так дальше нельзя. Уже грозно вздымаются волны народного негодования, никакие расправы, как бы они ни были жестоки и беспощадны, не остановят народ, и близится час решительной битвы. Или народ вырвет ядовитое жало из поганых уст вещателей, или они отравят народ своим ядовитым дыханием. В этой великой борьбе всякий, кто не за дело народа —помощник насильникам, кто не помогает делу освобождения народа, тот против народа!

Мы, Ваши сознательные товарищи, призываем Вас усилением помощи революционной борьбе отомстить за жизнь погибших товарищей. Пусть каждый из Вас помнить великие лозунги восставшего за свободу народа.

Долой царизм!

Да здравствует Учредительное Собрание!

Да здравствует Демократическая Республика!

Пермский Комитет Российской Социал-Демократической рабочей партии.

№ 42.

Российская Социал-Демократическая рабочая партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

На собрании представителей частей Пермского гарнизона мы, представители сознательных солдат, постановили выпустить обращение солдат к народу.

ТОВАРИЩИ И ГРАЖДАНЕ!

Мы, сыны России, здоровые, молодые вырваны из Вашей среды, наши честные сердца закрыты серой шинелью и наши души погребены под тяже-

лыми сводами казармы. Нас насильно вырвали из Вашей среды, нас лишили человеческих прав, нас сделали машиной, которая посылает Вам свинец и железо, нас сделали палачами наших матерей, отцов, братьев, жен, детей. Нашему имени Вы, граждане, посылаете проклятия, но мы всетаки к Вам обращаемся и говорим—мы не иуды, мы тоже честные люди. Под серой солдатской шинелью бьется человеческое сердце, казарма не ослепила нас. Оторванные от народа, мы, сознательные солдаты, ведем упорную и тяжелую заботу просветления сознания забитой и сильной солдатской массы. Много времени идет беспощадная борьба, много народу погибло в ней, много солдат полегло в Севастополе, Кронштадте, Свеаборге, много солдат и мастеров томится по тюрьмам и на каторге. Войско теперь не то, что было 2—3 года тому назад.

В нем не одни барбосы царского правительства—продавшие свои души, русские офицеры, в нем много, много людей, которые пойдут вместе с народом, чего-бы это ни стоило. Пойдут не слепо, а разумно. Не даром гибли наши товарищи. На их борьбе мы увидели, как нужно бороться, за что нужно бороться, с кем надо бороться. Мы поняли, что солдата запирают в казармы затем, чтобы оторвать его от родных, от блиских, чтобы вытравить из солдата совесть, честь и сострадание, чтобы превратить солдата в тупую и темную массу, способную беспрекословно истребить все, что прикажет начальство.

Наше офицерство трусливо на войне и продажно на родине, наша армия превратилась в шайку воров и разбойников и не способна к войне. Чтобы оздоровить армию—надо вернуть ее домой, надо чтобы весь народ обучался у себя дома владеть оружием, чтобы склады оружия были в руках народа, чтобы офицерство было выборное. Вместо казарменной армии надо ввести *всеобщее вооружение народа*.

Нам давали подачки, нас подпаивали водкой, попы нас научали стрелять в своего отца, в своего ребенка, продажные газеты кричали, что армию необходимо держать подальше от народа. 1-я дума нам говорила, что солдаты не должны заниматься политикой,—и мы поняли, что не от милостей господствующих классов можно ждать оздоровления армии, а только от народа.

Отдельные попытки солдат к неповиновению, разрозненные вспышки народа преследовались с нахальной жестокостью, манифест 17-го октября был отобран вооруженной рукой, армию превратили в палачей и погромщи-

ков, внутри нашей армии строят козни против народа и мы поняли, что надо раньше уничтожить власть царских приспешников, чтобы провести хоть какое-нибудь улучшение в жизни народа. Мы поняли, что только всенародное восстание способно победить, способно дать власть народу.

Мы поняли, что надо итти с народом Мы с трепетом прислушивались к тому, что говорилось в I-й думе. Мы ждали, что она посодействует объединению народа и поймет наши нужды. Но мы ошиблись. В думе был не народ, а кадеты. нам советовали держаться подаль народа, когда надо было присоединиться к народу, нам расхваливали казармы в то время, как мы видели, что казарма гибель народу. Дума кричала, что не хочет крови, а на деле вышло, что пролилось много крови, дума закончилась восстанием, но разрозненное, лишенное единого призыва восстание закончилось не победой, большой, большой могилой солдатской, крестьянской и рабочей.

Граждане и товарищи! За это время голод хватил больше половины России. Страшный, невидимый он пришел к обессиленному народу и уводит в могилу то, что не подобрала солдатская пуля, казацкая плеть и виселица. Неслыханные жестокости творятся над народом и в армии. После страшного кровопускания страна снова собирается с силами и теперь взрыв будет несравненно сильнее, борьбу на жизнь и смерть поведут гораздо более широкие массы рабочих, крестьян и солдат.

Лишенное средств доверия большей части армии, идет царское правительство на встречу этой борьбе и спешит пополнить опустошенную воровством казну. Оно созывает новую думу, оно стремится созвать ее в таком составе, чтобы она помогла теперешнему правительству разгрома и заняла для него деньги.

Царское правительство приобрело доверие помещиков и купцов и желает, чтобы крестьяне выбирали кулаков, в городе купцов, а помещиков выберут сами помещики. Мы—солдаты, это гибель, мы все это понимаем, и не как солдаты, а как граждане обращаемся к Вам и спрашиваем, неужели Вы пойдете на помощь царскому правительству. Неужели Вы выберите черносотенцев, т. е. людей, которые открыто заявляют, что придушат армию, придушат народ. Неужели Вы выберите снова кадетов, предателей, болтунов, которые помешали борьбе народа в первой думе и опять помешают, если попадут.

Нет, мы думаем, что вы не наденете сами себе петлю на шею добровольно и на шею крестьян—своими требованиями. Представителей партии, которые гибли с нами в пучинах моря и на виселицах. За партию, которая смело и решительно отстаивала интересы народа, не запятнала себя предательством. За партию, которая поможет солдатам, крестьянам и рабочим объединиться в борьбе, которая не побоится пролить кровь насильников, чтобы прекратить пролитие крови насильниками; которая не боится вырвать власть силой из рук царского правительства, чтобы передать ее народу.

Мы знаем, что только эта одна партия стремится ввести социализм, только она одна стремится уничтожить всякий гнет, всякое насилие, уничтожить армию и ввести мир и согласие народов, вместо борьбы и насилия народа над народом и класса над классом.

ТОВАРИЩИ И ГРАЖДАНЕ!

Мы призываем вас голосовать за кандидатов Российской социал-демократической рабочей партии.

Военная организация Пермского гарнизона при Пермской комиссии Рос. соц.-дем. раб. партии.

№ 43.

Российская социал-демократическая рабочая партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Несколько недель тому назад полиция произвела обыск на заводе. С тех пор десятки наших товарищей арестованы, сидят по тюрьмам или скитаются в других городах, иные даже убиты. Произвол самодержавия гнет и мучит нас сейчас сильнее, чем когда-либо в другое время.

Еще более мы испытываем с другой стороны—со стороны администрации завода. Презирая, ненавидя рабочих до глубины души, администрация в тоже время боится нас, и потому не осмеливается прямо, открыто выкидывать из завода сознательных рабочих, она прибегает к помощи полиции. Последний обыск на заводе устроен если не с ее ведома, так при ее попустительстве. Зная заранее о нем, она могла бы предупредить рабочих, но это, конечно, не входило в ее планы. Всякий арестованный рабочий на завод уже

не попадет, его не примут, как шельмованного. Так создается единение двух наших врагов—полицейского насилия и капиталистического кулака.

Но администрация завода борется не только против наиболее сознательных рабочих: своим неуменьем вести дела, своим хищничеством и глупостью она лишает завод всяких заказов, а через то и рабочих заработка.

Все больше и больше сокращается производство на нашем заводе, и безработица со всеми ее ужасами, уже охватившая десятки наших промышленных городов, не сегодня завтра захватит и нашу Мотовилиху. Вот уже свыше двух месяцев не работают печи „Сименса", не работает часть старой молотовой, две недели стояла новая молотовая, скоро наверное станет тигильный цех; в стале-литейном отделении работает лишь одна печь. Уже теперь сотни рабочих едва зарабатывают себе пропитание: у многих заработок уменьшается в два—три раза, как например, в снарядных цехах. Да, мы еще работаем, пока не голодаем, но призрак голодовки уже стоит на порогах наших квартир, за нашими плечами. И что будет тогда, когда она наступит?

Кто же виноват во всем этом, в близкой безработице, в сокращении производства, в падении расценок, и вообще во всех несчастиях, что обрушиваются не переставая на головы рабочих.

Производство сокращается, потому что нет заказов. Раньше помимо казенных бывали очень часто и довольно значительные заказы частные. Так, бывали заказы от железных дорог, от судостроителей, теперь их почти нет. Неаккуратное выполнение, плохое качество поставляемых товаров, высокие цены заставили частных заказчиков отказаться от услуг нашего завода. Тоже самое произошло и с казенными поставками.

Завод до сих пор не исполнил еще тех заказов, которые должны быть сданы в прошлом году, а поступили в 1904—1905 г.г. Цены, по которым работает завод неимоверно высокие, а между тем качество поставки, т. е. пушек и снарядов, приготовленных здесь, очень даже не высоко. В результате военное министерство, с которым имеет дело наш завод, также начинает понемногу отказываться от его услуг, не дают работать 11-дюймовых мортир, 12-дюймовых снарядов; отказались от удлиненных 6-дюймовых пушек „канд". Уральский Саткинский чугун, которым пользуется наш завод, считается наиболее чистым и подходящим для выделывания пушек и снарядов. Однако, когда начинается сплавка стали, то последняя иногда со-

вершенно не годится для выработки. Плохая сталь дает плохой закал, нехорошую точку и вещь за негодностью откидывается в брак. Приготовление заказов обходится благодаря браку очень дорого, исполняется плохо. Администрация валит все на рабочих, на их забастовки, на неумение работать, на высокую плату. А при чем тут рабочие.

Виноватые здесь есть, только не рабочие, а заводоуправление. Все наши инженеры знают очень мало, а на практике совсем ничего. Вместо того, чтобы нас учить, нам показывать, они у нас учатся.

Однажды заводоуправление пригласило какую-то знаменитость по службе в сталетомительное отделение со специальной целью улучшить качество стали. Положило ему 12 тысяч жалованья и пустило работать. Результаты однако были очень неожиданны даже для самой администрации; сталь пошла не лучше, а хуже.

Кроме неумелости и отсутствия знаний у наших инженеров, много еще причин вследствие которых работа на заводе идет из рук вон плохо. Прежде всего укажем на отсталость техники в снарядных и орудийных цехах, в прокатном цехе. Казна щедро отпускала средства на всякие поправки, улучшение, изменение. Случалось как-то так, что средства попадали совсем не туда, куда было необходимо. Проще говоря, громадные средства раскидывались растаскивались администрацией, или просто пропадали благодаря неумению строителей сообразоваться с потребностями производства; как-то на прессовой фабрике инженеру Демидовскому пришлось строить пароисходящие трубы. Строил он их, конечно, дважды; ломал и вновь строил. Денег ушла уйма, а все ни к чему. Сейчас, например, строится громадное трехэтажное здание, строят его несколько лет, денег, вероятно, вложили много, а к чему его, никто толком и ответить не может. Одни говорят, что под библиотеку, другие — под столовую для рабочих и т. п.; вероятно и сам г. горный начальник не ведает, зачем и для чего строится оно.

Итак, товарищи, причины все те же: казнокрадство одних, глупость других, неуменье третьих — вот истинные причины настоящего положения вещей у нас на заводе, вот почему сокращается производство, уменьшается заработок рабочих, появляется безработица. Забастовки, революционеры здесь не при чем, хотя администрация и валит на них; не вред, а громадную пользу принесли они рабочему классу у нас в Мотовилихе. Повысилась поденная

плата; ранее платили 60 коп., теперь 80 коп.; подручным вместо 20 коп теперь платят 40 коп.; повысились расценки и на сдельные работы; уменьшилось рабочее время с 10 ч. на 9 ч. и т. д. и т. д.

Черной сотне, полиции и нашей заводской администрации выгодно валить на нас, сознательных рабочих, они надеются на нашу темноту, на наше невежество, но они жестоко ошибаются.

Не давайтесь, товарищи, в обман, вдумывайтесь почаще в свое положение и тогда поймете, насколько лживы те сказки, что рассказываются черносотенной администрацией.

То, что творится у нас в Мотовилихе, творится по всей России. Если обкрадывают умирающих от голода крестьян, если сытые отнимают последний кусок у нищих, если громят целые города, уничтожают села, расстреливают жен и детей—то почему в Мотовилихе не должно происходить подобное. И оно происходит, наши господа стараются об этом.

Товарищи, помните наш лозунг: *долой самодержавие,* ведите его в жизнь: боритесь против самодержавия администрации, боритесь против самодержавия полиции, против всех кровопийц и предателей.

Издание Мотовилихинского Районнаго

Комитета Р. С.-Д. Р. П.

№ 44.

Та свобода, которая добыта революционным народом ценою потоков крови и десятков тысяч трупов, снова отнимается от нас темными силами реакции. Жандармы и полиция открыто ведет агитацию за избиение тех лиц, которые разъясняют смысл полученной свободы, разъясняют права и обязанности граждан, но, избивая нас, социал-демократов, они предлагают избивать евреев и поляков и само собой рбзумеется будут убивать всех прохожих по улицам, громить и грабить имущества всех граждан, как это было в Кишиневе, Баку и в других городах.

Страшна разнузданность темной массы, чувствующей на своей стороне силу полиции и солдат.

Против этой дикой силы может быть противопоставлена одна сила, сила сознательных и организованных рабочих, руководимых социал-демократической партией во всех своих бесчисленных забастовках и демонстрациях последнего времени, сознательные рабочие показали умение вносить порядок во все свои массовые выступления,—необходимы лишь средства для вооружения.

Пермский Комитет социал-демократической партии призывает Вас, граждане, принять участие в устранении общей опасности и дать нам необходимые средства для организованной работы.

Пермский Комитет Российской социал-демократической рабочей партии.

К истории первого мая.

№ 1.

К мотовилихинским рабочим.

1-е мая—праздник рабочих всех стран земного шара. В этот день сознательные рабочие на фабриках и заводах, в рудниках и копях, в мастерских и типографиях, в разных мелких ремесленных заведениях, на фермах и полях, покидают работу и предаются празднованию своего единственного всемирного праздника.

В свободных странах рабочие 1-го мая прогуливаются по улицам со знаменами и пением, собираются на сходки, свободно говорят о силе и росте рабочего движения, о задачах рабочей партии и о приближении того счастливого дня, когда начнется царство действительного равенства, братства, свободы.

В странах же, скованных самодержавием, рабочие, не являясь на работу, часто ограничиваются тайными сборищами. На них они обсуждают свое положение и меры к успешной борьбе с ненавистным правительством и хозяевами-капиталистами за свою лучшую долю.

Присоединимся и мы, мотовилихинские рабочие, к своим братьям рабочим других мест и будем праздновать первое мая.

Товарищи, никто не выходите на работу 1-го мая.

Покажем своему начальству, что и мы хоть раз в год можем распоряжаться временем так, как нам угодно, добровольно покинем работу для празднования этого великого дня, в который рабочие всех стран духовно соединяются в одну семью, живут одними мыслями, одними надеждами на лучшее будущее.

Долой самодержавие! Да здравствует единение рабочих! Да здравствует первое мая!

Мотовилихинский Рабочий Комитет.

№ 2.

Российская Социалистическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Первое мая.

Товарищи! Рабочие всех стран празднуют 1-е мая. В этот день наши сознательные товарищи бросают работу на фабриках и заводах и устраивают свой великий пролетарский праздник.

За границей, где рабочие уже завоевали себе свободу, они совершают 1-го мая торжественные шествия, с красными знаменами, музыкой и своими рабочими песнями. Они созывают там открытые собрания и на них говорят о своих нуждах.

В России у нас такое открытое празднование рабочими 1-го мая до сих пор еще невозможно. Но и у нас много и много рабочих чтут этот великий праздник. Они бросают 1-го мая работу на один день, созывают свои собрания и выставляют на них общие всему рабочему классу требования. В этот день пролетарии рабочие всех стран на деле сознают свою солидарность и объединяются в одном общем стремлении.

К чему-же стремится и чего требует пролетариат всего мира в день 1-го мая?

1-го мая сознательные рабочие прежде всего выставляют свое главное требование. Это уничтожение таких порядков, когда на долю рабочего класса выпадает лишь тяжкий труд, голод да угнетение, а на долю капиталистов все блага жизни и все удовольствия. Своей забастовкой, шествиями, собраниями и речами рабочие показывают буржуазии—помещикам, купцам и фабрикантам, что приближается то время, когда не будет хозяев и рабов, богатых и бедных, ученых и безграмотных, когда все люди будут равны, одинаково богаты и образованы. Первого мая рабочие ежегодно подсчитывают силы борцов за новый строй, который называется социализмом.

Но, чтобы достигнуть такого строя—рабочим нужно еще много бороться. Им надо понять свое положение и просветиться. Ведь так еще много темноты у рабочего человека. Наконец, нужно рабочим организоваться, почувствовать свою силу и вооружиться на последнюю борьбу с капиталистами.

Знают капиталисты силу рабочих. Они понимают, что просветятся, сорганизуются и вооружатся рабочие, и придет конец привольному житью капиталистов. И вот они тянут все соки из рабочих, заставляют их работать 12—14 часов в сутки, дают им нищенскую плату и закрывают путь к просвещению. А чтобы сдержать строптивых рабочих и заставить их повиноваться своим хозяевам, позавели капиталисты и их приспешники постоянные армии. И посылают они мужиков и рабочих, одетых в солдатские шинели, расстреливать своих братьев и отцов, когда те начинают борьбу за улучшение своего положения.

Поняли и рабочие, в чем причина их угнетения, знают теперь они, что долгий рабочий день и постоянные армии закабаляют их капиталистам. Поняли рабочие и то, что лишь в единении и организации их освобождение.

Сознали это наши товарищи и 17 лет тому назад установили празднование рабочими 1-го мая. В этот день рабочие всего мира требуют от капиталистов введения 8-мичасового рабочего дня, уничтожения постоянной армии и всеобщего вооружения народа. Такие же требования выставляют 1-го мая и наши русские товарищи.

Но, если заграничные товарищи выставляют эти требования открыто, мы, российские рабочие, не можем еще о них даже и заикнуться. За это у царского правительства заготовлены для нас пушки, пулеметы, казаки да тюрьмы. Следовательно мы, российские рабочие, чтобы получить возможность бороться за 8-мичасовой рабочий день и за уничтожение постоянной армии, должны еще добыть свободы собраний, слова, печати и пр.

Не даст нам этого та государственная дума, которую собирает царь из помещиков, купцов, фабрикантов да малосознательных крестьян. Да и сам царь с его министрами позаботился уже о том, чтобы эта дума не смогла добыть народу свободы. Они опутали ее целой сетью „основных“ законов, которых она изменить не может и которые охраняют все старые порядки.

Свободу борьбы за лучшее будущее может обеспечить рабочим и всему русскому народу только демократическая республика. А ее даст России лишь всенародное учредительное собрание, созванное на началах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. Поэтому-то правительство и капиталисты так боятся учредительного собрания. Они никогда не дадут его добровольно: добьются же его пролетариат и революционное крестьянство, когда они уни-

чтожат векового врага народа—царское самодержавие. И это будет великая победа, которая приблизит нас к светлому будущему, к социализму.

Товарищи! Рабочие всего мира празднуют 1-е мая однодневной забастовкой. Этим они требуют 8-ми часового рабочего дня, уничтожения постоянной армии и всенародного вооружения (народной милиции). Наши русские товарищи присоединяют ныне к этим требованиям созыв всенародного учредительного собрания на началах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования.

Все эти требования отвечают нуждам рабочих, все они необходимы для них.

В единении, товарищи, сила. Только при взаимной поддержке и сможем мы одержать победу и выбиться из вечной нужды. Так поддержим-же наших товарищей! И мы, уральские пролетарии, должны бросить работу 1-го мая и показать правительству и капиталистам, что требования пролетариата всего мира—наши требования. И мы, уральские рабочие, должны показать нашим врагам, что и в нашей груди бьется могучее пролетарское сердце. Пусть и на нашем Урале отныне 1-е мая ежегодно гремит:

Да здравствует 1-е мая!

Да здравствует 8-ми часовой рабочий день!

Да здравствует всенародное вооружение!

Долой постоянную армию!

Долой государственную думу!

Да здравствует всенародное учредительное собрание!

Уральский Областной Комитет.

№ 3.

Первое мая—рабочий праздник.

Приближается день первого мая, рабочий праздник. Кто же установил этот праздник, для чего он установлен? В 1889 году в г. Париже собрались на съезд выборные от рабочих разных стран (Англии, Франции, Германии и др.). На съезде они решили считать день первого мая рабочим праздником. Пусть в этот день—говорили на съезде—рабочие всех стран показывают всем силу своего товарищеского союза. Пусть видят все, что

у рабочих всех стран одно общее дело и одни общие враги—буржуазия (богачи-купцы) и защищающее буржуазию правительство.—Чего же добиваются своей дружной борьбой рабочие заграницей? Они хотят, чтобы богатства, созданные руками рабочих, не принадлежали кучке капиталистов, а были бы собственностью всего общества; только тогда исчезнут нищета и безработица, от которых теперь страдает рабочий. Одним словом, они хотят уничтожить господство денег, богатства или капитализм и на его место установить социализм. День 1-го мая и есть праздник рабочих, борющихся за социализм. Заграницей рабочие уже многого добились в этой борьбе, они пользуются там свободой стачек, свободой печати, свободой слова и собраний, одним словом, они пользуются политической свободой, и никто там не может отнять у народа эту политическую свободу, потому что высшая власть в государстве находится в руках выборных от народа (парламента). Благодаря этому рабочие заграницей могут открыто праздновать свой майский праздник. Они оставляют 1-го мая работу на фабриках и заводах, как бы желая этим показать, что у них нет ничего общего в этот день с хозяевами-эксплоататорами (притеснителями). Они проводят его в кругу своих товарищей, разъясняя себе и другим все громадное значение рабочего дела, дела борющегося пролетариата. Старые бойцы за рабочее дело могут видеть на громадных собраниях, чего добились они в своей борьбе, молодые рабочие лучше узнают тут, чего надо им добиваться, как надо бороться за лучшую жизнь для всего человечества. На этих же собраниях читаются приветствия, присылаемые рабочими других стран, поются рабочие песни, призывающие на борьбу за полное освобождение от всякого ига и притеснения. В день 1-го мая заграницей все уже привыкли видеть многотысячные толпы рабочих мужчин и женщин, спокойно проходящих по улицам городов с торжественным пением революционных песен и со знаменами. На знаменах написаны требования рабочих: „8-ми часовой рабочий день", „да здравствует социализм" и тому подобное.—Что-же у нас в России? Русские рабочие в их борьбе со всеми мерзостями нашего времени встречают такого врага, какого давно не знают заграничные рабочие, этот враг — наше самодержавное правительство. У нас нет политической свободы, мы лишены политических прав. Вся власть находится безраздельно и безотчетно в руках кучки чиновников министров, окружающих царя. Они правят Россией, они теснят ее, они всюду

посылают своих слуг—губернаторов, жандармов, полицеймейстеров, начальников железных дорог и еще тысячи высших и низших чиновников. В их руках войско, готовое идти на своих братьев рабочих по первому приказу. Тщательно охраняет вся эта армия чиновников и солдат „порядок", силою оружия подавляя всякую попытку рабочих бороться за лучшую жизнь. Но несмотря ни на какие угрозы и жестокости правительства, русские рабочие уже не раз открыто праздновали свой праздник 1-го мая. В прошлом году в Сормове рабочие в этот день устроили шествие по улицам. Они открыто провозгласили: „Долой самодержавие", „да здравствует политическая свобода". Правительство по своему расправилось с сормовскими рабочими, сослав их в Сибирь. Этим оно лишь показало, что надо всем рабочим дружно встать прочив самодержавия. Тогда правительству не справиться с восставшим народом и мы добьемся политической свободы.

Уральские рабочие тоже не раз по своему праздновали день 1-го мая. Теперь они снова должны открыто показать, что прошло то время, когда рабочий гнул только спину и безмолвно сносил унижения. 1-го мая надо оставить работу. Всякий, кто бросит работу, покажет этит, что он честный товарищ, готовый идти на борьбу за рабочее дело, что ему ненавистно подлое самодержавие и что ему нужна политическая свобода для борьбы за лучшую жизнь.

*Пермский Комитет Российской Социал-
Демократической Рабочей Партии.*

№ 4.

К пермским и мотовилихинским рабочим.

В западной Европе рабочие уже давно добились того, что правительство признало их союзы и общества законными и стало относиться к ним с уважением. Там не только рабочие одной страны, а даже представители от рабочих всех стран собираются по временам на общие съезды, чтобы обсудить свои общие дела и интересы. На одном из таких съездов представители рабочих постановили: ежегодно праздновать повсеместно день 1-го мая, как рабочий праздник. С тех пор в этот день рабочие во всей Европе бро-

сают работу и торжественно проходят по городским улицам с красными знаменами, с пением рабочих песен. Чем торжественнее и стройнее проходит праздник 1-го мая,—этот „смотр великой рабочей армии",—чем дружнее действуют рабочие, тем очевиднее становится им их сила, тем увереннее и настойчивее отстаивают они свои права, и тем более уступчивыми делаются хозяева и правительства, напуганные братством и солидарностью рабочих всех стран.

За что же борются рабочие? Они борются за то, чтобы ленивые брюха капиталистов не съедали того, что создают крепкие руки рабочих, чтобы фабрики, заводы, инструменты, орудия не были предметом частной собственности хозяев, а принадлежали бы рабочим классам. Тогда когда рабочие будут хозяевами своей работы, им не зачем будет тянуть жилы и за ничтожную плату работать чуть не целые сутки: тогда будут работать все, а не одни рабочие, но лишь постольку, сколько это нужно, и все, а не одни капиталисты будут иметь право пользоваться плодами этих трудов и при том в равной мере.

Но пока эти порядки еще не достигнуты, пока не исчезли хозяева-капиталисты, рабочим приходится работать на них, и в их интересах устроить так, чтобы как можно меньше отдать своего труда хозяину и как можно больше за это получить. Отсюда требования высокой заработной платы и борьба за 8-ми часовой рабочий день.

Важность этих требований рабочих всех стран все больше и больше сознают русские рабочие. Они также борются за лучшую жизнь, за высокую рабочую плату, за 8-ми часовой рабочий день. Но русские рабочие в этой борьбе связаны по рукам и ногам: им нельзя открыто собраться и посоветоваться о своих делах, нельзя устроить союз для защиты своих прав, нельзя стачкой добиваться от хозяина какой-нибудь уступки, так как в России запрещены рабочие собрания, союзы стачки. В России никому нельзя говорить в защиту рабочего дела или в газетах и книгах растолковывать рабочим, как отстаивать свои права, у нас нет свободы слова и печати и такого человека могут за „возмутительные речи" без всякого следствия и суда, не спросив даже его оправдания, арестовать, держать в тюрьме и сослать,—не по закону, не по суду, а по усмотрению правительства:

неприкосновенности личности, при которой человека без следствия и суда нельзя тронуть — у нас нет.

При таких порядках всякий рабочий почти лишен возможности отстаивать права рабочих: так стесняют рабочих наши государственные порядки, так мешают они им бороться за улучшение своего положения. Поэтому русским рабочим приходится добиваться, чтобы эти порядки были изменены, чтобы в России была свобода стачек, собраний, союзов, слова и печати и чтобы личность гражданина была неприкосновенна, — словом, чтобы русский государственный или политический строй был изменен и стал строем политической свободы. А для этого прежде всего необходимо уничтожить самодержавие.

Таковы требования русской рабочей партии. Русские рабочие местами уже празднуют 1-ое мая, выражая этим свою солидарность с рабочими всех стран. Сначала 1-ое мая праздновалось ими тайно, в лесу, в укромных квартирах, но в последние годы рабочие уже стройно и торжественно проходят по городам, неся свое красное знамя и знамена, на которых выставлены требования рабочего класса.

Пермским и мотовилихинским рабочим пора присоединиться к движению рабочих всех стран и показать и хозяевам, и правительству, что они члены великой рабочей армии и всегда готовы на борьбу за свои права заодно с своими братьями — рабочими всех стран.

Сегодня 18-е апреля — по западному счету 1-е мая. В этот день мы напоминаем всем пермским и мотовилихинским рабочим, которым дорого рабочее дело и общие интересы всего рабочего класса, о великом всемирном рабочем празднике 1-го мая и приглашаем 1-го мая бросить работу.

Да здравствует всемирный рабочий праздник 1-е мая!

Да здравствует рабочая партия!

Да здравствует политическая свобода!

Пермский Комитет Уральского Союза социал-демократов и социалистов — революционеров.

№ 5-й.

К пермским и мотовилихинским рабочим.

Завтра всемирный праздник рабочих 1-го мая. В этот день в Западной Европе и в некоторых местах России рабочие бросают работу и с пением рабочих песен стройным маршем проходят по городским улицам, высказывая тем солидарность и братство рабочих всех стран и неся знамена, на которых выставлены их требования.

В этот день Пермская организация, поставившая своей целью борьбу за освобождение рабочего клас.а, приглашает пермских и мотовилихинских рабочих присоединиться к всемирному рабочему празднику и оставить работу, а на собраниях своих в этот день обсудить следующие требования рабочей партии: рабочая партия требует 8-ми часового рабочего дня, чтобы сутки распадались на три восьмерки: 8 часов для труда, 8 для сна, 8 — свободных.

Рабочая партия требует свободы собраний, союзов, стачек, чтобы рабочие без стеснения могли собираться вместе для обсуждения своих дел, чтобы могли составлять союзы и общества для защиты своих прав и интересов, чтобы общим отказом от работ имели право принудить хозяина к уступкам

Рабочая партия требует, свободы слова и печати, чтобы всякий на словах, в газетах и книгах мог высказать невозбранно все, а не только, что нравится правительству и что оно дозволяет.

Рабочая партия требует неприкосновенности личности, чтобы никто не мог быть арестован, подвергнут наказанию, сослан без гласного, публичного суда и без следствия.

Рабочая партия требует совершенной отмены и уничтожения самодержавной царской власти и передачи верховной власти собранию народных выборных, избранных всем взрослым населением русской земли. Царь—не более, как игрушка в руках министров, ни за что не отвечающих перед народом и не обязанных давать ему отчет в своих поступках. Издание законов, назначение министров должно принадлежать собранию народных выборных. Они ответственны пред всем народом за изданные ими законы, за расходо-

вание народных денег, а министры, исполняющие их веления, отчитываются и отвечают перед ними.

Итак, долой самодержавие, да здравствует политическая свобода! Да здравствует рабочая партия и всемирный праздник рабочих 1-е мая.

Пермский комитет Уральского союза соц.-демократов и соц.-революционеров.

30-го апреля 1903 года.

№ 6-й.

В день 1-го мая не работать.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

День 1-го мая давно уже открыто празднуется рабочими передовых стран. Русский рабочий после вековых притеснений и кабалы только в последние годы стал сознавать, что от ежедневных унижений и притеснений, от нищеты и горя он может избавиться, только вступив в боевые ряды рабочей партии. Рабочая партия требует 8-ми часового рабочего дня при высоком заработке, она требует свободы слова и печати, отмены наказания за стачки, за рабочие кассы и союзы, за сходки и собрания; рабочая партия требует, чтобы вместо царя и назначаемых царем министров, губернаторов и других чиновников страной управляли народные представители, выбранные самим народом: только выборное правительство не будет обирать и издеваться над рабочим. И вот, как только образовалась у нас рабочая партия—стали праздновать 1-е мая и русские рабочие. В этот день тысячи листовок и прокламаций призывают рабочих бросать работу, устраивать сходки и уличные демонстрации. Призывают к борьбе и у нас тысячи станков и машин останавливаются в этот день. На улицах Сормова, Харькова, Баку и в других местах уже развевалось красное знамя. День 1 го мая, как нельзя лучше показывает как друзьям, так и братьям нашим, как быстро рабочее движение распространяется в России. Майский боевой смотр рабочей армии, несмотря на все зверства нашего самодержавного правительства, становится грознее и грознее. Товарищи! Пермский комитет социал-демократической рабочей партии призывает вас дружно бросить работу в день 1-го мая и показать тем

самым свое сочувствие как нашим товарищам, сидящим в тюрьме, так и всему русскому революционному рабочему движению в борьбе с царским правительством, которое так коварно расстреливало наших златоустовских товарищей. Да здравствует 8-ми часовой рабочий день! Долой самодержавие! Да здравствует политическая свобода!

Пермский комитет социал-демократической рабочей партии.

№ 7-й.

Первое мая.

Недалек уже день 1-го мая, когда особенно ярко вспыхивает неугасающее ни на минуту пламя борьбы, охватившей Россию. Глухая и скрытая борьба получает в этот день ясно видимые формы. Это все та же великая борьба русского народа с самодержавным правительством. Все темные силы, тяготеющие над русским обществом, выступают в этот день, охваченные одним лишь ужасом перед близящейся революцией. День 1-мая для этих темных сил есть постоянное напоминание о том, что и их бессмысленной и грубой власти придет конец. Что же значит 1-е мая для русского общества? 1-е мая—рабочий праздник; это праздник пролетариата, объединенного в борьбе за социализм. Присоединяясь к заграничным товарищам своим празднованием 1-го мая, русские рабочие больше, чем сотни академий и университетов, пушечных и корабельных заводов показывают, что Россия приобщается к могучей культуре Запада и не к той культуре, которая создала броненосцы и пушки Максима, а к той истинной общечеловеческой культуре, лучшим выражением которой является социализм. Но история отвела русскому рабочему главное место передового борца за политическую свободу. Русские рабочие в их борьбе за социализм прежде всего наталкиваются на самодержавие. Исторической задачей русского пролетариата стало поэтому низвержение самодержавия. Весьма глубокий исторический смысл имеет тот факт, что самой энергичной выразительницей народного недовольства, „возмущения“ стала социал-демократическая рабочая партия. Своими демократическими требованиями она выражает желания всего русского общества, ибо эти требования есть требования политической свободы.

Итак, день 1-го мая у нас в России не есть лишь праздник рабочих по историческим условиям, это есть вместе с тем праздник всего живого, всего стремящего к свету, к свободе!

Пермский комитет Российской социал-демократической рабочей партии.

№ 8-й.

Российская социал-демократическая рабочая партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

1-го мая.

Товарищи! День 1-го мая — день праздника рабочих всех стран. На этот день рабочие всего мира бросают работу. Они выходят на улицу стройными рядами и красные знамена развеваются над их головами. 17 лет подряд во всех странах они выставляют одинаковые требования: „8-ми часовой рабочий день“ „Уничтожение постоянной армии“ и „Да здравствует социализм“.

Так же и в этом году рабочие всего мира отпраздновали свой пролетарский праздник—1-е мая. В речах на собраниях они говорили о поддержке нас в нашей борьбе с царским правительством и указывали, что наша борьба—их борьба, наши враги—их враги.

Наши товарищи за границей, добившись уже политической свободы, про ходят свободно по улицам со знаменами, с песнями, с музыкой.

Мы, русские рабочие, будем также свободно праздновать 1-е мая лишь после того, как вооруженной рукой свергнем царское самодержавие, лишь тогда, когда добьемся Всенародного Учредительного Собрания на основании всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов, взамен теперешней полицейской думы, лишь при Демократической Республике. Тогда и мы в этот день сольемся в одном общем шествии с рабочими всего мира.

Товарищи! Бросим и мы работу на один день. Присоединимся и мы к объединенной армии пролетариев всех стран, борющихся за наше общее освобождение от гнета капиталистов—за социализм.

Пусть в этот день нашего рабочего праздника никто не выйдет на работу! Пусть не гудят призывные заводские свистки!

Пусть не вертятся колеса машин, пусть не работают заводы и мастерские, пусть закроются магазины и лавки, пусть не выйдут газеты. Пусть на один день вся жизнь замрет!

Отпразднуем и мы однодневной забастовкой наш общий рабочий праздник!

Да здравствует первомайский праздник! Мы боремся за 8-ми часовой рабочий день! За уничтожение постоянной армии! За социализм!

Мы добиваемся Всенародного Учредительного Собрания! Добиваемся Демократической Республики!

Да здравствует Российская, да здравствует Международная социал-демократия.

Пермский комитет Р.С.-Д.Р.П.

№ 9.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи рабочие! Сегодня первое мая, сегодня весенний праздник всемирного пролетариата; праздник труда, праздник 8-ми часового рабочего дня. В этот день наши товарищи западно европейские и американские рабочие оставляют работы, выходят на улицу, стягивают свои силы под красным флагом социализма и предъявляют трепещущей буржуазии грозное требование человеческого права: 8 часов работать, 8 часов спать и 8 — быть свободным. Товарищи! Едва ли есть что-нибудь справедливее и человечнее этого требования? Вспомните, сколько молодых и здоровых сил и даже жизней уносит наш каторжный 10 — 12 часовой рабочий день! Не обязаны ли вы этому труду своей темнотой и невежеством. Когда вам учиться, когда вам читать: вы должны работать. И для чего? А для того, чтобы богачи-капиталисты строили себе дворцы, а мы, рабочие, жили в жалких лачужках; они одевались в бархаты и шелк - а мы ходили в лохмотьях; они купались в шампанском, а мы умирали голодной смертью. Нет, довольно мы поработали на капиталистов; пора позаботиться о себе. Им достаточно и 8 часов нашего труда. Вот почему рабочие всего мира постановили ежегодно в день 1-го мая отказываться от работы с требованием 8-ми часового рабочего дня.

Пусть весь пролетариат, скажем и мы, отзовется на этот клич и встанет на борьбу, как один человек. Пусть будет 1-е мая праздником великой классовой борьбы, первой будущей победы над богатыми, победа света над тьмой... Пусть этот праздник покажет рабочим, что они братья и что они везде одинаково угнетены. Но теперь не до праздников русскому рабочему народу... Это право надо вырвать у самодержавной опричнины наряду с обще-человеческими правами. Но как? Борьбой планомерной, упорной, где обдуман каждый шаг, где подсчитана каждая сила.... Не до праздников тут... Они ждут нас впереди, когда мы силой достанем себе свободу. А пока пусть обдуман будет каждый шаг, пусть усчитана будет каждая сила. Довольно жертв, которые покорно падают под ударом опричников. Довольно этих агнцев, добровольно идущих на заклание... Довольно... Мы выйдем снова, на улицу... но не для праздника, а для борьбы... Ждите призыв, товарищи своих революционных организаций... То будет последний день борьбы, день решительной победы.. и уже недалек тот день. Сплачивайтесь, будьте готовы... В этом залог вашей победы... Мы не зовем вас на улицы, на демонстрации и митинги, ибо силы должны быть сосредоточены на подготовке этой последней битвы и, следовательно, классовый праздник должен быть принесен в жертву этой великой задачи.....

Сегодня первое мая. Вспомните, товарищи, сколько жертв, сколько крови было пролито в первые первомайские выступления в борьбе за 8-ми часовой рабочий день! В 1905 году только на улицах Варшавы было расстреляно до 200 человек! Рабочие! Почтите память этих жерт клятвой хранить до конца их заветы, обогренные братской кровью. Клянемся не отступать ни на шаг. Вперед товарищи! Да здравствует первое мая! Да здравствует 8-ми часовой рабочий день! Да здравствует всемирное освобождение рабочих! Честь и слава великим борцам, павшим за рабочее дело! Смерть и проклятие убийцам!

Кунгурский Комитет Р. С.-Д. Р. П.

№ 10.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К рабочим Урала.

Первое мая.

Сегодня 1-е мая. Кто из рабочих не знает этого великого праздника труда, кто может забыть день, когда пролетарии всех стран соединяются под красным знаменем, а буржуа всех стран трепещут пред грозным призраком пролетарской революции. В этот день вся горечь, вся ненависть и злоба, накопленная в пролетарском сердце, выходит наружу, разрушая все преграды; правда угнетенных бросает вызов правде угнетателей.

„Проклятые паразиты", говорят в этот день рабочие мира, „вы захватили в свои руки все богатства, созданные нашей рукой и сделали рабами нас, кормильцев человечества. Всю жизнь нашу вы превратили в каторжный труд на вас и ваше потомство. Будет время, когда и вам придется стоять у станка, когда не будет паразитов, живущих чужим трудом Вы сделали радости и веселье уделом кучки богачей, а страдание и труд уделом миллионов. Мы несем счастье обездоленным миллионам, а нищету, страдания и муки навсегда изгоним из мира, освобожденного от угнетателей. В том мире, где господами будем мы, пролетарии, нет места слезам несчастных, нищете трудящихся, страданиям угнетенных, и красное солнце, которое греет и радует теперь кучку паразитов, убийц и палачей, мы заставим заблестеть для мира трудящихся, мы заставим заглянуть его в лачуги пролетариев, в избушки бедняков. А лачуги эти мы перестроим на дворцы, где будут жить сами создатели их—рабочие.

Весь мир вы превратили в военный лагерь и в безумной жажде золота каждый миг готовы затопить кровью все страны. „Пролетарии все стран, убивайте друг друга", проповедуете вы. „Пролетарии всех стран, соединяйтесь, долой постоянную армию", раздается в этот день, и братство народов уже не пустой звук теперь, когда миллионы пролетарских рук со всех концов земли братски тянутся друг к другу.

Ваши жандармы в рясах, подкупленные золотом, обещают нам награду на небесах за наши страданья на земле. Они сулят нам радости там, где

нас не будет, чтоб лишить их нас там, где мы есть, где мы живем и чувствуем. Нет, не на небе, а здесь на земле мы создадим себе небесное царство, на земле завоюем новою жизнь. А она прекрасна будет, эта новая радостная жизнь, как лучезарное солнце мая, как молодая весенняя травка, как свежая зелень лесов. Пусть-же наше 1-е мая будет хоть слабым намеком на ту жизнь, которая родится выростет из пролетарского движения на развалинах буржуазного строя.

Так говорят рабочие всего мира в день праздника труда. Силы международного пролетариата страшно взросли за последние годы, рабочий класс стал самым могучим классом Запада, и с каждым новым 1-м мая он все ближе и ближе к моменту окончательного торжества над врагами. Сегодня еще царствует кучка всевластных паразитов и упиваются пролетарской кровью буржуазные клопы, а завтра уже быть может красное знамя поднимется над миром и желанная свобода, так долго и обманчиво манившая к себе людей, впервые улыбнется человечеству. И так близко кажется это счастье в день 1-го мая, при виде миллионов рабочих рук, скрещенных на груди сотен тысяч пролетариев, несущих красные знамена....

А у нас в России мы встретим 1-е мая в тяжелые и мрачные дни. Мы не завоевали себе и той свободы борьбы за социализм, которой пользуются рабочие Запада, нам приходится разрушать препятствия, уже разрушенные там. Благородные паразиты из дворянства, экспроприаторы пролетарского труда-капиталисты дружно сплотились вокруг грабителя всего русского народа, вокруг самодержавного правительства. Их, недавних неприятелей, объединил друг с другом страх пред революцией и ненависть к пролетариату. Эта банда грабителей божией милостью все туже и туже затягивает петлю на шее рабочего класса, а дума народных угнетателей готовит законы этим вешателям русского народа. Как стая черных воронов слетелась эта банда на кости октябрьской революции и клюет и терзает тело русского народа. Они торжествуют, эти черные вороны, они думают, что на веки подавили революцию, что навсегда загородили свободы солнца, блеснувшие в октябрьские дни. Они не знают, что не вечен их грабительский союз и тем более не вечно теперешнее молчание пролетариата. „Вы тюрьмами хотите заглушить в нас стремления к свободе?“ Но эти тюрьмы вы строите для себя, господа угнетатели; а чем больше виселиц теперь вы ставите для нас,

тем страшней будет наша власть тогда, когда снова воскреснет революция. А она не умерла, освободительница революция, как не умер рабочий класс, ее носитель, как не исчезли причины, породившие ее. От продажи земли кулаком, не прибавить земли у бедноты крестьянской, голодные не стали сыты от штыков, которыми их кормят истинно русские собаки, а казацкие нагайки нигде и никогда не были способны убить в рабочем сердце ненависть к угнетателям и любовь к свободе. Теперь опущены знамена, но они не уничтожены, они целы и скоро опять поднимутся над Россией, как два года назад; не слышно песен борьбы, но тем сильней они раздадутся, когда рабочие снова занесут свои мозолистые руки над короной самодержца. Вы успокоились, проклятые тюремщики России, вы торжествуете на теле измученного народа? Так знайте-же, что мы еще придем к вам в гости, мы придем, когда вы пьяные от нашей крови спокойно будете пировать на трупах повешенных, огражденные штыками, мы разобьем своими мозолистыми руками ваши бокалы с дорогим вином и разрушим ваши хищнические гнезда. За свое долголетнее владычество вы так много отведали народной крови—мы заставим вас отведать и мести пролетариев, веками сносивших ненавистный гнет.

Товарищи! Мы долго молчали последние годы, мы много ударов оставили без ответа. Давайте же хоть один день в году, в наш великий праздник, выльем наружу всю свою нанависть, всю злобу и проклятья убийцам, что накопились в нашем сердце. В глубине рабочего сердца за мелочными заботами, за страхом из за куска хлеба, глубоко лежит наша преданность революции, наша любовь к свободе. Вынем же оттуда эту нашу любовь и преданность в сегодняшний великий день, как новую одежду на сегодняшний праздник и во всеобщей забастовке, на митингах и демонастрациях соединим себя с пролетариями всего мира. Пусть ни одна пролетарская рука не поднимется в этот день на работу для своих угнетателей и пусть узнает сегодня вся Россия и весь мир, что мы еще придем.

Мы придем, как приходят пролетарии, несущие свободу, под красными знаменами, и под гимн революции, с оружием в руках.

Долой-же проклятое царское самодержавие! Долой ненавистный буржуазный строй! Да здравствует всеобщая первомайская забастовка! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует социализм!

Уральский Областной комитет.

№ 11.

Ко всем рабочим Лысьвенского завода.

Товарищи! наступает наш рабочий праздник 1-го мая. Организованные рабочие всех стран в этот день не работают с тех пор, как их представители в 1874 году, при обсуждении вопросов о ведении планомерной, успешной борьбы рабочего класса со своими эксплоататорами-капиталистами-богачами, высказались за необходимость объединения рабочих всех стран в одну рабочую партию, социал-демократическую; для чего постановили: чтобы один раз в год 1-го мая устраивать всемирную демонстрацию пролетариата-рабочих, для выражения чувства солидарности, единодушия поддерживающей бодрость духа борющихся и выяснения роста организованных, готовых выступить за свои повседневные интересы и не готовых ли в достаточном количестве сил к решительному выступлению за социалистический строй жизни, т. е. за такой строй, где не будет праздных буржуа „знатных" своим развратом графов и князей и стонущих под игом нужды, невежества и бесправия пролетариев, так как все фабрики и заводы, все орудия производства, созданные руками рабочих и вся земля, а следовательно, все производимые рабочими продукты, будут находиться не в руках отдельных лиц, капиталистов, как теперь, а всего общества—народа, которое само распределит продукты и богатства, так что все будут удовлетворены во всем.

Буржуазия и их слуги, правительства всех стран, зная, какие цели преследуются празднующими 1-е мая, издают всевозможные циркуляры, законы, карающие тюрьмой и расстрелами манифестантов.

От пуль и штыков конституционных могильщиков царского правительства пало не мало жертв и засажено в тюрьмы, но несмотря ни на какие железные законы и российский пролетариат, где он организован, разбивает эти законы и чтит 1-е мая.

Товарищи, мы напоминаем Вам, что вы члены одной всемирной трудовой армии, а потому ваш долг положить свой камень в строющееся пролетариатом всех стран великое здание—объединение рабочих всех стран, для чего, товарищи, призываем вас сплотиться теснее, памятуя, что все за одного, один за всех. Для борьбы от всевозможных прижимов и притеснений, бесцеремонно чинимых заводской администрацией, особенно за последнее время, и

для борьбы с правительством, остающимся в действительности самодержавным до сих пор, которое за малейшую попытку рабочих улучшить свое невыносимое положение карает нас так, как ни один враг теперь во время войны неопустошает не приятельскую землю, как наши самодержавные царьки, в роде губернаторов, генерал-губернаторов, министров и самого Николая два столбика с перекладинкой, на которую он и его царьки собственноручно отправляют для вешания молодых, бодрых духом живых людей.

Итак, товарищи, организуйтесь же и мы сообща, все вместе, готовы уже к бою, памятуя, что все за одного, и один за всех, ударим на врага и... победа будет за нами.

Да здравствуют нарождающиеся организации пролетариата под знаменем Российской Социал-Демократической Рабочей партии!

Да здравствует Российская Социал-Демократическая Рабочая партия!

Комитет Лысьвенской организации Р. С.-Д. Р. П.

Печатано 1-го мая 100 экземпляров. (Печать комитета).

Найдена в механическом цехе Лысьвенского завода 1-го мая 1908 года.

№ 12.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия*).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

1-е мая.

Товарищи! Через несколько дней—первое мая. Через несколько дней рабочий класс России, рабочий класс всего мира бросит работу, чтобы отпраздновать свой рабочий праздник. Вы, рабочие,—должны ли и вы бросить работу в этот день, должны ли и вы бастовать в первое мая, должны ли и вы пойти вместе с рабочими России, с рабочими всех стран?

Мы, рабочие—члены с.-д. партии—говорим:

Да, рабочие в этом году должны со всеми рабочими праздновать славный рабочий праздник; рабочие не должны работать первого мая. Всю жизнь рабочего труд, тяжелый, мучительный, безрадостный труд. В шахтах, в мастерских, на фабриках—у станков и машин проходит она.

Единственный отдых пролетария—раба—это праздник. Но те праздники, в которые разрешено отдыхать рабочему, не его праздники. Это праздники богатых и сытых, это праздники господ хозяев.

*) Печать Комитета не разборчива, возможно листовка не Пермская.

Хозяйскому богу и хозяйскому царю посвящены эти праздники, для нашего одурманивания и обмана служат они нашим братьям. Шесть дней губят и разрушают наше тело, в седьмой разрушают и развращают душу рабочего, его волю, его разум. Для этого служат буржуазии ее бог и ее святые, для этого строит она храмы, для этого содержит полчища попов и монахов.

Первое мая—наш праздник и нами он создан.

Первое мая—великий праздник трудящихся всех стран.

Первое мая—праздник пролетариев, праздник всех униженных и обездоленных, праздник всех тех, кого жизнь сделала рабами.

20 лет тому назад представители рабочих нескольких стран, в первый раз собравшись в Париже, постановили: в знак того, что рабочие всех стран братья, что рабочие всего мира—одно великое тело, один дух, что все они к одному стремятся, установить общий рабочий праздник. Таким днем рабочего празднования был избран день первого мая—яркий, светлый день молодой весны.

И не для отдыха от труда создан наш праздник.

Не для пьянства и обжорства, как праздники наших врагов, установили его. Наш праздник боевой праздник, праздник борьбы, праздник ненависти к нашим угнетателям и братской солидарности всех трудящихся.

В этот день по всему миру, везде, где есть хоть маленькая кучка сознательных рабочих, мощно и громко звучит:

Пролетарии всех стран соединяйтесь!

Не гудят в этот день гудки, не грохочут машины, не дымятся трубы фабрик—рабочие на улице, с женами и детьми в праздничных одеждах, с бесчисленными знаменами и флагами, под звуки рабочих песен устраивают свои шествия, демонстрации, говорят речи... В этот день происходит смотр нашей армии, в этот день считаем мы свои силы, в этот день с радостью видит всякий, как по лицу земли всюду веют красные знамена, всюду грозно звучит: „Вставай, проклятьем заклейменный весь мир голодных и рабов"—и трусливо прячут свои головы наши враги—вся сволочь, грабящая и обирающая рабочих. Со страхом убегает она в этот день из города или забирается в свои палаты и дворцы, окружаясь шпионами и пушками, выгоняя на улицу тысячи солдат и полиции.

Два требования выставляет рабочий класс в день первого мая своим врагам: восьмичасовой рабочий день—вот первое требование.

Что больше всего имеет значение для рабочего, как не его рабочий день: чем длинее рабочий день, тем хуже рабочему, тем больше грабят его, тем больше он растрачивает и губит свои силы на добывание богатств своим хозяевам. Чем больше рабочий день, тем меньше свободного времени у рабочего.

Вот почему прежде всего всегда и везде рабочие борются за уменьшение рабочего дня. Потому-то, что чем больше свободного времени у рабочего, тем больше у нас возможности жить более разумной жизнью, тем более у него возможности учиться, читать, воспитывать свою волю, свой разум для борьбы со своими угнетателями.

Вот почему и в день первого мая прежде всего на знамени рабочих всех стран написано: „Восемь часов для труда“.

И еще требуют рабочие в день первого мая: „Долой постоянную армию“!

Отошло время, когда армия требовалась для защиты от неприятеля, „от нашествия иноплеменников“—теперь она ближе к буржуазии для защиты от внутреннего врага—от рабочего класса.

Рабочего расстреливают защитники отечества, для рабочего запасены пушки и пулеметы. Только за солдатскими штыками буржуазия может спокойно спать в своих пышных постелях. Тысячи солдат посылаются на завоевания разных стран, проливается море рабочей крови, как псы дерутся господа буржуа из-за каждого нового клочка земли только потому, что им некуда девать своих товаров, некому продать бесчисленные богатства, приготовленные руками наших рабочих. Кто же эти солдаты, слуги и защитники буржуазии, убийцы рабочих?

Это дети рабочих, теже рабочие, вырванные насильно на службу государству и отечеству, т. е. богачам, фабрикантам, помещикам и заводчикам.

Их оторвали от матерей и отцов, загнали в казармы, где обманами, насилием, одурманиванием и развратом заставляют служить наши враги себе посылают их на усмирения, на расстрел своих же рабочих,—отцов. Вот почему в день первого мая, в великий праздник рабочих,—пролетарии всех стран требуют у своих врагов:

„Отдай нам наших братьев, сыновей и отцов“!

„Долой постоянную армию“!

Вот для чего установлен рабочий праздник, вот для чего в этот день бросает работу всякий сознательный рабочий—немец, француз, японец, англичанин—рабочий всех стран. Вот почему пролетарский рабочий класс с (стерты гект. чернила) как он живет сознательней первого мая.

Вот почему и вас, рабочие, зовем мы праздновать этот день.

Правда, мы не можем его праздновать как наши товарищи за границей, не можем торжественно устраивать шествия, не смеем поднять наше красное знамя, не можем петь наших боевых песен: сволочь стережет каждый наш шаг, за каждое движение готова она броситься на нас. И свой гласный праздник мы принуждены праздновать тайно - украдкой, в лесах, по ночам должны мы устраивать свои собрания.

Что-ж, тем сильнее в нас горит ненависть, тем сильнее в нас горит жажда борьбы.

И теперь, товарищи, когда царское правительство, задавив всякое проявление рабочей жизни, празднует свою победу, торжествует поражение революции—особенно важно для нас, русских рабочих, дружно отпраздновать первое мая (стерты чернила) что жив их рабочий, что не убили его виселицы и тюрьмы.

Пусть видит царское правительство, что велика сила рабочей солидарности, что крепок наш братский союз.

Пусть трепещут наши враги: мы еще поднимемся, мы придем к ним, мы потребуем от них ответа за все злодеяния, совершенные над нами.

К нам же, товарищи, рабочие! Вместе будем праздновать первое мая. Будем и мы в рядах бойцов за социализм, за будущее славное рабочее царство.

Крикнем же все вместе:

Да здравствует первое мая!

Привет вам, братья рабочие всех стран!

Да здравствует 8-мичасовой рабочий день!

Долой постоянную армию!

Да здравствует социализм!

Да здравствует социал-демократия!

Приговор Казанской Судебной Палаты по делу о вооруженном восстании в Мотовилихинском заводе

Приговором Казанской Судебной Палаты по делу о вооруженном восстании в Мотовилихинском заводе определено:

Павла Усольцева, Николая Пищулева, Григория Волкова, Лидию Сюзеву, Степана Полякова, Ивана Витте, Александра Сосолятина, Константина Санина, Тимофея Булыгина и Всеволода Владимирского *) считать по суду оправданными.

Ивана Яковлевича Болдачева, Александра Петрова Шишова, на основании 122 и 2 ч. 126 ст. угол. улож., заключить в исправительный дом— первого на пять лет, второго на четыре года.

1. Ивана Павлова Норина.
2. Александра Матвеева Шулятьева.
3. Дмитрия Андреева Жигулева.
4. Александра Васильевича Лебедева.
5. Василия Павлова Ясырева, кр. Осинского уезда, Крыловской вол.
6. Ивана Михайлова Ширинкина, п. м.
7. Степана Семенова Ощепкова, п. м.
8. Ивана Никитина Бояринцева, кр. Уржумского у., Батышеройской в.
9. Алексея Григорьева Жирякова.
10. Сергея Афанасьева Орлова, кр. Уржумского у., Батышеройской вол.
11. Василия Дмитриева Мелентьева.
12. Алексея Гаврилова Безолуцких, сел. об. Юговской вол., Пермск. у.
13. Егора Федорова Фофанова, маст. Осинского у., Югокнауфимской вол.

На основании 123 ст. угол. улож. отдать в исправительный дом на четыре года каждого.

14. Илью Васильева Мельчакова, п. м.
15. Михаила Александрова Кобелева, кр. Уржумского у., Батышеройской в.
16. Михаила Петрова Филимонова.
17. Никифора Никитина Исупова, кр. Слободского у., Маракухинской в.

---

*) На суде Владимирский показал, что на митинге выступал, но к вооруженному восстанию не призывал.

18. Ивана Алексеева Панфилова, кр. Уржумского у., Батышеройской в.

19. Ивана Николаевича Иванчина.

На основании той же 123 ст. угол. улож. заключить в исправительный дом на два года и восемь месяцев.

20. Терентия Никифорова Абросимова.

21. Федора Семенова Корюгина, кр. Уржумского у., Батышеройской в.

22. Федора Васильева Лядова.

На основании 123 ст. угол. улож. заключить в исправительный дом на четыре года каждого.

23. Анатолия Петрова Галдина.

24. Федора Никифорова Корягина.

25. Егора Иванова Пачина.

На основании 129 ст. угол. улож. заключить в исправительный дом на три года каждого.

1. Александра Евтихиева Безсонова.
2. Александра Германова Дябина.
3. Андрея Яковлева Соколова.
4. Николая Николаева Серовикова.
5. Ивана Петрова Чернозипунникова.
6. Ивана Николаева Рудакова.
7. Андрея Александрова Ахлюстина.
8. Василия Павлова Туркина.

На основании той же 129 ст. угол. улож. заключить в тюрьму: Безсонова и Дябина на 9 месяцев, а остальных на 6 месяцев каждого.

Павла Александрова Матвеева.

Велентину Степановну Мутных.

Анатолия Васильева Семченко.

На основании 2 ч. 132 ст. угол. улож. заключить в крепость первых двоих на 4 месяца каждого, а последнего на два месяца.

Список привлекавшихся по делу о вооруженном восстании в Мотовилихинском заводе.

1. Абросимов Терентий Никифоров, 22 лет, крестьянин Казанской губ., Лаишевского уезда, Державинской волости, села Мотюина, 1268 т., 10, 2036 т. 15.

2. Ахлюстин Андрей Александрович, 19 лет, личный почетный граждани—1033 т. 9.

3. Андрузский Петр Палладиевич (503—505 т. 5), сын чиновника.

4. Бояринцев Иван Никитин, 24 лет, крестьяни Вятской губ., Орловского уезда, Подрельской вол., деревни Прогонниковой (40 т. 1, 212 т. 15).

5. Болдачев Иван Яковлевич, 26 лет, сельский обыватель Мотовилихинского завода (42 об т. 1, 1998 т. 15).

6. Булькин Тимофей Васильевич, 19 лет, сын губернского секретаря, (708—710, 711 об. т. 7).

7. Безолуцких Алексей Гаврилов, 23 лет, сельский обыватель Юговского завода, Пермского уезда, (11—12, 39 т. 1, 1978, 2062, т. 15).

8. Боршев Вячеслав Семенов, 16 лет, сельский обыватель Мотовилихинского завода (11—12, 25 т. 1, 2056 т. 15).

9. Батраков Афанасий Николаев, 24 лет, крестьянин Пермского уезда, Верхне-Муллинской волости, дер. Местиковой (11—12, 41 т. 1)

10. Безсонов Александр Евтихиев, 26 лет, сельский обыватель Юговского завода, Пермского уезда (502—505, 506, об. т. 5).

11. Бубенников Павел Михайлов, 32 лет, Пермский мещанин. (1179 т. 10).

12. Бибичев Василий Осипович, 26 лет, сельский обыватель Мотовилихинского завода (1178 т. 10).

13. Бычин Федор Михайлов, 26 лет, сельский обыватель Мотовилихинского завода. (1180 т. 10).

14. Борчанинов Павел Лукин, 17 лет, Пермский мещанин. (1169, об. т. 9).

15. Борчанинов Петр Лукин, 18 лет, Пермский мещанин. (1169, об. т. 9).

16. Борчанинов Александр Лукин . . . . Пермский мещанин. (1110 т. 9).

17. Витте Иван Фердинандов, 23 лет, Пермский мещанин (722 об. т. 7).

18. Волков Григорий Евдокимов, 24 лет, сельский обыватель Мотовилихиского завода (760 т. 7).

19. Владимирский Всеволод Александров, 42 лет, сын чиновника (825—828, 863 т. 8).

20. Гладин Анатолий Петров, 34 лет, сельский обыватель Мотовилихинского завода (524 т. 5).

21. Горных Михаил Павлов. (825 т. 8).

22. Глустин Илья Владимиров, 26 лет, Тобольский мещанин (1003 т. 8, 2122 т. 15).

23. Дябин Александр Германов, 23 лет, Букульсинский мещанин, Самарской губерчии (708—710,738 т. 7).

24. Двойнишников Михаил Федоров, 31 года, сельский обыватель Юговского завода, Пермского уезда (708—710, 712 т. 7).

25. Деменьчук Леонтий Михайлович, 22 лет, мещанин города Перми (860 т. 8).

26. Жигулев Дмитрий Андреев, 24 лет, сельский обыватель Мотовилихиского завода (38 об. т. 1, 2117 т. 15).

27. Жиряков Алексей Григорьев, 28 лет, сельский обыватель Серебрянского завода, Кунгурского уезда. (44 т. 1, 1999 т. 15).

28. Зенков Иван Васильев, 25 лет, мастеровой Полазнинского завода, Пермского уезда (911 т. 7).

28. Иванчин Иван Николаев, 17 лет, сельский обыватель Мотовилихинского завода. (31 т. 1, 1978 т. 15).

30. Исупов Никифор Никитин, 19 лет, крестьянин Вятской губернии, Слободского уезда, Маракулинской волости, села Муллинского (11—12, 32 т. 1, 2017, 1978 т. 15).

31. Ивонин Василий Прокопьев, 22 лет, крестьянин Вятской губернии, Орловского уезда, Шишкинской волости (841 т. 8).

32. Корюгин Федор Семенов, 29 лет, крестьянин Вятской губернии, Котельнического уезда, Спасо-Преображенской волости, села Ковержского (11—12, 44 т. 1, 414 т. 4, 1978—1998 об. т. 10).

33. Козлов Александр Кириллов, 16 лет, крестьянин Вятской губерн., Нолинского уезда, Ворсинской волости. (11—12, 28 т. 1, 2013 т. 15).

34. Кобелев Михаил Александров, 17 лет, Осинский мещанин. (34 об. т. 1, 2017 т. 15).

35 Корякин Федор Никандров, 35 лет, сельский обыватель Юговского завода, Пермского уезда (502—505, 523 т. 5).

36. Коровашков Григорий Алексеев, 25 лет, сельский обыватель Мотовилихинского завода (1177 т. 10).

37. Кочергин Евстафий Иванов, 17 лет, мастеровой Пожевского завода, Соликамского уезда (11—12, 33 об. т. 1, 1978, 2123 т. 15).

38. Лебедев Александр Васильев, 29 лет, сельский обыватель Мотовилихинского завода. (41 об. т. 1, 1998 т. 15).

39. Лядов Федор Васильев, 21 года, крестьянин Пермского уезда, Троицкой волости, деревни Гарековой (375, 412 т. 4, 1978, 2119 т. 15).

40. Лбов Александр Михайлов, сельский обыватель Мотовилихинского завода. (1828—1829 т. 14).

41. Лапин Петр Иванович, 19 лет, сельский обыватель Туринских рудников, Верхотурского уезда (857 т. 8).

42. Мелентьев Василий Дмитриев, 27 лет, мастеровой Добрянского завода, Пермского уезда (11—12, 43 т. 1, 1778 т. 13, 2019 т. 15).

43. Матвеев Павел Александров, 37 лет, Пермский мещанин (825—828, 829 т. 8).

44. Мутных Валентина Степанова, 27 лет, дочь Пермского мещанина. (825—828, 838 т. 8).

45. Матушкин Алексей Яковлев, 14 лет, сельский обыватель Мотовилихинского завода (26 об. т. 1, 2013 т. 15).

46. Мельчаков Илья Васильев, 18 лет, Пермский мещанин (35 т. 1, 2019 т. 15).

47. Михайлов Иосиф Анемподистов, 21 года, сын чиновника. (844 т. 8).

48. Михайлов Анемподист Анемподистов, 20 лет, сын чиновника (студент высших студенческих курсов (т. 8—848, 825—828).

49. Миславская Мария Даниловна, 34 лет, Пермская мещанка. (980 т. 8).

50. Митрофанов Алексей Христофоров. (828 т. 8).

51. Норин Иван Павлов, 21 года, сельский обыватель Мотовилихинского завода (35 об. т. 1, 1999 т. 15).

52. Носырев Павел Васильев, 19 лет, крестьянин Вятской губернии, Слободского уезда, Чернохолуницкой волости и села (565 т. 5).

53. Ощепков Степан Семенов, 27 лет, Пермский мещанин (43 т. 1, 1998 т. 15).

54. Орлов Сергей Афанасьев, 32 лет, крестьянин Пермского уезда, Филатовской волости и села (46 т. 1, 1999 т. 15).

55. Огородников Александр Григорьев, 14 лет, сельский обыватель Мотовилихинского завода (27 т. 1, 2115 т. 15).

56. Пищулев Петр Сергеев, 28 лет, сельский обыватель Мотовилихинского завода (42 т. 1).

57. Поляков Степан Никитин, 49 лет, Пермский мещанин (11—12, 45 об. т. 1, 1978, 1998 об. т. 15).

58. Постаногов Иван Григорьев, 15 лет, сельский обыватель Мотовилихинского завода (11—12, 26 т. 1, 2013 т. 15)

59. Панфилов Иван Алексеев, 17 лет, крестьянин Вятской губернии, Уржумского уезда, села Большой-рой. (33 т. 1, 2017 т. 15).

60. Пачин Егор Иванов, 25 лет, Оханского уезда, Шершинской волости, дер. Кадиновой (502—505, 5233 т. 5и).

61. Пищулев Иван Яковлев, 18 лет, сельский обыватель Мотовилихинского завода (1178 т. 10).

62. Пищулев Николай Васильев, 20 лет, сельский обыватель Мотовилихинского завода. (708—700, 712 т. 7)).

63. Рудаков Иван Николаев, 33 лет, сельский обыватель Мотовилихинского завода (1239, 1306 т. 10).

64. Сысоляпин Александр Ефимов, 22 лет, мещанин города Нижнего-Ломова, Пензенской губернии (1033, 1035 т. 9).

65. Сюзева Лидия Николаева, 25 лет, дочь сельского обывателя (1063 и 1004 т. 8).

66. Семченко Анатолий Васильев, 18 лет, сын чиновника. (825, 828, 913 т. 8).

67. Скачков Иван Николаев, 16 лет, крестьянин Нижегородской губ., Ардатовского уезда, Успенской волости, села Кошкарева. (11—12, 29 об. т. 1).

68. Санин Константин Федоров, 19 лет, мещанин города Козьмодемьянска (107, 109 т. 2, 1978, 1997 т. 15).

69. Сажлов Андрей Яковлев, 26 лет, сельский обыватель Мотовилихинского завода (506 т. 5).

70. Соболев Сергей Афанасьев, 24 лет, крестьянин Ярославской губ., Романово-Борисо-Глебского уезда, Курякинской волости, дер. Липово (510 т. 5).

71. Сгровиков Николай Николаев, 37 лет., сельский обыватель Мотовилихинского завода. (507 т. 5).

72. Сыропятов (он же Маршин) Александр Михайлов, 32 лет, мастеровой Полазнинского завода, Пермского уезда. (1169 т. 9).

73. Стольников Михаил Сергеев, 25 лет, Пермский мещанин (1828—1829 т. 14).

74. Собакинских Михаил Григорьев, 20 лет, Пермский мещанин (502—505, 525 т. 5).

75. Сайдаков Александр Николаев 19 лет, крестьянин Пермского уезда, Сергинской волости (1112 т. 9, 1184 т. 10).

76. Трапезников Владимир Николаев. (825—828 т. 8).

77. Туркин Василий Павлов, 26 лет, Пермский мещанин (1033—1038 т. 9).

78. Торохов Александр Павлов, 16 лет, крестьянин Вятской губернии, Малмыжского уезда, Узинской волости, села Зецы (28 об. т. 1, 2013 об. т. 15).

79. Усольцев Павел Никифоров, 38 лет, сельский обыватель Мотовилихинского завода (11—12, 45 т. 1, 1998, 1999 т. 15).

80. Федорова Марина Прокопьева, 39 лет, Санкт-Петербургская мещанка, (825, 828, 832 т. 8, 2001, 2002, 2034 т. 15).

81. Филимонов Михаил Петров, 17 лет, крестьянин Соликамского уез., Верх-Язвинской волости, дер. Савинины (11—12, 23 т. 1, 2017 т. 15).

82. Фофанов Егор Федоров, 19 лет, крестьянин вол. и завода, уезда (31 об. т. 1, 2056 т. 15),

83. Хлынова Юлия Алексеевна, 32 лет, дочь священника (1003, 1007 т. 8).

84. Чащин Василий Андреев, 23 лет, крестьянин Кунгурского уезда, Серебрянской волости и завода (854 т. 8).

85. Чернозипунников Иван Петров. (1033, 1036 т. 9).

86. Шулятьев Александр Матвеев, 24 лет, сельский обыватель Мотовилихинского завода (38 т. 1, 1998 т. 15).

87. Ширинкин Иван Михайлов, 23 лет, Пермский мещанин (39 т. 1. 1999 т. 15).

88. Шишов Александр Петрович, 27 лет, сельский обыватель Мотовилихинского завода (711 т. 7).

89. Шилов Николай Дмитриев, 35 лет, Пермский мещанин (851 т. 8).

90. Юрш Андрей Георгиев, Виленский мещанин (1110 т. 9).

91. Ясерев Василий Павлов, 21 года, крестьянин Осинского уезда, Крыловской волости и села (36 т. 1, 2117 т. 15).

92. Ягодникова Анна Николаевна, 35 лет, жена бывшего народного учителя (825 – 828, 835 т. 8, 2001, 2042, 2056 т. 15).

[illegible] 1938 [illegible]

[illegible]

[illegible] Перевізна [illegible]

[illegible]

90. [illegible] 55 рр. Перевізна [illegible]

[illegible]

91. [illegible]

[illegible]

92. [illegible] 45 рр. [illegible]

[illegible]

Павшие в борьбе:

1. *Копылов, Василий*—подстрелен казаками в декабрьские дни. Умер в земской больнице после операции в 1906 году.

2. *Бабин, Василий*—член боевой дружины 1905 г. Убит казаками наповал.

3. *Кузнецов, Яков*—нач. боевого десятка в декабрьские дни 1905 г. При попытке бежать был подстрелен, весь истерзанный брошен в короб и увезен на кладбище.

4. *Мелехов, Устин*—член боевой дружины. Подготовлял рабочих к вооруженному восстанию. Арестован в Москве. До суда заболел чахоткой и скончался.

5. *Собакинский, Михаил*—член боевой дружины, повешен в 1907 г в Казани.

6. *Постаногов, А.*—член боевой дружины 1905 года. В 1908 году повешен в Нижегородской тюрьме.

7. *Семов, Василий*—участник восстания. После дней реакции перешел ко Лбову. Был арестован в 1907 году и в 1908 году повешен.

8-9-10. *Жигулев, Безгодов и Белозеров А.*—изрублены полицией в 1908 году в Запрудском районе Мотовилихи.

11. *Некрасов, Николай*—член боевой дружины. В 1909 г. сидел в Самарской тюрьме, заболел тифом и умер.

12. *Поркачев, Ал.*—в 1909 году сослан на поселение, откуда бежал, был арестован и отправлен в каторгу на 4 года, где и погиб.

13. *Радионов, А.*—тяжело ранен казаками в декабрьские дни, умер в больнице.

14. *Макаров, Василий*—присужден к 4-м годам каторги, где заболел и умер.

15. *Ермолаев, Ал.*—в 1907 году был выслан. В ссылке кончил

самоубийством в 1914 году, не желая итти по призыву на войну.

16. *Петров, Петр*—арестован в 1907 г., в 1909 году приговорен к смертной казни и повешен.

17. *Обросимов, Терентий*—член боевой дружины; в 1909 г. был арестован и присужден к смертной казни через повешение.

18. *Булыгин, Тимофей*—член боевой дружины, в 1907 году убит полицией.

19. *Смехов, Александр*— член боевой дружины, в 1907 г. осужден на 12 лет каторги. При отправке решил бежать от конвоя, но был подстрелен на смерть в 1909 году.

20. *Ульянов, Николай*—член боевой дружины 1905 г. За подготовку восстания среди армии в 1907 году был арестован и отбыл 4 года крепости в Верхотурской тюрьме. В 1909 г. кончил самоубийством.

21. *Калашников, Александр*—член боевой дружины 1905 года В 1909 году был арестован в Уфе, где был повешен.

Алфавитный указатель.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Редакция Истпарта.

Примечания:

Одна из листовок мая 1906 г. (№ 17) случайно помещена в листовках мая 1905 года. Снимки работников подполья, в большинстве произведенные охранкой, помещены те, которые были в распоряжении Истпарта, некоторые не вышли по техническим условиям. По возможности будут помещены снимки всех работников подполья в последующих изданиях.

Опечатки:

Стран.:	Строка:	Напечатано:	Должно быть:
24	17—18 снизу	немногие	немногие:
30	7 сверху	„Рабочем бюллетене“	и в „Рабочем бюллетене“
31	13 снизу	были оченьне	были обеспечены.
51	7 снизу	складывллись	складывались
64	9 снизу	отстреливались	отстреливаясь
71	12 сверху	н кооперативу	и кооперативу
75	14 сверху	чащс	чаще
82	3 сверху	необыкновенное	не обыкновенное
85	9 сверху	4-го мая	14-го мая
95	19 снизу	Бремя	Время
101	9 снизу	слыхоми	и слыхом
110	16 сверху	9 марта	6 марта
118	2 снизу	провинцоналом	провинционалом
118	2 снизу	мого	много
120	13 сверху	сочувствующие и	и сочувствующие
121	13 сверху	в верху	вверху
122	3 сверху	от куда	откуда
123	1 снизу	т. Артем	т. Артема
126	5 снизу	однонадцати	одинадцати
196	10 сверху	не встречу	навстречу
135	8 снизу	Назара Накорякова	„Назара“-Накорякова
135	1 снизу	это	эта
136	12 сверху	за камой	за Камой
148	1 снизу	ова	два
176	5 сверху	В конпе	В конце
219	5 сверху	в 1908 году	в 1908 году в Перми
219	7, 16, 21 сверху	Кузнецов	Кизнерцев
223	1 сверху	На пароходе“	На пароходе.

130356
20/I-88